

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

Отделение историко-филологических наук

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

Журнал основан в январе 1952 года

Выходит 6 раз в год

4

ИЮЛЬ — АВГУСТ

Москва

2021

Главный редактор:

В. А. Плунгян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

Зам. главного редактора:

Н. Б. Вахтин д. ф. н., проф., чл.-корр. РАН, Европейский университет в Санкт-Петербурге; Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Подлесская д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет

Редколлегия:

В. М. Алпатов д. ф. н., проф., академик РАН, Институт языкознания РАН

Ю. Д. Апресян д. ф. н., проф., академик РАН, Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

И. М. Богуславский д. ф. н., проф., Институт проблем передачи информации им. А. А. Харкевича РАН; Мадридский политехнический университет, Испания

М. Д. Воейкова д. ф. н., Институт лингвистических исследований РАН

В. З. Демьянков д. ф. н., проф., Институт языкознания РАН

Д. О. Добровольский д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН; Стокгольмский университет, Швеция

В. А. Дыбо д. ф. н., академик РАН, Институт славяноведения РАН

А. Ф. Журавлёв д. ф. н., Институт славяноведения РАН; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова

П. В. Иосад Ph.D., Эдинбургский университет, Великобритания

Н. Н. Казанский д. ф. н., проф., академик РАН, Институт лингвистических исследований РАН

В. И. Киммельман Ph.D., Бергенский университет, Норвегия

Г. И. Кустова д. ф. н., проф., Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

А. М. Молдован д. ф. н., академик РАН, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

М. С. Полинская Ph.D., проф., Мэрилендский университет, США

Е. В. Рахилина д. ф. н., проф., Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Я. Г. Тестелец д. ф. н., проф., Российский государственный гуманитарный университет; Институт языкознания РАН

Л. А. Янда Ph.D., проф., Университет Тромсё — Норвежский арктический университет, Норвегия

Зав. редакцией: Н. В. Ганнус

Зав. отделами: Л. С. Козлов, А. С. Кулева

Отдел рецензий: А. В. Кухто

Статьи отбираются редколлегией журнала на основе анонимного независимого рецензирования.

Индексируется в: Российский индекс научного цитирования (РИНЦ); Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography Modern Language Association; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts (Online); ProQuest Linguistics Collection; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest Social Science Premium Collection; Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»

Телефон: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Сайт: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

© Российская академия наук, 2021

© Составление. Редколлегия журнала «Вопросы языкознания», 2021

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES

Department of History and Philology

VOPROSY
JAZYKOZNANIJA
(TOPICS IN THE STUDY OF LANGUAGE)

Founded in January 1952
6 issues per year

4
JULY — AUGUST

Moscow
2021

Editor-in-chief:

Vladimir A. PLUNGIAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Assistant editors:

Vera I. PODLESSKAYA Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia
 Nikolai B. VAKHTIN European University at St. Petersburg; Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia

Editorial board:

Vladimir M. ALPATOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Yury D. APRESJAN Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS); Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Igor M. BOGUSLAVSKY Kharkevich Institute for Information Transmission Problems (RAS), Moscow, Russia; Universidad Politécnica de Madrid, Spain
 Valery Z. DEMYANKOV Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Dmitrij O. DOBROVOL'SKIJ Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia; Stockholm University, Sweden
 Vladimir A. DYBO Institute of Slavic Studies (RAS), Moscow, Russia
 Pavel IOSAD University of Edinburgh / Oilthigh Dhùn Èideann, UK
 Laura A. JANDA Universitetet i Tromsø: Norges arktiske universitet, Tromsø, Norway
 Nikolai N. KAZANSKY Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Vadim KIMMELMAN University of Bergen, Norway
 Galina I. KUSTOVA Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Aleksandr M. MOLDOVAN Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Maria POLINSKY University of Maryland, College Park, USA
 Ekaterina V. RAKHILINA HSE University; Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Moscow, Russia
 Yakov G. TESTELETS Russian State University for the Humanities; Institute of Linguistics (RAS), Moscow, Russia
 Maria D. VOEIKOVA Institute for Linguistic Studies (RAS), St. Petersburg, Russia
 Anatoly F. ZHURAVLEV Institute of Slavic Studies (RAS); Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Managing editor: Natalia V. GANNUS

Editorial staff: Lev S. KOZLOV, Anna S. KULEVA

Review editor: Anton V. KUKHTO

Articles are selected by the editorial board on the basis of anonymous double-blind independent peer review process.

Abstracting/Indexing: Brill Linguistic Bibliography (Online); Cambridge University Press Language Teaching (Online); De Gruyter Saur Dietrich's Index Philosophicus; EBSCOhost MLA International Bibliography Modern Language Association; Elsevier BV Scopus; European Reference Index for the Humanities and Social Sciences (ERIH PLUS); Gale MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest CSA Linguistics and Language Behavior Abstracts Cambridge Scientific Abstracts (Online); ProQuest Linguistics Collection; ProQuest MLA International Bibliography Modern Language Association; ProQuest Social Science Premium Collection; Rossiiskii indeks nauchnogo tsitirovaniya (RINTs); Russian Science Citation Index (RSCI); Web of Science Core Collection's Emerging Sources Citation Index (ESCI); Wiley-Blackwell Publishing Ltd. Linguistics Abstracts (Online).

Address: "Voprosy Jazykoznanija", editorial office, Vinogradov Russian Language Institute (RAS), Volkhonka street, 18/2, Moscow, 119019, Russia

Telephone: +7 495 637-25-16

E-mail: voprosy@mail.ru

Website: <https://vja.ruslang.ru>

ISSN 0373-658X

Содержание

П. М. АРКАДЬЕВ, А. Д. ДАУГАВЕТ. Перфект в литовском и латышском языках: сопоставительный анализ на основе типологической анкеты	7
О. Е. ПЕКЕЛИС. «Эффект крысолова» в русских относительных придаточных: микродиахроническое исследование	42
А. Б. ЛЕТУЧИЙ. Русское местоимение <i>там</i> как средство анафоры к актанту	72
Е. В. ГОРБОВА, О. Ю. ЧУЙКОВА, С. С. ШАРЫГИНА. Имперфективизируемость русских приставочных перфективов: регулярность и специфика	91
YAN Jianwei, LIU Haitao. Morphology and word order in Slavic languages: Insights from annotated corpora	131

Рецензии

И. С. БУРУКИНА. [Рец. на:] I. Roberts. <i>Parameter hierarchies and Universal Grammar</i> . Oxford: Oxford University Press, 2019	160
Н. М. ЕСКНОФФ. [Рец. на:] J. Kamphuis. <i>Verbal aspect in Old Church Slavonic: A corpus-based approach</i> . Leiden; Boston: Brill, 2020	166

Contents

Peter M. ARKADIEV, Anna D. DAUGAVET. Perfect grams in Lithuanian and Latvian: A comparative analysis based on a typological questionnaire	7
Olga E. PEKELIS. Pied-piping in Russian relative clauses: A microdiachronic analysis	42
Alexander B. LETUCHIY. The Russian pronoun <i>tam</i> as a marker of anaphora to an argument. . .	72
Elena V. GORBOVA, Oksana Iu. CHUIKOVA, Sofia S. SHARYGINA. Imperfectivability of Russian prefixal perfectives: Regularity and peculiarities	91
YAN Jianwei, LIU Haitao. Morphology and word order in Slavic languages: Insights from annotated corpora	131

Reviews

Irina BURUKINA. [Review of:] I. Roberts. <i>Parameter hierarchies and Universal Grammar</i> . Oxford: Oxford University Press, 2019	160
Hanne Martine ECKHOFF. [Review of:] J. Kamphuis. <i>Verbal aspect in Old Church Slavonic: A corpus-based approach</i> . Leiden; Boston: Brill, 2020	166

Перфект в литовском и латышском языках: сопоставительный анализ на основе типологической анкеты

© 2021

Петр Михайлович Аркадьев^аАнна Дмитриевна Даугавет^б

^аИнститут славяноведения РАН, Москва, Россия; Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; alpgurev@gmail.com; ^бСанкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия; a.daugavet@spbu.ru

Аннотация: Статья представляет результаты первого подробного сопоставительного исследования семантики глагольных форм перфекта в литовском и латышском языках. Анализ заполненной пятью латышскими и семью литовскими информантами типологической анкеты выявляет неодинаковую степень грамматикализации перфекта настоящего времени в балтийских языках. Набор контекстов, доступный для перфекта настоящего времени в латышском, оказывается шире, чем в литовском, и ближе к семантике перфекта в английском и скандинавских языках. Если в литовском перфект настоящего времени ограничен экспериментивными и собственно результативными контекстами, в которых он конкурирует с формами простого прошедшего, то в латышском он имеет также значения имедиатного прошедшего, «текущей релевантности» и инклюзивное. Перфект прошедшего времени, напротив, чаще встречается в литовском и являет собой отдельную категорию, не демонстрирующую значительной симметрии с перфектом настоящего времени. Кроме того, в статье обсуждается употребление перфекта будущего времени и особой разновидности перфекта со вспомогательным глаголом в форме эвиденциалиса, а также употребление причастий, совпадающих с лексическим компонентом перфектных форм, но способных функционировать без вспомогательного глагола.

Ключевые слова: анкета, аспект, балтийские языки, время, литовский язык, латышский язык, перфект, плюсквамперфект, причастие, эвиденциальность, семантика

Благодарности: Авторы выражают признательность Д. М. Зеленскому, Д. В. Сичинаве и двум анонимным рецензентам за ценные замечания к первому варианту статьи. Все ошибки и неточности остаются на нашей совести.

Для цитирования: Аркадьев П. М., Даугавет А. Д. Перфект в литовском и латышском языках: сопоставительный анализ на основе типологической анкеты. *Вопросы языкознания*, 2021, 4: 7–41.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.4.7-41

Perfect grams in Lithuanian and Latvian: A comparative analysis based on a typological questionnaire

Peter M. Arkadiev^аAnna D. Daugavet^б

^аInstitute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia; Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; alpgurev@gmail.com; ^бSaint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia; a.daugavet@spbu.ru

Abstract: This article presents a first detailed comparative investigation of the semantics of the perfect verbal forms in standard Lithuanian and Latvian. A typological questionnaire filled by five Latvian and seven Lithuanian informants reveals the difference in the degree of grammaticalization of the present

perfect between the two Baltic languages. The set of contexts available for the present perfect in Latvian is wider and more reminiscent of the perfects in English and Scandinavian languages in comparison to the Lithuanian counterpart. While in Lithuanian the present perfect is restricted to the experiential and the resultative contexts, where it is also often substituted by the simple past, Latvian also employs the present perfect to convey the meanings of 'hot news', current relevance and persistent situation. The past perfect, on the contrary, is more frequent in Lithuanian and appears to be a separate category rather than a past tense version of the present perfect. The article also discusses the use of the future perfect and of a special variety of the perfect with the auxiliary in the evidential form, as well as the use of 'bare' participles formally coinciding with the second component of the analytical perfect form but used without the auxiliary.

Keywords: aspect, Baltic, evidentiality, Latvian, Lithuanian, participles, perfect, pluperfect, questionnaire, tense

For citation: Arkadiev P. M., Daugavet A. D. Perfect grams in Lithuanian and Latvian: A comparative analysis based on a typological questionnaire. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 4: 7–41.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.4.7-41

1. Введение

Материал балтийских языков (литовского и латышского, тем более миноритарного латгальского) до сих пор за единичными исключениями редко привлекался в исследованиях по грамматической семантике и теории и типологии грамматических категорий. Несмотря на то что в последнее время положение дел стало постепенно меняться, немало областей остается недостаточно изученными. Одна из этих областей — категории, относящиеся к области перфекта. Действительно, литовский и латышский языки не обсуждаются ни в основополагающей монографии [Dahl 1985], ни даже в наиболее подробном типологическом обзоре видо-временных категорий европейских языков [Dahl (ed.) 2000], в частности в его разделах, посвященных перфекту [Lindstedt 2000; Dahl, Hedin 2000]. Известные нам современные работы о перфекте в балтийских языках по большей части обсуждают литовский язык [Генюшене, Недялков 1983; Geniušienė, Nedjalkov 1988; Генюшене 1989; 1990; Аркадьев 2012; 2016; Wiemer 2012; Sakurai 2016]; напротив, латышскому языку посвящена лишь небольшая и труднодоступная статья [Nau 2005]. Сопоставительных же исследований, сравнивающих семантику и употребление перфектных форм в балтийских языках, насколько мы знаем, нет вообще (ряд наблюдений, во многом основанных на данных настоящего исследования, см. в обзорной статье [Arkadiev, Wiemer 2020]).

Наша статья призвана отчасти заполнить эту лауну и представляет результаты сопоставительного изучения семантики и функционирования перфектных форм в литературных литовском и латышском языках, основанного на типологической анкете из [Dahl (ed.) 2000: 800–809]. Само это исследование является частью более обширного проекта, в котором также привлекаются данные параллельных корпусов; предварительные результаты см. [Arkadiev, Daugavet 2016]. Мы приняли решение в данной статье ограничиться материалом опроса носителей языка — с одной стороны, по соображениям экономии места, с другой стороны, потому, что этот материал, как мы полагаем, представляет интерес сам по себе. Во-первых, типологическая анкета дает возможность изучить целый набор контекстов и функций, не все из которых могут с достаточной частотой встретиться даже в обширном корпусе. Во-вторых, само устройство анкеты с четко заданным контекстом позволяет лучше контролировать и адекватность перевода, и взаимодействие грамматической формы с ее окружением. В-третьих, что оказалось особенно важным в нашем исследовании, использование анкеты позволило выявить и описать вариативность употребления грамматических форм, которую вряд ли удалось бы столь прямо обнаружить при корпусном анализе.

Структура статьи такова. В § 2 мы описываем устройство анкеты и ход исследования. В § 3 приводятся основные сведения о глагольных системах литовского и латышского

языков, необходимые для понимания дальнейшего изложения. В § 4 излагаются собственно результаты нашего исследования. В § 5 мы подводим итоги работы.

2. Описание исследования

Используемая нами анкета была составлена в рамках проекта EUROTYP специально для изучения перфекта (The Perfect Questionnaire, [Dahl (ed.) 2000: 800–809]). Она состоит из 88 пунктов, каждый из которых содержит предложения с одним или несколькими глаголами, как правило с дополнениями в скобках, уточняющими речевую ситуацию или значения высказываний. С учетом того, что глаголов в одном пункте может быть несколько, общее число проверяемых анкетой контекстов равно 156. Образец одного из пунктов анкеты приводится в (1). Предложения из анкеты переводятся носителем, владеющим английским языком, на исследуемый язык. Глаголы, выделенные заглавными буквами, намеренно даны в форме инфинитива, чтобы по возможности ограничить влияние английского языка на выбор грамматических категорий при переводе. Кроме того, анкета содержит примечания-инструкции («можно перефразировать», «следует переводить все варианты»).

- (1) 2: [A: It seems that your sister never finishes books.] B: (That is not quite true.)
She READ this book (= all of it).

К анкете прилагается описание, которое разбивает пункты анкеты на группы в зависимости от передаваемых значений. Так, пункты 1–7 (включая данный в образце пункт 2-READ¹) являются диагностическими и призваны установить наличие или отсутствие в языке специальной формы перфекта; пункты 8–11, напротив, представляют собой нарративы, где форма перфекта, если данная категория имеется в языке, употребляться не должна. Пункты 12–13 ориентированы на выражение точечного завершенного события; пункты 14–25 выявляют формы глагола, используемые в сочетании с различными обстоятельствами времени, пункты 27–31 представляют контексты фазовых наречий ‘уже’ и ‘еще не’; пункты 32–36 нацелены на экспериентивное значение, 40–46 на посессивные и результативные значения, 47–50 на континуативное (инклюзивное) значение, 55–58 на иммедиатное значение, а 59–74 на эвиденциальность. Пункты 75–79 выявляют значение перфекта, транспонированное во временной план прошлого, а пункты 36–39 и 81 — значение отмененного результата (собственно плюсквамперфект). Наконец, пункты 82–88 выявляют перфект будущего времени. Ряд пунктов анкеты выявляет употребления, которые трудно объединить в какие-либо группы.

Один из возможных способов анализа результатов перевода анкеты информантами заключается в поэтапном рассмотрении каждой из обозначенных групп примеров на предмет того, насколько последовательно в соответствующих пунктах анкеты используется та или иная форма. Однако в настоящей работе мы идем другим путем, рассматривая грамматические формы перфекта настоящего, прошедшего и будущего времени и некоторые другие формы с точки зрения того, в каких пунктах анкеты каждая из них встречается и какое число информантов ее использует при переводе каждого из таких пунктов. Такой подход позволяет более точно определить семантику и принципы употребления грамматических форм, соотношение которых с межъязыковыми грамматическими типами в принципе известно заранее.

В ходе сбора материала, проведенного в основном в 2013 г., анкету перевели семь литовских и пять латышских информантов. Все информанты — женщины с филологическим образованием, всем им в момент исследования было от 20 до 30 лет, за исключением двух

¹ В дальнейшем мы кодируем каждый исследуемый пункт анкеты сочетанием его номера в [Dahl ed. 2000] с инфинитивом фигурирующего в нем глагола, при необходимости указывая с помощью латинских букв порядковый номер глагола в составе пункта анкеты.

литовских информанток, относящихся к более старшему поколению. Никто из опрошенных носителей не имеет ярко выраженной диалектной принадлежности. Все информантки переводили анкеты в электронном виде и без участия исследователей, дополнительные вопросы по поводу переводов информанткам впоследствии не задавались².

Результаты были помещены в таблицу Excel, отдельную для каждого из языков, в которой строки соответствуют глаголам из анкеты, а столбцы — информанткам, см. таблицу 1. Для каждого глагола указывались грамматические характеристики слова или словосочетания, при помощи которого каждая из информанток перевела данный глагол. В частности, глагол READ из показанного выше предложения в пункте 2 все литовские информантки перевели простым прошедшим временем, тогда как при переводе на латышский язык три информантки использовали перфект настоящего времени (perf_prs), одна — простое прошедшее (pst) и одна — простое настоящее (prs)³.

Таблица 1

Способы перевода 2-READ латышскими информантками

		LV1	LV2	LV3	LV4	LV5
2	read	pst_pref ⁴	perf_prs_pref	prs_npref	perf_prs_pref	perf_prs_pref

Чтобы иметь возможность сравнить, как глагол из одного и того же пункта анкеты переводится на литовский и латышский, а также сопоставить переводы разных предложений на один и тот же язык, необходимо для каждого примера выбрать доминирующий способ перевода на каждый из языков. В качестве такового принимается форма, представленная более чем в половине вариантов перевода на каждый из языков. Для каждого пункта анкеты все грамматические формы можно разделить на две группы:

Первая группа: литовские формы, которые при переводе примера выбрало более трех литовских информанток, и латышские формы, которые выбрало более двух латышских информанток.

Вторая группа: литовские формы, которые при переводе примера выбрало менее четырех литовских информанток, и латышские формы, которые выбрало менее трех латышских информанток (включая случаи, когда искомую форму не выбрала ни одна из информанток).

Таким образом, можно сказать, что при переводе предложения (1) на латышский язык преобладающей является форма перфекта настоящего времени, которой отдали предпочтение три информантки из пяти.

Информация о распределении грамматических форм, использованных при переводе конкретного пункта анкеты на оба языка, может быть представлена в виде таблицы, ср. таблицу 2 (список сокращений см. в конце статьи). Полужирным выделены доминирующие формы.

² Тем самым наше исследование значительно отличается от проведенного Э. Сакураи [Sakurai 2016], которая предлагала 282 носителям литовского языка оценивать приемлемость сконструированных предложений с теми или иными грамматическими формами. При этом анкета, использованная Э. Сакураи, насколько можно судить по публикации, включала по одному примеру каждого из семантических типов, что снижает надежность результатов.

³ Важно отметить, что мы подсчитывали число вариантов перевода, а не число информантов, поскольку одна и та же информантка могла привести более одного варианта перевода. Варианты одной и той же информантки, различающиеся не грамматической формой, а глагольной лексемой, изымались вручную. Если информантка предлагала два и более вариантов перевода, различающихся грамматическими характеристиками глагола, учитывался каждый из вариантов, что в некоторых случаях не позволяет выбрать преобладающую форму.

⁴ Используемые в таблице сокращения pref и npref отражают наличие у глагола преверба, что, однако, не учитывалось при анализе результатов, как и связанное с ним традиционно постулируемое в балтийском языкознании противопоставление глаголов по «виду»; см. об этом применительно к литовскому языку [Генюшене 1989; 1990; 2020] и [Аркадьев 2012].

Таблица 2

Грамматические формы в переводах пункта 2-read на литовский и латышский

на литовский			на латышский		
ПрфН	Прош	ПрфП	ПрфН	Прош	Наст
0	7	0	2-READ	3	1

3. Необходимые сведения о литовской и латышской глагольных системах

В глагольных системах обоих рассматриваемых балтийских языков (см. обзоры в [Mathiasen 1996; Arkadiev et al. 2015: 20–35]) противопоставляются синтетические (простые) формы настоящего, прошедшего и будущего времени и соответствующие им аналитические формы перфекта настоящего, прошедшего и будущего времени, образованные соответствующими формами вспомогательного глагола ‘быть’ (лит. *būti*, лтш. *būt*; формы настоящего времени образуются от супплетивной основы *es-* и демонстрируют иные нерегулярности) и активным причастием прошедшего времени. В литовском языке в системе прошедшего времени различаются простые и хабитуальные формы с суффиксом *-dav-* (о последних см. в первую очередь [Sakurai 2015]), и это различие релевантно и для системы перфекта. В латышском языке вспомогательный глагол также может выступать в специализированной эвиденциальной форме (ее аналогом в литовском служит активное причастие; об эвиденциальных формах в балтийских языках см., в частности, [Wälchli 2000; Holvoet 2007: Ch. 4; Kehayov 2008]). Синтетические формы выражают лицо и число подлежащего (в формах 3-го лица число нейтрализуется), а причастия в составе аналитических форм согласуются с подлежащим в роде и числе. Формы простых и перфектных времен литовского и латышского языков приведены в таблицах 3 и 4 соответственно.

Таблица 3

Простые и перфектные времена в литовском (3 лицо, ‘любить’)

	простые	перфект
настоящее	<i>myli</i>	<i>yra</i>
прошедшее	<i>mylėjo</i>	<i>buvo</i>
прошедшее хабитуальное	<i>mylėdavo</i>	<i>būdavo</i>
будущее	<i>mylės</i>	<i>bus</i>

Таблица 4

Простые и перфектные времена в латышском (3 лицо, ‘любить’)

	простые	перфект
настоящее	<i>mīl</i>	<i>ir</i>
прошедшее	<i>mīlēja</i>	<i>bija</i>
будущее	<i>mīlēs</i>	<i>būs</i>
эвиденциалис	<i>mīlot</i>	<i>esot</i>

Помимо этого в обоих балтийских языках причастия, в частности активные причастия прошедшего времени, могут выступать без выраженного вспомогательного глагола. Такие «голые» причастия неоднозначны. С одной стороны, это может быть перфект настоящего времени с опущенным вспомогательным глаголом, что характерно, например, для перфекта состояния в литовском, а с другой — выражение косвенной эвиденциальности по отношению к событиям прошлого, см. [Вимер 2007]. В нашем материале встретились случаи обоих типов, см. § 4.2.

Наряду с перфектными конструкциями со вспомогательным глаголом ‘быть’ в литовском языке представлен также посессивный перфект со вспомогательным глаголом *turėti* ‘иметь’ и активным причастием прошедшего времени (см. о нем в первую очередь [Wiemer 2012]), а в латышском языке — аналитическая форма со вспомогательным глаголом *tikt* ‘становиться’, по значению близкая экспериментивному перфекту, см. [Daugavet, Holvoet 2019]. В нашем материале указанные формы отмечены единичными примерами и специально рассматриваться не будут.

4. Результаты исследования

В данном разделе мы излагаем результаты нашего сопоставительного исследования форм перфекта в литовском и латышском языках, рассматривая последовательно перфект настоящего времени (ПрфН), «голые» причастия прошедшего времени (Прич), специализированную форму эвиденциального перфекта (ПрфЭ) в латышском, перфект прошедшего времени (ПрфП) и перфект будущего времени (ПрфБ). Описание каждой формы строится по единой схеме. Сначала приводятся количественные данные — число пунктов анкеты, где искомая форма фигурирует хотя бы один раз при переводе на каждый из языков, а также число пунктов, где искомая форма преобладает, — и отмечаются случаи совпадения или несовпадения данных групп пунктов анкеты в литовских и латышских переводах. Далее рассматриваются типы контекстов, где каждая из форм преобладает, и выявляются семантические или иные факторы, обуславливающие ее употребление в каждом из языков. Затем рассматриваются пункты анкеты, где данная форма выступает лишь маргинально.

4.1. Перфект настоящего времени

Форма перфекта настоящего времени (ПрфН) в литовском и латышском языках состоит из активного причастия прошедшего времени, согласуемого с подлежащим по числу и роду, и вспомогательного глагола ‘быть’ в форме простого настоящего, ср. пример (2).

- (2) 4: Question: You MEET my sister (at any time in your life up to now)?

лит	<i>Ar</i>	<i>es-i</i>	<i>sutik-ęs</i>	<i>mano</i>	<i>seser-į?</i>
	Q	быть.PRS-2SG	встретить-PST.PA.NOM.SG.M	мой	сестра-ACC.SG
лтш	<i>Vai</i>	<i>es-i</i>	<i>satic-is</i>	<i>man-u</i>	<i>mās-u?</i>
	Q	быть.PRS-2SG	встретить-PST.PA.NOM.SG.M	мой-ACC.SG	сестра-ACC.SG

‘Ты когда-нибудь встречал мою сестру?’

Число пунктов анкеты, переведенных на латышский посредством ПрфН (56), оказывается почти в два раза больше числа аналогичных предложений в литовской части анкеты (32). Из них 30 пунктов являются общими для двух языков — иначе говоря, примерно в половине пунктов, которые хотя бы одна из информанток переводит на латышский при помощи ПрфН, хотя бы в одном из вариантов перевода на литовский также используется ПрфН. Тем самым, пункты, содержащие ПрфН в литовской части, почти целиком

(за исключением двух) укладываются в более обширную группу предложений, переводящихся при помощи ПрфН на латышский. При этом другая половина латышских предложений с ПрфН (всего 27) литовских соответствий с ПрфН не имеет.

Аналогичная картина получается при обращении к тем пунктам анкеты, где формы ПрфН содержатся более чем в половине вариантов перевода. Они преобладают в 38 пунктах из 56 в латышской версии анкеты и в 13 из 32 в литовской. При этом из 13 литовских предложений с преобладающим ПрфН десять соответствуют предложениям, где ПрфН составляет большинство в латышском. Таким образом, за основу описания ПрфН удобнее оказывается взять распределение данных форм в латышской части анкеты.

Начнем с контекстов, в которых ПрфН доминирует в обоих языках. Эти примеры в основном относятся к **экспериментивному** и **посессивно-результативному** значениям. Предложения с экспериментивным значением (experiential perfect) обозначают ситуации, хотя бы раз имевшие место в течение неопределенного периода времени вплоть до момента речи или иной точки отсчета (см., например, [Comrie 1976: 58–59; Dahl 1985: 139–144; Вострикова 2010]), и составляют довольно многочисленную группу, см. (3).

(3) экспериментивное значение

- 1: [A: I want to give your sister a book to read, but I don't know which one. Are there any of these books that she READ already?] B: Yes, she READ this book.
- 4: Question: You MEET my sister (at any time in your life up to now)?
- 6: [Question: Do you know my sister? Answer:] Yes, I MEET her (so I know her).
- 7: [Question: Can you swim in this lake? (= Is it possible for anybody to swim in this lake?) Answer:] Yes, at least I SWIM in it several times.
- 15: [Question: You MEET my sister (at any time in your life up to now)? Answer:] Yes, I MEET her several times.
- 32: [Note: use BE or VISIT, or some other predicate, according to what sounds the most natural in L.] You BE to (VISIT) Australia (ever in your life)?
- 33: [These are alternative answers to 32. They should all be translated.] a) No, I never BE (VISIT) there. b) Yes, I BE (VISIT) there. c) Yes, I BE (VISIT) there several times. d) Yes, I BE (VISIT) there in January 1987.⁵
- 34: [A has been talking about the way of life in Australia. Note: the sentence construction may have to be changed — even in English.] B: You BE to (VISIT) Australia as you know all that? — A: Yes, I BE (VISIT) there, so I know.
- 35: [Question: You MEET my sister (at any time in your life up to now)? Note: All these alternative answers should be translated.] a) No, I never MEET her. b) Yes, I MEET her once. c) Yes, I MEET her in January 1987.
- 36: [A has been talking to B about C's personal tastes. Note: the sentence construction may have to be changed — even in English.] B: You MEET her (sometime) as you know all that? — A: Yes, I MEET her, so I know.

Если в латышской части анкеты в экспериментивных контекстах используется практически исключительно ПрфН, то литовские переводы демонстрируют немалую вариативность. Обращает на себя внимание довольно широкое употребление простого прошедшего, в некоторых пунктах составляющего большинство⁶. Отметим, что часть литовских вариантов перевода с простым прошедшим представляет собою сочетания инфинитива смыслового глагола с глаголом *tekti* 'случаться' (а в 34-БЕ_В с глаголом *turėti* 'быть должным')

⁵ Здесь и далее подчеркиванием выделяются глаголы, о которых идет речь, если рассматривается только часть глаголов, выделенных заглавными буквами.

⁶ Тем не менее, наши данные скорее демонстрируют предпочтительность ПрфН в экспериментивных контекстах, в отличие от [Sakurai 2016: 201].

в форме простого прошедшего, ср. (4b). Кроме того, *teksti* сам также может стоять в форме ПрфН, обеспечивая выражение экспериентивного значения сразу двумя способами, ср. (4с).

(4) варианты перевода 33-BE_V на литовский⁷

- а. *Taip, es-u ten buv-ęs.*
да быть.PRS-1SG там быть-PST.PA.NOM.SG.M
'Да, я там бывал'.
- б. *Taip, man tek-o ten bū-ti.*
да 1SG.DAT случаться-PST.3 там быть-INF
'Да, мне случилось там бывать'.
- с. *Taip, man yra tek-ę ten bū-ti.*
да 1SG.DAT быть.PRS.3 случаться-PST.PA.NA там быть-INF
'Да, мне случилось там бывать'.

Отметим также, что при переводе некоторых пунктов анкеты, содержащих один и тот же глагол 'встречать' (6-MEET, 15-MEET, 35-MEET_A, 36-MEET_B, 36-MEET_A) литовские информантки колеблются между ПрфН и перфектом прошедшего времени (ПрфП), § 4.4. Последний в литовском языке также довольно регулярно выражает экспериентивное значение, о чем пойдет речь отдельно при обсуждении этой формы.

Вторая группа пунктов анкеты, в которых ПрфН преобладает в латышской части и систематически встречается в литовской, передает значение, которое можно назвать посессивным результатом (ср. [Недялков, Яхонтов 1983: 9, 17–19]). Это примеры с переходными глаголами, субъект которых в результате осуществления действия становится или перестает быть обладателем объекта (возможно, метафорическим, как в случае глагола 'читать'), см. (5). Основным конкурентом ПрфН в литовском здесь снова выступает простое прошедшее, по-видимому, неслучайно предпочтительное в пунктах 2-READ и 45-LOSE, не предполагающих собственно обладания результатом действия.

(5) посессивный результатив

- 2: [A: It seems that your sister never finishes books.] B: (That is not quite true.) She READ this book (= all of it).
- 42: [Question: I was told you are writing a book. How many pages you WRITE by now? Answer:] I WRITE fifty pages.
- 43: [Question: I was told you collect dolls. You COLLECT many of them? Answer:] I COLLECT some two hundred dolls by now.
- 44: [Question: I was told you intend to collect 300 different dolls. How many you already COLLECT? Answer:] I COLLECT some two hundred dolls by now.
- 45: [Question: I was told you always forget your umbrella somewhere. Is it true? Answer:] Yes, this year I LOSE five umbrellas.

Для иллюстрации приведем примеры (6) и (7).

(6) варианты перевода 42-WRITE

лит	а. <i>Jau es-u paraši-us-i</i>
уже быть.PRS-1SG написать-PST.PA.NOM.SG.F	<i>penkiasdešimt puslapi-ų.</i>
пятьдесят страница-GEN.PL
	б. <i>Jau paraši-au</i>
уже написать.PST-1SG	<i>penkiasdešimt puslapi-ų.</i>
пятьдесят страница-GEN.PL
лтш	а. <i>Esmu uzrakstījis</i>
быть.PRS.1SG написать-PST.PA.NOM.SG.M	<i>piecdesmit lappus-es.</i>
пятьдесят страница-ACC.PL
	б. <i>Es uzrakstīju</i>
я.NOM написать.PST-1SG	<i>piecdesmit lap-as.</i>
пятьдесят лист-ACC.PL
- 'Я (уже) написал(а) пятьдесят страниц'.

⁷ Здесь и далее порядок примеров отражает частотность вариантов.

(7) перевод 44-COLLECT

лит	<i>Es-u</i>	<i>surink-ęs</i>	<i>du</i>	<i>šimt-us</i>	<i>lėli-ų.</i>
	быть.PRS-1SG	собрать-PST.PA.NOM.SG.M	два.ACC	сто.ACC.PL	кукла-GEN.PL
лтш	<i>Līdz šim</i>	<i>esmu</i>	<i>sakrāj-is</i>	<i>kād-as</i>	<i>divsimt</i>
	до сих пор	быть.PRS.1SG	собрать-PST.PA.NOM.SG.M	какой-ACC.PL.F	двести
	<i>lēl-es.</i>				
	кукла-ACC.PL				

‘К настоящему моменту я собрал около двухсот кукол’.

Перейдем теперь к тем пунктам анкеты, где ПрфН преобладает в латышском, но не в литовском. Во-первых, это контексты, которые можно охарактеризовать как субъектно-результативные [Недялков, Яхонтов 1983: 9], обозначающие сохраняющийся в момент речи результат ситуации, выраженной непереходным глаголом перемещения в пространстве или изменения состояния, см. (8).

(8) субъектный результатив

3: [Question: Is the king still alive?] — No, he DIE.

28: [B's sister is known to have gone to another town. Question:] A: Your sister COME BACK? (Note: a free translation may be needed for B's answer.) B: No, she still GO AWAY.

29: [As in 28. Question:] Your sister COME BACK? [Answer:] No, she NOT COME BACK yet.

30: [A: Don't talk so loud! You'll wake the baby.] B: He WAKE UP already.

31: [The baby wakes up one hour earlier than expected and starts screaming. Mother (in another room):] Oh no! He WAKE UP already!

41: [Question: Is your sister still abroad? Answer:] No, she COME BACK and is now staying with us.

47: [Question: Why do you look so tired? (Note: you may replace “three days” by “three nights” or whatever seems most natural.) Answer:] I NOT SLEEP for three days⁸.

55: [A has just seen the king arrive and reports it to B, who knows that the king has been expected to visit their town but does not know that he has now actually arrived.] A: The king ARRIVE!

Основным средством перевода примеров данной группы на литовский выступает простое прошедшее, ср. (9), однако в обоих языках предлагаются также варианты перевода с «голыми» причастиями, ср. (10). Поскольку последние в данном случае, по сути дела, представляют собой форму ПрфН с опущенным вспомогательным глаголом, утверждение о полном отсутствии ПрфН в части литовских соответствий будет не до конца верным. Особенно это касается пунктов 3-DIE и 30-WAKE_UP, описывающих изменение состояния, где «голые» причастия являются доминирующей стратегией.

(9) перевод 29-COME_BACK

лит	<i>Ar tavo</i>	<i>sesuo</i>	<i>grįž-o?</i>
	Q	твой	сестра.NOM.SG
			вернуться-PST.3
лтш	<i>Tav-a</i>	<i>mās-a</i>	<i>ir atgriez-us-ie-s?</i>
	твой-NOM.SG.F	сестра.NOM.SG	быть.PRS.3
			вернуться-PST.PA-NOM.SG.F-RFL

‘Твоя сестра вернулась?’

⁸ Пункт 47-NOT_SLEEP отличается от 30-WAKE_UP и 31-WAKE_UP тем, что значение ‘спать’ (или ‘не спать’), в отличие от ‘проснуться’, само по себе не содержит указания на изменение состояния. При этом данное предложение призвано описать именно самочувствие говорящего, изменившееся в результате отсутствия сна.

(10) перевод 30-WAKE_UP

лит	<i>J-is</i> 3-NOM.SG.M	<i>jau</i> уже	<i>(yra)</i> быть.PRS.3	<i>prabud-ės.</i> проснуться-PST.PA.NOM.SG.M
лтш	<i>Viņ-š</i> 3-NOM.SG.M	<i>jau</i> уже	<i>(ir)</i> быть.PRS.3	<i>pamod-ies.</i> проснуться-PST.PA.NOM.SG.M.RFL

‘Он уже проснулся’.

У предложений, описывающих перемещение в пространстве, альтернативным средством перевода на латышский выступает наречие в сочетании со связкой ‘быть’ настоящего времени, ср. (11).

(11) варианты перевода 41-COME_BACK на латышский

a.	<i>Nē,</i> нет	<i>viņ-a</i> 3-NOM.SG.F	<i>ir</i> быть.PRS.3	<i>atgriez-us-ie-s</i> <...>. вернуться-PST.PA-NOM.SG.F-RFL
b.	<i>Nē,</i> нет	<i>viņ-a</i> 3-NOM.SG.F	<i>ir</i> быть.PRS.3	<i>atpakaļ</i> <...>. назад

‘Нет, она вернулась’.

В пункте 55-ARRIVE (нулевая) связка с наречием предлагается в качестве одного из возможных вариантов перевода и на литовский, ср. (12).

(12) некоторые из вариантов перевода 55-ARRIVE

лтш	<i>Karal-is</i> король-NOM.SG	<i>ir</i> быть.PRS.3	<i>klāt!</i> рядом
лит	<i>Karali-us</i> король-NOM.SG	<i>jau</i> уже	<i>čia.</i> здесь

‘Король уже здесь’.

Следующий тип контекстов, где ПрфН преобладает в латышском, но не в литовском, — **инферентивные** (inferential), где говорящий судит о событии в прошлом по его наблюдаемым результатам [Willett 1988: 61–63; Dahl 1985: 152–153], ср. (13).

(13) инферентивное значение

- 14: [It is morning. A wakes up, looks out of the window and sees that the courtyard (or the street) is wet.] A: It RAIN during the night.
- 59: [A comes from the kitchen where he has just seen the sad remains of the cake. He tells B what he assumes to have happened:] A: The dog EAT our cake!
- 69: [Investigating a burglary, seeing footprints beneath a window:] The thief ENTER the house by this window.
- 71: [An archaeologist, having investigated an excavation site, says:] This BE a huge city.

В литовской части анкеты в данных примерах доминирует простое прошедшее, ср. (14a), в то время как ПрфН представлен лишь единичным вариантом в 71-BE, ср. (14b). При этом распределение форм в литовском неоднородно: в двух случаях (59-EAT, 69-ENTER) может использоваться и перфект будущего времени (см. § 4.5), а еще в двух (14-RAIN, 71-BE) — пассивное причастие в специальной несогласованной форме, ср. (14c). Кроме того, в пункте 71-BE выступает также конструкция с модальным глаголом *turėti* в прошедшем времени и инфинитивом, ср. (14d).

(14) варианты перевода 71-BE

лтш	<i>Šī</i> это-NOM.SG.F	<i>ir</i> быть.PRS.3	<i>bij-us-i</i> быть-PST.PA-NOM.SG.F	<i>milzīg-a</i> огромный-NOM.SG.F	<i>pilsēt-a.</i> город-NOM.SG
-----	---------------------------	-------------------------	---	--------------------------------------	----------------------------------

лит	a. <i>Tai</i> это	<i>buv-o</i> быть-PST.3		<i>didžiul-is</i> огромный-NOM.SG.M	<i>miest-as.</i> город-NOM.SG
	b. <i>Tai</i> это	<i>yra</i> быть.PRS.3	<i>buv-ēs</i> быть-PST.PA.NOM.SG.M	<i>didžiul-is</i> огромный-NOM.SG.M	<i>miest-as.</i> город-NOM.SG
	c. <i>Čia</i> здесь	<i>bū-t-a</i> быть-PST.PP-NA		<i>dideli-o</i> большой-GEN.SG.M	<i>miest-o.</i> город-GEN.SG
	d. <i>Čia</i> здесь	<i>turēj-o</i> иметь-PST.3	<i>bū-ti</i> быть-INF	<i>didel-is</i> большой-NOM.SG.M	<i>miest-as.</i> город-NOM.SG

‘Здесь, должно быть, был большой город’.

Одна из особенностей латышского ПрфН заключается в том, что он регулярно используется для перечисления фактов биографии [Nau 2005: 148], в том числе в сочетании с обстоятельствами точного времени⁹. В анкете к этому типу можно отнести четыре пункта, см. (15).

(15) факты биографии

22: [Note: These sentences do not necessarily imply the passive voice though BE BORN happens to be formally a passive in English. Treat it as a single lexical unit.] A: When you BE BORN? — B: I BE BORN on the first of June 1950.

26: [Question: What do you know about this novel? Note: This sentence does not necessarily imply the active voice or the word order given here if it is not natural in L. Answer:] Graham Greene WRITE it.

80: [Looking at a house.] Who BUILD this house?

При переводе этих пунктов на литовский доминирует простое прошедшее, хотя в пункте 22-BE_BORN_A встречаются и «голые» причастия и ПрфН. Обе эти стратегии отмечены как варианты перевода и в латышском, ср. примеры (16)–(18).

(16) варианты перевода 22-BE_BORN_A

лтш	a. <i>Kad</i> когда	<i>tu</i> ты.NOM	<i>es-i</i> быть.PRS-2SG	<i>dzim-is?</i> родиться-PST.PA.NOM.SG.M
	b. <i>Kad</i> когда	<i>tu</i> ты.NOM		<i>piedzim-i?</i> родиться-PST-2SG
лит	a. <i>Kada</i> когда	<i>tu</i> ты.NOM		<i>gim-ei?</i> родиться-PST.2SG
	b. <i>Kada</i> когда	<i>tu</i> ты.NOM	<i>(es-i)</i> быть.PRS-2	<i>gim-ēs?</i> родиться-PST.PA.NOM.SG.M

‘Когда ты родился?’

(17) варианты перевода 22-BE_BORN_B

лтш	a. <i>Es</i> я.NOM	<i>esmu</i> быть.PRS.1SG	<i>dzim-is</i> родиться-PST.PA.NOM.SG.M	
	1950.	<i>gad-a</i> год-GEN.SG	<i>pirm-ajā</i> первый-LOC.SG.DEF	<i>jūnij-ā.</i> июнь-LOC.SG
	1950			
	b. <i>Es</i> я.NOM	<i>piedzim-u</i> родиться-PST-1SG	1950.	<i>gad-a</i> год-GEN.SG
			1950	1. <i>jūnij-ā.</i> июнь-LOC.SG

⁹ Один из анонимных рецензентов отмечает, ссылаясь на [Недялков, Яхонтов 1983: 36–37] и [Grönn 2004], что примеры в этой группе не вводят новые события, а сообщают детали событий, заведомо имевших место, причем без информации о времени события такие предложения могут оказаться неполными. Соглашаясь в целом с этим замечанием, хотелось бы отметить, что использование ПрфН для передачи фактов биографии в латышском, судя по примерам в [Nau 2005: 148], оказывается шире, распространяясь на такие «необязательные» (в отличие от рождения или, в меньшей степени, учебы) ситуации как ‘ходил под парусом’ или ‘мечтал о дальних странах’.

лит а. *Gimi-au* 1950 *met-ais* *birželi-o* *pirm-q* *dien-q*.
 родиться-PST.1SG 1950 год-INS.PL июнь-GEN.SG первый-ACC.SG день-ACC.SG
 ‘Я родился 1 июня 1950 г.’

(18) перевод 80-BUILD

лтш а. *K-as* *š-o* *māj-u* *ir* *cēl-is?*
 кто-НОМ этот-ACC.SG дом-ACC.SG быть-PRS.3 строить-PST.PA.NOM.SG.M
 б. *Kur-š* *(uz)cēl-is* *š-o* *māj-u?*
 кто-НОМ (по)строить-PST.PA.NOM.SG.M этот-ACC.SG дом-ACC.SG
 лит а. *K-as* *pastat-ē* *š-i* *nam-q?*
 кто-НОМ построить-PST.3 этот-ACC.SG.M дом-ACC.SG
 ‘Кто (по)строил этот дом?’

Наконец, последний пункт, в котором ПрфН преобладает при переводе на латышский, выражает **предшествование** и находится в придаточном предложении, см. (19). Значительное число вариантов с «голыми» причастиями объясняется тенденцией латышского языка опускать вспомогательный глагол в придаточном предложении, ср. [Nau 2005: 143]; в этом латышский демонстрирует нетривиальный параллелизм со скандинавскими языками и ранненовонемецким, см. [Breitbarth 2005; Larsson 2009: 375–382]. На литовский язык это предложение, помимо простого прошедшего, одной из информанток также переводится с формой плюсквамперфекта (ПрфП), см. примеры в (20).

(19) 54: [The speaker meets his friend about once a week; “the film” refers to a different film each time:] Every time I MEET him, he TELL me about the film he (just) SEE.

(20) переводы пункта 54-SEE

лтш *Ikreiz, kad satieku viņu, viņš man stāsta par filmu,*
k-o nupat (ir) noskatīj-ie-s.
 что-ACC.SG только.что быть-PRS.3 посмотреть-PST.PA.NOM.SG.M-RFL
 лит а. *Kiekvieną kartą, kai su juo sutinku, jis man pasakoja apie filmą,*
kur-i k-q tik žiūrėj-o.
 который-ACC.SG.M что-ACC только смотреть-PST.3
 б. *Kai tik jį susitinku, jis pasakoja man apie apie filmą,*
kur-i k-q tik buv-o mat-ęs.
 который-ACC.SG.M что-ACC только быть-PST.3 видеть-PST.PA.NOM.SG.M
 ‘Каждый раз, когда я его встречаю, он мне рассказывает о фильме, который он только что (по)смотрел’.

Наконец, всего в двух пунктах анкеты ПрфН оказался предпочтительным вариантом при переводе на литовский, но не на латышский, см. (21).

(21) ПрфН преобладает лишь в литовской версии анкеты

35: [Question: You MEET my sister (at any time in your life up to now)? Note: All these alternative answers should be translated.] a) No, I never MEET her. b) Yes, I MEET her once. c) Yes, I MEET her in January 1987.

46: [A is setting out on a long journey in an old car. B asks: What if something goes wrong with your car on the way?] A: I BUY spare parts and tools in case something happens (= I have got them now).

Семантически эти два пункта анкеты представляют типичные случаи, в которых ПрфН доминирует при переводе на латышский и/или литовский. Пункт 35-МЕЕТ_В выражает экспериентивное значение, а 46-BUY — посессивный результатив. Интересно, что в одном из вариантов перевода на литовский форма ПрфН образована не при помощи стандартного вспомогательного глагола *būti* ‘быть’, а посредством более редкого в данной функции *turėti* ‘иметь’, ср. (22).

- (22) вариант ПрфН с глаголом *turēti* при переводе 46-BUY на литовский

Turi-u nusipirk-ęs atsargini-ų dali-ų <...>
 иметь-PRS.1SG купить-PST.PA.NOM.SG.M запасной-GEN.PL часть-GEN.PL
 ‘Я купил запчасти <...>’

Характерно, что примеры, в которых ПрфН преобладал бы при переводе на литовский и при этом совершенно отсутствовал бы в соответствующих латышских предложениях, в наших данных не обнаруживаются.

Рассмотрим теперь оставшиеся пункты анкеты, в которых ПрфН был использован лишь меньшинством латышских информанток. Всего таких пунктов 15, из них 5 содержат варианты перевода с ПрфН в литовской части, также составляющие меньше половины от общего числа вариантов. Подавляющее большинство таких примеров в качестве основного варианта перевода демонстрируют простое прошедшее время как в литовской, так и в латышской части анкеты. Тем не менее, их можно разделить на группы в зависимости от того, какое из значений ПрфН усмотрели в них те латышские и/или литовские информантки, которые все же выбрали для перевода форму ПрфН.

Во-первых, четыре предложения передают ситуации, соотнесенные с завершившимся периодом в прошлом, в одном из них даже упоминается соответствующая дата, см. (23). Надо полагать, именно это способствовало появлению простого прошедшего в большинстве вариантов перевода на обоих языках. При этом информантки, которые перевели данные предложения при помощи ПрфН, по всей видимости, ориентировались на экспериентивное значение, см. примеры в (24).

- (23) экспериентивное значение

33: [These are alternative answers to 32. They should all be translated.] a) No, I never BE (VISIT) there. b) Yes, I BE (VISIT) there. c) Yes, I BE (VISIT) there several times. d) Yes, I BE (VISIT) there in January 1987.

51: [A is visiting a town she used to live in several years ago; now she lives somewhere else.] A: I LIVE here, so I know every street here.

52: [As in 51. A now lives somewhere else!] A: I LIVE here for seven years, so I know every street here.

53: [A is visiting a town she used to live in several years ago; now she lives somewhere else.] A: I LIVE here for seven years, but then I had to move away.

- (24) варианты перевода 51-LIVE

лит а. *Aš čia gyven-au,*
 я.НОМ здесь жить-PST.1SG
todėl pažįst-u kiekvien-q gatv-ę.
 поэтому знать.PRS-1SG каждый-ACC.SG улица-ACC.SG

б. *Es-u čia gyven-us-i,*
 быть.PRS-1SG здесь жить-PST.PA.NOM.SG.F
taigi žin-au vis-as gatv-es.
 так.что знать.PRS-1SG весь-ACC.PL.F улица-ACC.PL

лтш а. *Es te agrāk dzīvoj-u,*
 я.НОМ здесь раньше жить.PST-1SG
tāpēc pazīst-u katr-u iel-u.
 поэтому знать.PRS-1SG каждый-ACC.SG улица-ACC.SG

б. *Es te esmu dzīvoj-us-i,*
 я.НОМ здесь быть.PRS.1SG жить-PST.PA.NOM.SG.F
tāpēc zin-u šeit katr-u iel-u.
 поэтому знать.PRS-1SG здесь каждый-ACC.SG улица-ACC.SG

‘Я здесь жила, поэтому знаю каждую улицу’.

К только что рассмотренным примыкает пункт 19-NOT_SLEEP (25), где тоже речь идет о завершившемся периоде в прошлом, на который пришлось событие, последствия которого ощущаются в настоящем. Тем не менее, как и в случае 47-NOT_SLEEP выше, данный контекст следует соотносить не с экспериентивным, а скорее с субъектно-результативным значением, граница между которыми в данном случае оказывается несколько размытой. Литовский здесь использует только простое прошедшее, см. примеры в (26).

- (25) между экспериентивным и субъектно-результативным значением
19: [A question asked at 3 o'clock P. M.: Why do you look so tired? Answer:] I NOT SLEEP well during the night.

- (26) варианты перевода пункта 19-NOT_SLEEP

лтш	a. <i>Es</i>	<i>nakt-ī</i>	<i>ne-gulēj-u</i>	<i>labi.</i>	
	я.NOM	ночь-LOC.SG	NEG-спать.PST.1SG	хорошо	
	b. <i>Es</i>	<i>šonakt</i>	<i>ne-esmu</i>	<i>labi</i>	<i>gulēj-is.</i>
	я.NOM	этой.ночью	NEG-быть.PRS.1SG	хорошо	спать-PST.PA.NOM.SG.M
	‘Я этой ночью не спал (хорошо)’.				
лит	<i>Šiąnakt</i>	<i>prastai</i>	<i>miegoj-au.</i>		
	этой.ночью	плохо	спать-PST.1SG		
	‘Я этой ночью плохо спал’ ¹⁰ .				

Следующие два предложения, см. (27), представляют собой своего рода минимальную пару. Наличие в 28-GO-AWAY наречия *still* ‘все еще’ однозначно сообщает ему субъектно-результативное значение, в связи с чем вполне закономерно использование в литовских переводах данного пункта «голых» причастий, эквивалентных форме ПрфН, см. (28). Маргинальность ПрфН в латышской части объясняется тем, что для выражения состояния, вызванного перемещением в пространстве, латышский склонен использовать сочетание связки с наречием, ср. (28). Напротив, пункт 27-GO_AWAY, содержащий наречие ‘уже’, можно трактовать как описывающий не только состояние, но и само действие, поэтому варианты перевода с «голым» причастием здесь уступают простому прошедшему в обоих языках, см. примеры в (29).

- (27) субъектно-результативное значение
27: [Question:] Your sister still BE at home? [Answer:] No, she already GO AWAY.
28: [B’s sister is known to have gone to another town. Question:] A: Your sister COME BACK? (Note: a free translation may be needed for B’s answer.) B: No, she still GO AWAY.

- (28) варианты перевода 28-GO_AWAY

лит	<i>Ne,</i>	<i>j-i</i>	<i>dar</i>	<i>išvyk-us-i.</i>	
	нет	3-NOM.SG.F	еще	отбыть-PST.PA-NOM.SG.F	
	‘Нет, она еще не вернулась (букв. всё еще ушедши)’.				
лтш	<i>Nē,</i>	<i>viņ-a</i>	<i>vēl</i>	<i>ir</i>	<i>prom.</i>
	нет	3-NOM.SG.F	всё.еще	быть.PRS.3	прочь
	‘Нет, она всё еще не вернулась (букв. всё еще не здесь)’.				

- (29) варианты перевода 27-GO_AWAY

лит	<i>Ne,</i>	<i>j-i</i>	<i>jau</i>	<i>išėj-o.</i>	
	нет	3-NOM.SG.F	уже	уйти-PST.3	
лтш	<i>Nē,</i>	<i>viņ-a</i>	<i>jau</i>	<i>aizgāj-a</i>	/ (<i>ir</i>) <i>aizgāj-us-i.</i>
	нет	3-NOM.SG.F	уже	уйти-PST-3	быть.PRS.3 уйти-PST.PA-NOM.SG.F
	‘Нет, она уже ушла’.				

¹⁰ Стоит обратить внимание на то, что все литовские и некоторые латышские информантки использовали в этом пункте не отрицательную форму глагола, а утвердительную с обстоятельством отрицательной оценки.

В примере 56-ARRIVE, см. (30), формы ПрфН, которые появляются среди переводов на латышский, можно трактовать или как субъектный результатив, или же как имедиатное прошедшее (т. н. «hot news», см. [Dahl 1985: 132–133; Dahl, Hedin 2000]). Также следует заметить, что сумма ПрфН и синонимичных ему «голых» причастий в латышской части анкеты фактически означает, что при переводе данной формы ПрфН преобладает. Напротив, в литовской части анкеты здесь используется только простое прошедшее (ср. аналогичный вывод в [Sakurai 2016: 203]). В этом литовский сходен с новогреческим, см. обсуждение в [Dahl, Hedin 2000: 395–398].

- (30) между субъектно-результативным значением и значением «hot news»
 56: [A has just seen the king arrive. The event is totally unexpected.]
 A: The king ARRIVE!

ЛТШ	a. (<i>Ir</i>) быть.PRS.3	<i>atbrauc-is</i> приехать-PST.PA.NOM.SG.M	<i>karal-is!</i> король-NOM.SG
	b. <i>Karal-is</i> король-NOM.SG	<i>ierad-ā-s!</i> прибыть-PST.3-RFL	
ЛИТ	<i>Atvyk-o</i> прибыть-PST.3	<i>karali-us!</i> король-NOM.SG	
	‘Прибыл король!’		

В схожем примере 68-ARRIVE субъектно-результативное значение совмещено с эвиденциальным, на что напрямую указывает использование специального эвиденциального перфекта большинством латышских информантов. Этот пример мы рассмотрим вместе с другими примерами эвиденциального перфекта в § 4.3.

В следующей группе примеров, см. (31), формы ПрфН характеризуются значением «текущей релевантности» (current relevance), при этом если в пунктах 5-DO, 20-GET и 21-GET оно выступает в уже описанной выше посессивно-результативной разновидности, то в пунктах 40-OPEN и 58-EAT посессивно-результативное значение усмотреть сложно. В 58-EAT на первый план выступает имедиатное значение. В целом все эти примеры, в отличие от рассмотренных выше, объединяет то, что в них выступают переходные глаголы. Если в латышском во всех этих примерах ПрфН конкурирует с простым прошедшим, то в литовском ПрфН здесь вообще не используется, ср. (32)¹¹.

- (31) «текущая релевантность»
 5: [A child asks: Can I go now? Mother:] You DO your homework?
 20: [A has got his wages and says:] I GET my wages today, so I can now BUY you a beer.
 21: I GET my wages yesterday, so I can now BUY you a beer.
 40: [The window is open but A has not noticed that. A asks B: why is it so cold in the room?] B: I OPEN the window.
 58: [A comes from the kitchen very agitated and tells B what he has just seen happen:] A: The dog EAT our cake!

- (32) варианты перевода пункта 40-OPEN

ЛИТ	<i>Aš</i> я.NOM	<i>atidari-au</i> открыть-PST-1SG	<i>lang-q.</i> окно-ACC.SG
ЛТШ	a. <i>Es</i> я.NOM	<i>atvēr-u</i> открыть-PST-1SG	<i>log-u.</i> окно-ACC.SG
	b. <i>Esmu</i> быть.PRS.1SG	<i>atvēr-is</i> открыть-PST.PA.NOM.SG.M	<i>log-u.</i> окно-ACC.SG
	‘Я открыл окно’.		

¹¹ Ср. [Sakurai 2016: 199], где сообщается о низкой приемлемости ПрфН в таких контекстах по сравнению с простым прошедшим.

Пример 70-FINISH выделяется на фоне прочих тем, что как в латышской, так и в литовской версии анкеты среди вариантов перевода встречаются сослагательное наклонение и перфект будущего времени, выражающие предположение. Этот пример мы рассмотрим в § 4.5.

Оставшиеся два случая (33) и (34) маргинального употребления ПрфН демонстрируют «зеркальное» поведение. ПрфН в латышском переводе 57-SAY следует признать выражением исключительно значения «hot news», где в литовском ПрфН не используется, ср. 56-ARRIVE выше. Напротив, единственная форма ПрфН в литовской части переводов пункта 73-BE, скорее всего, призвана выразить инферентивное значение (о размерах города судят по его руинам).

(33) 57: [Telling what a baby just DO. “N” should be replaced with a girl’s name.] N just SAY her first word!

ЛТШ	a.	<i>Ann-a</i>	<i>tikko</i>	<i>ir</i>	<i>pateik-us-i</i>	
		Анна-NOM.SG	только что	быть.PRS.3	произнести-PST.PA-NOM.SG.F	
		<i>sav-u</i>	<i>pirm-o</i>	<i>vārd-u!</i>		
		свой-ACC.SG	первый-ACC.SG.DEF	слово-ACC.SG		
	b.	<i>Ann-a</i>	<i>tikko</i>	<i>pateic-a</i>		
		Анна-NOM.SG	только что	произнести.PST-3		
		<i>sav-u</i>	<i>pirm-o</i>	<i>vārd-u!</i>		
		свой-ACC.SG	первый-ACC.SG.DEF	слово-ACC.SG		
ЛИТ		<i>On-a</i>	<i>ką tik</i>	<i>ištar-ė</i>	<i>pirm-qjį</i>	<i>savo žod-į!</i>
		Анна-NOM.SG	только что	произнести-PST.3	первый-ACC.SG.M.DEF	свой слово-ACC.SG
		‘Анна только что произнесла свое первое слово!’				

(34) 73: [A guide, showing ruins to tourists:] This BE a huge city.

ЛИТ	a. Čia yra	buv-ės	didžiul-is	miest-as.
	здесь быть.PRS.3	быть-PST.PA.NOM.SG.M	огромный-NOM.SG.M	город-NOM.SG
	b. Čia	buv-o	didžiul-is	miest-as.
	здесь	быть-PST.3	огромный-NOM.SG.M	город-NOM.SG
	‘Здесь был огромный город’.			
ЛТШ	Šī	bij-a	milzīg-a	pilsēt-a.
	это-NOM.SG.F	быть-PST.3	огромный-NOM.SG.F	город-NOM.SG
	‘Это был большой город’.			

Отдельного обсуждения заслуживают контексты, в которых перфект настоящего времени не употребляется ни в литовской, ни в латышской частях анкеты. Во-первых, это, предсказуемым образом, описания последовательных событий в нарративе, где выступает простое прошедшее, ср. (35). Исключением могут быть лишь события, свидетелем которых говорящий не был, см. (36), где наряду с простым прошедшим используются эвиденциальные формы, в том числе в латышском эвиденциальный перфект, см. § 4.3.

(35) нарративы

- 8: [Do you know what happened to me just an hour ago?] I WALK in the forest. Suddenly I STEP on a snake. It BITE me in the leg. I TAKE a stone and THROW (it) at the snake. It DIE.
- 9: [Do you know what happened to me yesterday?] I WALK in the forest. Suddenly I STEP on a snake. It BITE me in the leg. I TAKE a stone and THROW (it) at the snake. It DIE.
- 10: [Do you know what happened to my brother yesterday? I saw it myself.] We WALK in the forest. Suddenly he STEP on a snake. It BITE him in the leg. He TAKE a stone and THROW (it) at the snake. It DIE.
- 11: [Do you know what happened to me once when I was a child? (Note: The speaker was, however, old enough to remember the incident.)] I WALK in the forest. Suddenly I STEP on a snake. It BITE me in the leg. I TAKE a stone and THROW (it) at the snake. It DIE.

- 12: [This happened to me just an hour ago.] I SIT under a tree, when an apple FALL on my head. (Or, if more natural: While I SIT under a tree, an apple FALL on my head.)
- 13: [Do you know what happened to me once when I was a child? (Note: The speaker was, however, old enough to remember the incident.)] I SIT under a tree, when an apple FALL on my head. (Or, if more natural: When I SIT under a tree, an apple FALL on my head.)

(36) нарративы, пересказанные с чужих слов

- 60: [Do you know what happened to my brother yesterday? I did not see it, but he told me.] He WALK in the forest. Suddenly he STEP on a snake. It BITE him in the leg. He TAKE a stone and THROW (it) at the snake. It DIE.
- 61: [This is the beginning of a story (tale). “Once upon a time” should be replaced with the formula stories typically begin with in L.] Once upon a time there was a man. He WALK in the forest. Suddenly he STEP on a snake. It BITE him in the leg. He TAKE a stone and THROW (it) at the snake. It DIE.

Другим контекстом, предсказуемо «отталкивающим» перфект в обоих языках, являются обстоятельства точного времени (ср., однако, сказанное выше об употреблении латышского ПрфН при описании фактов биографии), ср. (37).

(37) контексты обстоятельств точного времени

- 16: [A question asked at 9 o'clock A. M.: Why do you look so tired? Answer:] I WAKE UP at 4 o'clock this morning (or: today).
- 17: [A question asked at 3 o'clock P. M.: Why do you look so tired? Answer:] I WAKE UP at 4 o'clock today.
- 23: [A guide presenting his home town to tourists. Note: This sentence does not necessarily imply the passive voice, unless it really is the most natural way of expressing this sentence in your language.] Our town BE FOUNDED in 1550.
- 24: [Question: Do you know what remarkable event TAKE PLACE in 1550? Note: as in 23. Answer:] In that year, our town BE FOUNDED.
- 72: [An archaeologist, having investigated an excavation site, says:] This city BE DESTROYED about three thousands years ago.
- 74: [A guide, showing ruins to tourists:] This city BE DESTROYED about three thousands years ago.

Отсутствие ПрфН в нарративах и при обстоятельствах точного времени вполне согласуется с типологическими ожиданиями, ср. [Dahl 1985: 137–138]; впрочем, в случае с обстоятельствами ситуация существенно сложнее, см., в частности, [Ландер 2003; Падучева 2010; Grønn, von Stechow 2017]. Напротив, особенностью балтийского перфекта в сравнении с целым рядом европейских языков является практически полное отсутствие у него так называемого **ИНКЛЮЗИВНОГО** значения ситуации, начавшейся в прошлом и продолжающейся в момент речи («perfect of persistent situation», [Comrie 1976: 66; Dahl 1985: 136–137; Iatridou et al. 2001; Dahl 2021]). В анкете этому значению соответствуют пункты 48-WATCH, 49-LIVE и 50-LIVE, см. (38).

(38) инклюзивные контексты

- 48: [She is still watching television! How long she DO that? Answer:] She WATCH (it) for three hours.
- 49: [A is still living in this town.] A: I LIVE here for seven years.
- 50: [A is still living in this town. As in 49, the intended meaning of LIVE is ‘to dwell somewhere’, not ‘to spend one’s life’.] A: I LIVE here all my life.

В литовском в этих пунктах анкеты безраздельно господствует простое настоящее; в латышском ситуация сложнее, поскольку в пункте 50-LIVE наши информантки предпочитают ПрфН, см. примеры в (39). Как кажется, релевантное различие пунктов 48–49 и 50 может состоять в том, что в последнее время, на протяжении которого ситуация имела место до момента речи, вместо ограниченного отрезка занимает неопределенно долгий период, охватывающий всю предшествующую жизнь субъекта.

(39) переводы пункта 50-LIVE

ЛТШ	a.	<i>Es</i>	<i>te</i>	<i>esmu</i>	<i>nodzīvoj-is</i>	<i>vis-u</i>	<i>mīž-u.</i>
		я.NOM	здесь	быть.PRS.1SG	прожить-PST.PA.NOM.SG.M	весь-ACC.SG	жизнь-ACC.SG
	b.	<i>Es</i>	<i>šeit</i>		<i>dzīvoj-u</i>	<i>vis-u</i>	<i>mīž-u.</i>
		я.NOM	здесь		жить.PRS/PST-1SG	весь-ACC.SG	жизнь-ACC.SG
ЛИТ		<i>Gyven-u</i>	<i>čia</i>	<i>vis-q</i>	<i>savo gyvenim-q.</i>		
		жить-PRS.1SG	здесь	весь-ACC.SG	свой жизнь-ACC.SG		

‘Я живу здесь всю жизнь’.

Заклячая обсуждение перфекта настоящего времени, можно сказать, что в латышском его сфера употребления существенно шире, чем в литовском, и что, более того, в латышском использование формы ПрфН в ряде контекстов (в первую очередь в экспериментивных и результативных) практически обязательно, в то время как в литовском ПрфН почти во всех случаях конкурирует с другими формами, в первую очередь с простым прошедшим. Распределение ПрфН и его основных конкурентов в основных контекстах, обсуждавшихся в этом разделе, приведено в таблице 5. Знак «больше» означает «А более употребительно, чем В», знак «тильда» — «А употребительно наравне с В».

Таблица 5

Перфект настоящего времени и его конкуренты в литовском и латышском

Значение	Литовский	Латышский
экспериментивное	ПрфН > Прош ~ ПрфП	ПрфН
посессивно-результативное	ПрфН ~ Прош	ПрфН
субъектно-результативное	Прош ~ Прич	ПрфН
«текущая релевантность» с переходными глаголами	Прош	Прош > ПрфН
факты биографии	Прош	ПрфН > Прош
иммедиатное	Прош	ПрфН ~ Прош
инферентивное	Прош	ПрфН
нарративы	Прош	Прош
инклюзивное	Наст	Наст > ПрфН

4.2. «Голые» причастия

Балтийские языки регулярно используют в предикативной функции активные причастия прошедшего времени, согласуемые по роду и числу с подлежащим, см. (40).

- (40) 67: [Said by a person who has just heard about the event but has not seen it.]
The king ARRIVE!

лит	<i>Karali-us</i>	<i>atvyk-es!</i>
	король-NOM.SG	прибыть-PST.PA.NOM.SG.M
лтш	<i>Karal-is</i>	<i>atbrauc-is!</i>
	король-NOM.SG	приехать-PST.PA.NOM.SG.M
	‘Король прибыл!’	

Как мы уже указывали выше, «голые» причастия в предикативной функции двузначны: с одной стороны, они могут быть специальным средством выражения косвенной эвиденциальности в прошедшем времени, с другой стороны, за ними может скрываться форма перфекта настоящего времени с опущенным вспомогательным глаголом, см. об этом, например, [Сведенцова 2003; Вимер 2007: 206–210]. Заметим, что в примере (40) эта неоднозначность сохраняется, поскольку контекст совмещает характерное для перфекта значение иммедиатности с эвиденциальным. Тем не менее, большинство пунктов анкеты, содержащих «голые» причастия в переводах на литовский и латышский, поддаются однозначной интерпретации либо как перфект, либо как эвиденциалис.

Пункты анкеты, в которых «голые» причастия появляются в переводе на каждый из языков (31 в литовской и 29 в латышской части), совпадают в 20 случаях. При этом пункты, где «голое» причастие предлагалось в качестве перевода большинством информанток¹², крайне немногочисленны: их всего пять в литовской и два в латышской части анкеты.

Предложения, где «голые» причастия преобладают в литовской части анкеты, имеют субъектно-результативное значение, см. (41). На латышский данные предложения переводятся посредством ПрфН (за исключением 28-GO_AWAY, где в латышском фигурирует сочетание связи с наречием, см. выше). При этом по крайней мере в пункте 30-WAKE_UP альтернативные варианты перевода на литовский с простым прошедшим временем также предлагаются не менее чем половиной информанток. Латышское же «голое» причастие в перфектном значении в 54-SEE представляет собой совершенно иной случай, где опущение вспомогательного глагола обусловлено позицией в придаточном предложении. Все эти примеры обсуждались в предыдущем разделе, как и другие субъектно-результативные контексты, где «голые» причастия выступают как маргинальное средство перевода.

(41) субъектно-результативное значение

3: [Question: Is the king still alive?] — No, he DIE.

28: [B's sister is known to have gone to another town. Question:] A: Your sister COME BACK? (Note: a free translation may be needed for B's answer.) B: No, she still GO AWAY.

30: [A: Don't talk so loud! You'll wake the baby.] B: He WAKE UP already.

Напротив, случаи использования «голых» причастий в субъектно-результативных контекстах как маргинальной стратегии перевода весьма многочисленны, см. (42). Доминирующей формой при переводе большинства этих контекстов на латышский является ПрфН, в литовском же, напротив, основным вариантом перевода выступает простое прошедшее. Несколько примеров также были приведены выше.

(42) субъектно-результативное значение

22: [Note: These sentences do not necessarily imply the passive voice though BE BORN happens to be formally a passive in English. Treat it as a single lexical unit.] A: When you BE BORN? — B: I BE BORN on the first of June 1950.

27: [Question:] Your sister still BE at home? [Answer:] No, she already GO AWAY.

¹² При этом нередко те же самые информантки предлагают другие грамматические формы в качестве еще одного варианта перевода, например, в пункте 65-BE_2 более половины литовских информанток также используют простое прошедшее время.

- 28: [B's sister is known to have gone to another town. Question:] A: Your sister COME BACK? (Note: a free translation may be needed for B's answer.) B: No, she still GO AWAY.
- 29: [As in 28. Question:] Your sister COME BACK? [Answer:] No, she NOT COME BACK yet.
- 31: [The baby wakes up one hour earlier than expected and starts screaming. Mother (in another room):] Oh no! He WAKE UP already!
- 41: [Question: Is your sister still abroad? Answer:] No, she COME BACK and is now staying with us.
- 55: [A has just seen the king arrive and reports it to B, who knows that the king has been expected to visit their town but does not know that he has now actually arrived.] A: The king ARRIVE!
- 56: [A has just seen the king arrive. The event is totally unexpected.] A: The king ARRIVE!

Рассмотрим теперь «голые» причастия в эвиденциальной функции. В качестве доминирующего средства перевода они фигурируют лишь в двух похожих пунктах литовской части анкеты (65-BE и 66-BE) и в одном пункте латышской части анкеты (60-THROW), см. (43).

(43) эвиденциальное значение

- 65: [A doubts what her father has told her.] My father CLAIM that when he BE a child, schools BE better than nowadays.
- 66: [A does not believe what she has heard from her father; she only reports what he has told her.] A: When my father BE a child, schools BE better than nowadays.
- 60: [Do you know what happened to my brother yesterday? I did not see it, but he told me.] He WALK in the forest. Suddenly he STEP on a snake. It BITE him in the leg. He TAKE a stone and THROW (it) at the snake. It DIE.

В эвиденциальном значении различие между языками проявляется в том, что в литовском причастия маркируют косвенную речь в отдельной реплике (65-BE_2, 66-BE_2), ср. (44), тогда как в латышском — целый рассказ о событии с чужих слов (пункт 60-THROW), ср. (45), где они чередуются с эвиденциальным перфектом. При переводе косвенной речи на литовский параллельно с «голыми» причастиями активно используется простое прошедшее время, причем иногда в сочетании с эвиденциальной частицей *esq*¹³, см. (44b), в то время как в латышских переводах этих контекстов преобладает эвиденциальный перфект, см. § 4.3.

(44) литовские переводы 65-BE_2

Mano tėvas sako, kad kai jis buvo vaikas,

a. <i>mokykl-os</i>	<i>buv-usi-os</i>	<i>ger-esn-ės</i>	<i>nei</i>	<i>dabar.</i>	
школа-NOM.PL	быть-PST.PA-NOM.PL.F	хороший-COMP-NOM.PL.F	чем	теперь	
b. <i>mokykl-os</i>	<i>esq</i>	<i>buv-o</i>	<i>ger-esn-ės</i>	<i>nei</i>	<i>dabar.</i>
школа-NOM.PL	EVID	быть-PST.3	хороший-COMP-NOM.PL.F	чем	теперь

‘Мой отец говорит, что когда он был ребенком, школы якобы были лучше, чем теперь’.

(45) латышские переводы 60-THROW

- a. *Viņš esot gājis* (ПрфЭ) *pa mežu. Pēkšņi viņš esot uzkāpis* (ПрфЭ) *čūskai. Tā viņam iekodusi* (Прич) *kājā. Viņš paņēmis* (Прич) *akmeni un metis* (Прич) *ar to čūskai. Tā esot nobeigusies* (ПрфЭ).

¹³ Об этой частице см. [Вимер 2007: 217–223; Wiemer 2010].

b. ... *Viņš paņēma* (Прош) *akmeni un meta* (Прош) *čūskai*.

‘Он (мол) шел по лесу и вдруг наступил на змею. Она его укусила в ногу. Он взял камень и бросил в змею. Она сдохла’.

Как видно из (45), при переводе глаголов из пункта 60 в латышском наряде с «голыми» причастиями выступает эвиденциальный перфект. На самом деле, последовательный перевод глаголов из пункта 60 «голыми» причастиями обнаруживается лишь у одной информантки. Их мнимое преобладание в 60-THROW объясняется опущением вспомогательного глагола в эвиденциалисе при многократном повторении форм эвиденциального перфекта, а также использованием причастия для выражения предшествования при переводе однородных сказуемых. В литовской же части анкеты при переводе пункта 60 и вообще всех нарративов преимущественно выступает простое прошедшее время.

В других эвиденциальных контекстах «голые» причастия в обоих языках встречаются в качестве маргинального средства перевода, см. (46). Это в первую очередь нарративы (пункты 60, 61) и контексты передачи информации с чужих слов (пункты 62, 64, 66, 67) или косвенной речи (пункты 63, 65, 68). Во всех этих случаях конкурентом редких «голых» причастий как в литовской, так и в латышской части анкеты неизменно выступает простое прошедшее, однако в латышской части косвенная засвидетельствованность довольно последовательно передается эвиденциальным перфектом. Пример использования причастий при переводе нарратива см. в (47).

(46) эвиденциальное значение

60: [Do you know what happened to my brother yesterday? I did not see it, but he told me.] He WALK in the forest. Suddenly he STEP on a snake. It BITE him in the leg. He TAKE a stone and THROW (it) at the snake. It DIE.

61: [This is the beginning of a story (tale). “Once upon a time” should be replaced with the formula stories typically begin with in L.] Once upon a time there was a man. He WALK in the forest. Suddenly he STEP on a snake. It BITE him in the leg. He TAKE a stone and THROW (it) at the snake. It DIE.

62: [A tells what she has heard from her father. Nothing shows that she would not believe it.] A: When my father BE a child, schools BE better than nowadays.

63: [A tells what she has heard from her father. Nothing shows that she would not believe it.] A: My father TELL me that when he BE a child, schools BE better than nowadays.

64: [A tells what she has heard people saying. Nothing shows that she would not believe it, but she does not present this as her own opinion. Add words if needed!] A: Sixty years ago schools BE better than nowadays.

65: [A doubts what her father has told her.] My father CLAIM that when he BE a child, schools BE better than nowadays.

66: [A does not believe what she has heard from her father; she only reports what he has told her.] A: When my father BE a child, schools BE better than nowadays.

67: [Said by a person who has just heard about the event but has not seen it.] The king ARRIVE!

68: [Said by a person who has just heard about the event but has not seen it.] My sister just TELL me that the king ARRIVE.

(47) перевод нарратива из пункта 61

лит	<i>Kart-q</i>	<i>gyven-ęs</i>	<i>žmog-us.</i>
	раз-ACC.SG	жить-PST.PA.NOM.SG.M	человек-NOM.SG
	<i>J-is</i>	<i>vaikščių-ęs</i>	<i>mišk-e.</i>
	3-NOM.SG.M	гулять-PST.PA.NOM.SG.M	лес-LOC.SG
	<i>Staiga</i>	<i>užmyn-ęs</i>	<i>ant gyvat-ės.</i>
	вдруг	наступить-PST.PA.NOM.SG.M	на змея-GEN.SG

<i>J-i</i> 3-NOM.SG.F	<i>j-am</i> 3-DAT.SG.M	<i>įkand-us-i</i> укусить-PST.PA-NOM.SG.F	<i>į</i> в	<i>koj-q.</i> нога-ACC.SG	
<i>J-is</i> 3-NOM.SG.M	<i>paēm-ęs</i> взять-PST.PA-NOM.SG.M	<i>akmen-į</i> камень-ACC.SG			
<i>ir</i> и	<i>met-ęs</i> бросить-PST.PA-NOM.SG.M	<i>į</i> в	<i>gyvat-ę.</i> змея-ACC.SG	<i>J-i</i> 3-NOM.SG.M	<i>numir-us-i.</i> умереть-PST.PA-NOM.SG.F
ЛТШ	<i>Reiz sen sen-os</i> раз давно давний-LOC.PL	<i>laik-os</i> время-LOC.PL	<i>bij-is</i> быть-PST.PA-NOM.SG.M	<i>vīr-s.</i> мужчина-NOM.SG	
	<i>Viņ-š</i> 3-NOM.SG.M	<i>gāj-is</i> идти-PST.PA-NOM.SG.M	<i>pa mež-u.</i> по лес-ACC.SG		
	<i>Pēkšņi</i> вдруг	<i>viņ-š</i> 3-NOM.SG.M	<i>uzkāp-is</i> наступить-PST.PA-NOM.SG.M	<i>čūsk-ai.</i> змея-DAT.SG	
	<i>T-ā</i> TOT-NOM.SG.F	<i>iekod-us-i</i> укусить-PST.PA-NOM.SG.F	<i>viņ-am</i> 3-DAT.SG.M	<i>kāj-ā.</i> нога-LOC.SG	
	<i>Viņ-š</i> 3-NOM.SG.M	<i>paņēm-is</i> взять-PST.PA-NOM.SG.M	<i>akmen-i</i> камень-ACC.SG		
	<i>un</i> и	<i>ietmet-is</i> бросить-PST.PA-NOM.SG.M	<i>čūsk-ai.</i> змея-DAT.SG	<i>T-ā</i> TOT-NOM.SG.F	<i>nomir-us-i.</i> умереть-PST.PA-NOM.SG.F

‘Жил-был человек. [Однажды] он гулял в лесу. Вдруг он наступил на змею. Она укусила его в ногу. Он взял камень и бросил в змею. Она сдохла’.

Немногочисленные оставшиеся единичные употребления «голых» причастий в литовской или латышской частях анкеты отмечены в контекстах 26-WRITE, 80-BUILD и 54-SEE, более подробно рассмотренных выше.

Итак, «голые» причастия лишь изредка встречаются в литовской и латышской частях анкеты, передавая как перфектные, так и эвиденциальные значения. При этом даже в таких случаях варианты перевода с «голым» причастием, как правило, остаются в меньшинстве. В литовской части конкурентом «голых» причастий всегда выступает простое прошедшее, тогда как в латышской выбор конкурирующей формы зависит от значения: в субъектно-результативных контекстах латышские информантки параллельно с «голыми» причастиями используют ПрфН, а в эвиденциальных — эвиденциальный перфект или простое прошедшее.

Важно отметить, что в латышском «голые» причастия в значении результативного перфекта примыкают к полным перфектным формам с выраженным вспомогательным глаголом, тогда как в литовском они представляют собой основной способ выражения результативного перфекта, который, к тому же, чаще всего замещается формами простого прошедшего. Аналогичным образом в эвиденциальном значении латышские «голые» причастия примыкают к формам эвиденциального перфекта, хотя, в отличие от перфектных контекстов, причастия здесь, по-видимому, обладают самостоятельной ролью и их не всегда можно считать вариантами полной формы с вспомогательным глаголом в эвиденциалисе (см. об этом [Holvoet 2001: 114–118]). Собственно, целый ряд случаев, где «голые» причастия отсутствуют в переводе на латышский, но имеются при этом в литовском, легко объясняется тем, что литовский использует формы без вспомогательного глагола как собственно перфект или собственно эвиденциалис, тогда как в латышском выступают более привычные полные формы обеих категорий.

4.3. Эвиденциальный перфект в латышском

Эвиденциальным перфектом (ПрфЭ) мы называем аналитическую форму латышского перфекта, в которой вспомогательный глагол выступает в эвиденциальной форме

настоящего времени, см. (48). Данная форма имеет литовское соответствие со вспомогательным глаголом в форме активного причастия настоящего времени, см. (49), однако наши литовские информантки ни разу не использовали ее в переводах анкеты.

- (48) 64: [A tells what she has heard people saying. Nothing shows that she would not believe it, but she does not present this as her own opinion. Add words if needed!] A: Sixty years ago schools BE better than nowadays.

ЛТШ *Pirms sešdesmit gad-iem skol-as*
 перед шестьдесят год-DAT.PL школа-NOM.PL
es-ot bij-uš-as lab-āk-as nekā šodien.
 быть-PRS-EVID быть-PST.PA-NOM.PL.F хороший-COMP-NOM.PL.F чем сегодня
 ‘Шестьдесят лет назад школы [говорят] были лучше, чем сейчас’.

- (49) *Aš jam parašiau, jog pats niekuo jam negalīs padēti, tad labai gerai, kad j-is es-qs pasiryž-ēs tuom rūpintis.*
 что 3-NOM.SG.M быть-PRS.PA.NOM.SG.M решиться-PST.PA.NOM.SG.M об.этом заботиться-INF
 ‘Я ему написал, что сам ничем ему не могу помочь, так что очень хорошо, что он [по его словам] решил об этом позаботиться’. [DLKT]

ПрфЭ встречается в 12 пунктах анкеты и доминирует в шести. Пункты анкеты 63–68, в которых эвиденциальный перфект был предложен более чем половиной латышских информанток, представляют собой косвенную речь в отдельных репликах. К этому же типу явно примыкает и пункт 62, где эвиденциальный перфект, тем не менее, остается в меньшинстве. См. (50).

- (50) эвиденциальный перфект при передаче единичных реплик
 62: [A tells what she has heard from her father. Nothing shows that she would not believe it.] A: When my father BE a child, schools BE better than nowadays.
 63: [A tells what she has heard from her father. Nothing shows that she would not believe it.] A: My father TELL me that when he BE a child, schools BE better than nowadays.
 64: [A tells what she has heard people saying. Nothing shows that she would not believe it, but she does not present this as her own opinion. Add words if needed!] A: Sixty years ago schools BE better than nowadays.
 65: [A doubts what her father has told her.] My father CLAIM that when he BE a child, schools BE better than nowadays.
 66: [A does not believe what she has heard from her father; she only reports what he has told her.] A: When my father BE a child, schools BE better than nowadays.
 67: [Said by a person who has just heard about the event but has not seen it.] The king ARRIVE!
 68: [Said by a person who has just heard about the event but has not seen it.] My sister just TELL me that the king ARRIVE.

В латышском языке слабую конкуренцию ПрфЭ в данных предложениях составляет простое прошедшее, «голые» причастия, также выражающие эвиденциальность, и ПрфН. В литовской части анкеты мы видим доминирование простого прошедшего и «голые» причастия.

Еще в пяти случаях эвиденциальный перфект присутствует, но не преобладает. Все они относятся к пункту 60, содержащему рассказ о происшествии с чужих слов, см. (45), (46) выше. Характерно, что в этих пунктах анкеты ни один из предлагаемых информантками способов перевода (ПрфЭ, «голые» причастия и простое прошедшее) не является лидирующим.

4.4. Перфект прошедшего времени (плюсквамперфект)

Форма перфекта прошедшего времени (ПрфП), или плюсквамперфекта, в балтийских языках представляет собой сочетание активного причастия прошедшего времени со вспомогательным глаголом ‘быть’ в форме прошедшего времени, см. (51). В литовском к плюсквамперфекту мы относим и редко встречающиеся конструкции со вспомогательным глаголом в форме прошедшего хабуитального, см. ниже.

(51) 37: [It is cold in the room. The window is closed. Question:] You OPEN the window (and closed it again)?

лит	<i>Ar</i> Q	<i>buv-ai</i> быть-PST.2SG	<i>atidari-us-i</i> открыть-PST.PA-NOM.SG.F	<i>lang-q?</i> окно-ACC.SG
лтш	<i>Tu</i> 2SG.NOM	<i>bij-i</i> быть-PST-2SG	<i>atvēr-is</i> открыть-PST.PA.NOM.SG.M	<i>log-u?</i> окно-ACC.SG

‘Ты открывала / открывал окно?’

Плюсквамперфект фигурирует в 17 пунктах литовской части анкеты и в 15 — латышской, из которых 10 пунктов являются общими. ПрфП является основным способом перевода на литовский в 10 случаях и на латышский в 8, из которых 7 оказываются общими. Интересно отметить, что в литовской части анкеты ПрфП встречается чаще, чем в латышской, — вспомним, что для перфекта настоящего времени соотношение обратное.

Пункты анкеты, которые литовские и латышские информантки одинаково предпочитают переводить посредством ПрфП, составляют два блока. Во-первых, в пунктах 37–39 (ср. также пример (51) выше) речь идет о событии в прошлом, результат которого в настоящем больше не наблюдается: окно открывали, а затем вновь закрыли (значение **отмененного результата**, см. [Плунгян 2001; Plungian, van der Auwera 2006: 324–325; Сичинава 2013: 29–30])¹⁴, см. (52). Во-вторых, в пунктах 75–77 и 79-SEE говорится о ситуации, имевшей место раньше другой ситуации в прошлом, а также, возможно, о результате более ранней ситуации в прошлом, который наличествовал к моменту более поздней ситуации, см. (54). В обеих группах примеров как в литовском, так и в латышском ПрфП испытывает незначительную конкуренцию со стороны простого прошедшего времени¹⁵, ср. примеры (53) и (55).

(52) отмененный результат

37: [It is cold in the room. The window is closed. Question:] You OPEN the window (and closed it again)?

38: [This is an answer to 37.] Yes, I OPEN it.

39: [This is an answer to 37.] No, I NOT OPEN it.

(53) варианты перевода 38-OPEN

ЛИТ	a. <i>Taip,</i> да	<i>buv-au</i> быть-PST.1SG	<i>atidari-us-i.</i> открыть-PST.PA-NOM.SG.F	
	b. <i>Taip,</i> да	<i>aš</i> я.NOM	<i>atidari-au.</i> открыть-PST-1SG	
ЛТШ	a. <i>Jā,</i> да	<i>bij-u</i> быть-PST-1SG	<i>t-o</i> ТОТ-ACC.SG	<i>atvēr-is.</i> открыть-PST.PA.NOM.SG.M
	b. <i>Jā,</i> да	<i>es</i> я.NOM	<i>t-o</i> ТОТ-ACC.SG	<i>atvēr-u.</i> открыть-PST-1SG

‘Да, я его открывал(а)’.

¹⁴ Мы отвлекаемся от дискутируемого последнее время в литературе вопроса о том, является ли семантика отмененного результата частью значения форм плюсквамперфекта или же возникает как импликатура, см. [Cable 2017].

¹⁵ Этот вывод согласуется с данными [Sakurai 2016: 200].

(54) предшествование в прошлом

75: [A's sister finished writing two letters just before A came home. A tells:] When I COME home yesterday, my sister WRITE two letters.

76: [A's sister was not at home when A arrived. Question: Did you find your sister at home? A answers:] No, I did not (find her). She LEAVE.

77: [A meets B's sister. Later A moves to the town where B and B's sister live. Still later, B asks A: When you came to this town a year ago, did you know my sister? A answers:] Yes, I MEET her.

79: [The speaker used to meet his friend once a week, but nowadays he does not see him at all. "The film" refers to a different film each time:] Every time I MEET him in those years, he TELL me about the film he just SEE.

(55) варианты перевода пункта 77-MEET

лит а. *Taip, buv-au j-q mat-ės.*
да быть-РСТ.1SG 3-ACC.SG.F видеть-РСТ.РА.НОМ.СГ.М
'Да, я ее видел'.

б. *Taip, aš pažinoj-au j-q.*
да я.НОМ быть.знакомым-РСТ.1SG 3-ACC.SG.F
'Да, я был(а) с нею знаком(а)' ¹⁶.

лтш а. *Jā, es viņ-u bij-u satic-is.*
да я.НОМ 3-ACC.SG быть.РСТ-1SG встретить-РСТ.РА.НОМ.СГ.М

б. *Jā, es viņ-u satik-u.*
да я.НОМ 3-ACC.SG встретить.РСТ-1SG
'Да, я ее встречал'.

В литовских переводах пункта 79-SEE наряду со стандартным плюсквамперфектом один раз встретился плюсквамперфект со вспомогательным глаголом в форме прошедшего хабитуального, см. пример (56), где все глаголы оформлены прошедшим хабитуальным (о таких цепочках хабитуальных форм в литовских нарративах см., например, [Sawicki 2010: 180–182]).

(56) вариант перевода 79-SEE

Kiekvieną kartą, kai ji sutikdavau, jis pasakodavo man apie filmą, kur-j bū-dav-o neseniai pažiūrėj-ęs.
который-ACC.SG.M быть-НАВ-РСТ.3 недавно посмотреть-РСТ.РА.НОМ.СГ.М

'Каждый раз, когда я его встречал, он рассказывал мне о фильме, который он незадолго до того смотрел'.

Единственный контекст, где ПрфП преобладает в латышском, но не в литовском, — 81-BUILD, см. (57); скорее всего, это обстоятельство — случайность, связанная с тем, что одна из литовских информанток выбрала для перевода форму пассива прошедшего времени, см. (58).

(57) 81: [Looking at a picture of a house which has been torn down.] Who BUILD this house?

(58) варианты перевода пункта 81-BUILD

лит а. *K-as buv-o pastat-ęs š-i nam-q?*
кто-НОМ быть-РСТ.3 построить-РСТ.РА.НОМ.СГ.М ЭТОТ-ACC.SG.M ДОМ-ACC.SG
б. *K-as pastat-ē š-i nam-q?*
кто-НОМ построить-РСТ.3 ЭТОТ-ACC.SG.M ДОМ-ACC.SG

¹⁶ Все литовские переводы данного пункта, содержащие простое прошедшее, включают глагол со значением 'быть знакомым', чем, видимо, и объясняется использование данной формы вместо ПрфП.

ЛТШ	c. <i>Kieno</i>	<i>staty-t-as</i>		<i>buv-o</i>	<i>š-is</i>	<i>nam-as?</i>
	чей	строить-PST.PP-NOM.SG.M		быть-PST.3	этот-NOM.SG.M	дом-NOM.SG
a.	<i>K-as</i>	<i>š-o</i>	<i>māj-u</i>	<i>bij-a</i>	<i>cēl-is?</i>	
	кто-NOM	этот-ACC.SG	дом-ACC.SG	быть-PST.3	построить-PST.PA.NOM.SG.M	
b.	<i>Kur-š</i>	<i>cēl-a</i>	<i>š-o</i>	<i>māj-u?</i>		
	кто-NOM	строить-PST.3	этот-ACC.SG	дом-ACC.SG		

‘Кто (по)строил этот дом? / Кем был построен этот дом?’

Два пункта анкеты, где ПрфП является предпочтительным в литовском и при этом вообще не встречается в латышском, весьма похожи: 6-MEET и 35-MEET_A, см. (59). В обоих пунктах мы имеем дело с экспериментивным значением, чем объясняется тот факт, что основным конкурентом ПрфП в обоих языках здесь служит ПрфН, а не более обычное простое прошедшее, см. примеры в (60). Об экспериментивных употреблениях плюсквамперфекта см. [Сичинава 2013: 31–33].

(59) экспериментивные контексты

6: [Question: Do you know my sister? Answer:] Yes, I MEET her (so I know her).

35: [Question: You MEET my sister (at any time in your life up to now)? Note: All these alternative answers should be translated.] a) No, I never MEET her. b) Yes, I MEET her once. c) Yes, I MEET her in January 1987.

(60) варианты перевода 35-MEET A

ЛИТ	a.	<i>Ne, aš</i>	<i>j-os</i>	<i>nes-u</i>	<i>mat-gs.</i>
		нет я.NOM	3-GEN.SG.F	NEG.быть.PRS.1SG	видеть-PST.PA.NOM.SG.M
	b.	<i>Ne, aš</i>		<i>niekada</i>	<i>ne-buv-au</i>
		нет я.NOM		никогда	NEG-быть-PST.1SG
ЛТШ		<i>Nē, es</i>	<i>viņ-u</i>	<i>nekad</i>	<i>ne-esmu</i>
		нет я.NOM	3-ACC.SG	никогда	NEG-быть.PRS.1SG
					<i>satic-is.</i>

‘Нет, я ее никогда не встречал(а)’.

В ряде других экспериментивных контекстов ПрфП выступает в качестве маргинального средства перевода, конкурирующего в первую очередь с ПрфН, см. (61).

(61) экспериментивные контексты с маргинальным использованием ПрфП

15: [Question: You MEET my sister (at any time in your life up to now)? Answer:] Yes, I MEET her several times.

33: [These are alternative answers to 32. They should all be translated.] a) No, I never BE (VISIT) there. b) Yes, I BE (VISIT) there. c) Yes, I BE (VISIT) there several times. d) Yes, I BE (VISIT) there in January 1987.

35: [Question: You MEET my sister (at any time in your life up to now)? Note: All these alternative answers should be translated.] a) No, I never MEET her. b) Yes, I MEET her once. c) Yes, I MEET her in January 1987.

36: [A has been talking to B about C's personal tastes. Note: the sentence construction may have to be changed — even in English.] B: You MEET her (sometime) as you know all that? — A: Yes, I MEET her, so I know.

Из оставшихся случаев маргинального употребления ПрфП интерес представляют 53-LIVE, где экспериментивное значение сочетается со значением прекращенной ситуации в прошлом, 14-RAIN с инферентивным значением и 25-ARRIVE_B, описывающий историческое событие с датой, см. (62). Во всех этих пунктах анкеты ПрфП встречается только в латышском, при этом доминирующей стратегией перевода в обоих языках служит простое прошедшее, см. примеры (63)–(65).

- (62) случаи маргинального использования ПрфП в латышском
- 53: [A is visiting a town she used to live in several years ago; now she lives somewhere else.] A: I LIVE here for seven years, but then I had to move away.
- 14: [It is morning. A wakes up, looks out of the window and sees that the courtyard (or the street) is wet.] A: It RAIN during the night.
- 25: [Question:] When Columbus ARRIVE at America for the first time? [Answer:] He ARRIVE at America in 1492.
- (63) латышские переводы 53-LIVE
- a. *Es te **bij-u** **nodzīvoj-is** septiņ-us gad-us,*
я.NOM здесь быть.PST-1SG прожить-PST.PA.NOM.SG.M семь-ACC.PL год-ACC.PL
bet tad man bija jāpārceļas.
- b. *Es te **nodzīvoj-u** septiņ-us gad-us,*
я.NOM здесь прожить.PST-1SG семь-ACC.PL год-ACC.PL
bet tad man nācās pārvākties.
‘Я прожил тут семь лет, но потом мне пришлось переехать’.
- (64) латышские переводы 14-RAIN
- a. *Pa **nakt-i** **ir** **lij-is.***
по ночь-ACC.SG быть.PRS.3 дождь-PST.PA.NOM.SG.M
- b. *Pa **nakt-i** **bij-a** **lij-is.***
по ночь-ACC.SG быть.PST-3 дождь-PST.PA.NOM.SG.M
‘Ночью, видимо, шел дождь’.
- (65) латышские переводы пункта 25-ARRIVE_B
- a. *Vīņ-š **bij-a** **atceļoj-is** Amerik-ā 1492. gad-ā.*
3-NOM.SG.M быть.PST-3 прибыть-PST.PA.NOM.SG.M Америка-LOC.SG 1492 год-LOC.SG
- b. *Vīņ-š **atceļoj-a** Amerik-ā 1492. gad-ā.*
3-NOM.SG.M прибыть.PST-3 Америка-LOC.SG 1492 год-LOC.SG
‘Он прибыл в Америку в 1492 году’.

Если маргинальное использование ПрфП в пунктах 53-LIVE и 25-ARRIVE_B можно предположительно объяснить тем, что в этих контекстах присутствует значение прекращенной ситуации, то с чем связано его появление в инферентивном контексте 14-RAIN с явным сохранением результата в момент речи, неясно.

Таким образом, ПрфП в обоих языках описывает ситуации, предшествующие точке отсчета в прошлом, а также существовавший в прошлом, но не сохраняющийся в настоящем результат ситуации. Помимо этого, важной особенностью литовского является использование ПрфП в экспериентивном значении наряду с ПрфН, который преобладает в данной функции в латышском.

4.5. Перфект будущего времени

Перфект будущего времени (ПрфБ) представляет собой сочетание активного причастия прошедшего времени со вспомогательным глаголом ‘быть’ в форме будущего времени и встречается в 7 пунктах анкеты в литовской части и в 9 пунктах в латышской, причем 6 пунктов являются общими. ПрфБ предлагается большинством информанток в трех случаях при переводе на литовский и в четырех при переводе на латышский; два из них также совпадают (пункты 84-SELL и 85-WORK), см. (66). Оба контекста выражают результат, который планируется достигнуть до наступления определенного момента в будущем. В качестве иллюстрации ПрфБ в (67) приведен перевод 85-WORK.

(66) ПрфБ доминирует при переводе на оба языка

84: [B is setting out on a journey. A intends to sell her own house while B is away. A tells B about this:] A: When you COME BACK next year, I SELL my house.

85: [A began working here in June for almost thirty years ago. It is April and A tells that the anniversary is approaching:] A: In June this year I WORK here for thirty years.

(67) ПрфБ в переводах пункта 85-WORK

ЛИТ	<i>Š-i</i>	<i>biržel-i</i>	<i>bū-si-u</i>	<i>išdirb-ęs</i>
	этот-ACC.SG.M	июнь-ACC.SG	быть-FUT-1SG	поработать-PST.PA.NOM.SG.M

čia trisdešimt metų.
тут тридцать год-GEN.PL

ЛТШ	<i>Š-ā</i>	<i>gad-a</i>	<i>jūnij-ā</i>	<i>es</i>	<i>te</i>	<i>bū-š-u</i>
	этот-GEN.SG.M	год-GEN.SG	июнь-LOC.SG	я.NOM	тут	быть-FUT-1SG

nostrādāj-is *trīsdesmit* *gad-us.*
поработать-PST.PA.NOM.SG.M тридцать год-ACC.PL

‘В июне этого года будет тридцать лет, как я здесь работаю’.

Латышские информантки также предпочитают ПрфБ при переводе пунктов 82–83, см. (68), где в литовской части анкеты преобладает простое будущее либо пассив будущего времени, см. пример (69)¹⁷. В отличие от пунктов 84–85, здесь речь идет не о достижении результата к известному времени в будущем, а о предшествовании ситуации точке отсчета в будущем.

(68) ПрфБ преобладает при переводе на латышский

82: [Question: Can I get my wages now? Answer:] I NOT PAY you your wages before you FINISH the entire job.

83: [As in 82 above.] I PAY you your wages after you FINISH the entire job.

(69) варианты перевода 83-FINISH

ЛТШ	a.	<i>Es</i>	<i>tev</i>	<i>maksā-š-u</i>	<i>alg-u,</i>	
		я.NOM	ты.DAT	платить-FUT-1SG	жалованье-ACC.SG	
		<i>kad</i>	<i>bū-s-i</i>	<i>pabeidz-is</i>	<i>vis-u</i>	<i>darb-u.</i>
		когда	быть-FUT-2SG	закончить-PST.PA.NOM.SG.M	весь-ACC.SG	работа-ACC.SG
	b.	<i>Es</i>	<i>tev</i>	<i>samaksā-š-u</i>	<i>alg-u,</i>	
		я.NOM	ты.DAT	заплатить-FUT-1SG	жалованье-ACC.SG	
		<i>kad</i>	<i>tu</i>	<i>pilnīgi</i>	<i>pabeig-s-i</i>	<i>darb-u.</i>
		когда	ты.NOM	полностью	закончить-FUT-2SG	работа-ACC.SG
ЛИТ	a.	<i>Sumokė-si-u</i>	<i>tau</i>	<i>atlyginim-q,</i>	<i>kai</i>	<i>baig-s-i</i> <i>darb-q.</i>
		заплатить-FUT-1SG	ты.DAT	жалованье-ACC.SG	когда	кончить-FUT-2SG работа-ACC.SG
	b.	..., <i>kai</i>	<i>darb-as</i>	<i>bu-s</i>	<i>baig-t-as.</i>	
		когда	работа-NOM.SG	быть-FUT.3	кончить-PST.PP-NOM.SG.M	
	c.	..., <i>kai</i>	<i>bū-s-i</i>	<i>baig-ęs</i>	<i>darb-q.</i>	
		когда	быть-FUT-2SG	кончить-PST.PA.NOM.SG.M	работа-ACC.SG	

‘Я заплачу тебе жалованье, когда ты закончишь работу / когда работа будет закончена’.

С только что рассмотренными отчасти сходны два пункта, в которых ПрфБ используется только латышскими информантками и только в качестве маргинального средства перевода наряду с преобладающим простым будущим, см. (70)–(71). Использование здесь ПрфБ, возможно, обусловлено предшествованием ситуации зависимой клаузы точке отсчета в будущем.

¹⁷ Нелишне указать на то, что все литовские варианты перевода в этом примере были предложены одной и той же информанткой.

(70) ПрфБ как маргинальное средство перевода на латышский

86: If I GET my wages tomorrow, I BUY you a beer.87: [The speaker has not received his wages yet:] The day I GET my wages I BUY you a beer.

(71) варианты перевода пункта 86-GET

ЛТШ а. *Ja rīt bū-š-u saņēm-is alg-u,*
 если завтра быть-FUT-1SG получить-PST.PA.NOM.SG.M жалование-ACC.SG
izmaksā-š-u tev al-u.
 выплатить-FUT-1SG ты.DAT пиво-ACC.SG

б. *Ja rīt saņem-š-u alg-u, ...*
 если завтра получить-FUT-1SG жалование-ACC.SG

ЛИТ *Jeigu rytoj gau-si-u atlyginim-q, nupirk-si-u tau*
 если завтра получать-FUT-1SG жалование-ACC.SG купить-FUT-1SG ты.DAT
al-aus.
 пиво-GEN.SG

‘Если я завтра получу жалование, куплю тебе пива’.

Еще один тип контекстов, в которых используется ПрфБ, причем больше в литовском, чем в латышском, связан с предположением относительно ситуации в прошлом, т. е. не имеет референции к будущему, см. (72). Подобное инферентивное употребление перфекта будущего времени довольно характерно для европейских языков, см. [Пенькова 2018; 2019]. В данном значении ПрфБ оказывается преобладающей формой в единственном контексте 59-EAT и только в литовском, причем и здесь формы простого прошедшего в сочетании с модальными наречиями были использованы чаще, см. (73). В пункте 70-FINISH ПрфБ, напротив, используется половиной латышских информанток, см. (74), а в пункте 69-ENTER эта форма была предложена в качестве варианта двумя литовскими информантками, см. (75). В латышских переводах всех этих пунктов встречается или преобладает перфект настоящего времени¹⁸.

(72) инферентивные контексты употребления ПрфБ

59: [A comes from the kitchen where he has just seen the sad remains of the cake. He tells B what he assumes to have happened:] A: The dog EAT our cake!69: [Investigating a burglary, seeing footprints beneath a window:] The thief ENTER the house by this window.70: [A and B are not in the room in which B's son has been doing his homework. Question: A: Is your son still doing his homework?] B: No, (I think) he FINISH (it) by now (or: already).

(73) варианты перевода пункта 59-EAT

ЛИТ а. *Šuo bu-s suvalg-ęs tort-q.*
 собака.NOM.SG быть-FUT.3 съесть-PST.PA.NOM.SG.M торт-ACC.SG

б. *Šuo turbūt suvalg-ė tort-q.*
 собака должно.быть съесть-PST.3 торт-ACC.SG

ЛТШ а. *Sun-s ir apēd-is mūsu kūk-u!*
 собака-NOM.SG быть.PRS.3 съесть-PST.PA.NOM.SG.M наш торт-ACC.SG

б. *Sun-s apēd-a mūsu kūk-u!*
 собака-NOM.SG съесть-PST.3 наш торт-ACC.SG

‘Собака, видимо, съела наш торт!’

¹⁸ Один из анонимных рецензентов справедливо указывает на тонкие семантические различия между контекстами 59, 69 и 70, в частности на то, что тип логического вывода в них неодинаков. Проявляется ли это как-либо в выборе грамматических форм, требует отдельного и более детального исследования.

(74) варианты перевода пункта 70-FINISH

лит	a.	<i>Ne, man-au</i>	<i>jau</i>	<i>baig-ė.</i>
		нет думать.PRS-1SG	уже	кончить-PST.3
	b.	<i>Ne, man-au</i>	<i>jau bu-s</i>	<i>pabaig-ės.</i>
		нет думать.PRS-1SG	уже быть-FUT.3	закончить-PST.PA.NOM.SG.M
	c.	<i>Ne, man-au, kad</i>	<i>jau yra</i>	<i>padar-ės.</i>
		нет думать.PRS-1SG что	уже быть.PRS.3	сделать-PST.PA.NOM.SG.M
лтш	a.	<i>Nē, nu jau viņ-š</i>	<i>bū-s</i>	<i>beidz-is.</i>
		нет ну уже 3-NOM.SG.M	быть-FUT.3	кончить-PST.PA.NOM.SG.M
	b.	<i>Nē, viņ-š t-o</i>	<i>jau</i>	<i>pabeidz-a.</i>
		нет 3-NOM.SG.M TOT-ACC.SG	уже	закончить-PST-3
	c.	<i>Nē, es domāj-u,</i>		
		нет я.NOM думать.PRS-1SG		
		<i>ka viņ-š jau ir</i>	<i>beidz-is.</i>	
		что 3-NOM.SG.M уже быть.PRS.3	кончить-PST.PA.NOM.SG.M	

‘Нет, (я думаю, что) он уже сделал [уроки]’.

(75) варианты перевода пункта 69-ENTER

лит	a.	<i>I nam-q vag-is bu-s patek-ės</i>	
		в дом-ACC.SG вор-NOM.SG быть-FUT.3 попасть-PST.PA.NOM.SG.M	
		<i>per š-i lang-q.</i>	
		через этот-ACC.SG.M окно-ACC.SG	
	b.	<i>Vag-is patek-o i nam-q per š-i lang-q.</i>	
		вор-NOM.SG попасть-PST.3 в дом-ACC.SG через этот-ACC.SG.M окно-ACC.SG	
лтш	a.	<i>Zagl-is ir tic-is māj-ā</i>	
		вор-NOM.SG быть-PRS.3 попасть-PST.PA.NOM.SG.M дом-LOC.SG	
		<i>pa š-o log-u.</i>	
		по этот-ACC.SG окно-ACC.SG	
	b.	<i>Zagl-is iekļuv-a māj-ā pa š-o log-u.</i>	
		вор-NOM.SG попасть-PST-3 дом-LOC.SG по этот-ACC.SG окно-ACC.SG	

‘Вор, [должно быть,] попал в дом через это окно’.

Таким образом, ПрфБ в литовском используется уже, чем в латышском. В литовском его формы описывают состояние, достижение которого предусматривается к известному моменту в будущем, тогда как в латышском ПрфБ также указывает на предшествование одной ситуации в будущем по отношению к другой такой ситуации. Другая функция ПрфБ, выражение предположения относительно недавнего прошлого, оказывается для обоих языков скорее периферийной.

5. Обсуждение и заключение

Распределение перфектных и конкурирующих с ними форм в основных классах рассмотренных выше контекстов показано в таблице 6 (с. 37), являющейся расширением таблицы 5, приведенной в конце § 4.1. Двойной чертой в таблице условно разделены классы контекстов, относящиеся к перфекту настоящего, прошедшего и будущего времени. Знак «больше» означает «А более употребительно, чем В», знак «тильда» — «А употребительно наравне с В».

Наше рассмотрение, при всех ограничениях, связанных с особенностями типологической анкеты и небольшим числом опрошенных, как мы полагаем, позволяет сделать ряд выводов о сходствах и различиях между литовской и латышской системами перфекта.

Пожалуй, наиболее яркое и существенное различие между литовским и латышским состоит в значительно более продвинутой грамматикализованности перфекта настоящего

Таблица 6

Литовский и латышский перфекты и их конкуренты

Значение	Литовский	Латышский
экспериментальное	ПрфН > Прош ~ ПрфП	ПрфН
посессивно-результативное	ПрфН ~ Прош	ПрфН
субъектно-результативное	Прош ~ Прич > ПрфН	ПрфН
«текущая релевантность» с переходными глаголами	Прош	Прош > ПрфН
факты биографии	Прош	ПрфН > Прош
иммедиатное	Прош	ПрфН ~ Прош
инферентивное	Прош > ПрфБ	ПрфН > ПрфБ
нарративы	Прош	Прош
репортаив	Прош ~ Прич	ПрфЭ > Прич
инклюзивное	Наст	Наст > ПрфН
предшествование точке отсчета в прошлом	ПрфП	ПрфП
отмененный результат	ПрфП	ПрфП
результат в точке отсчета в будущем	ПрфБ	ПрфБ
предшествование точке отсчета в будущем	Буд	ПрфБ

времени в последнем. Эта большая грамматикализованность проявляется как в том, что набор контекстов предпочтительного употребления ПрфН в латышском существенно шире, чем в литовском, так и в том, что в литовском ПрфН даже в контекстах, где он предпочтителен, как правило, оказывается необязательным и заменимым на другие формы, в первую очередь на простое прошедшее, ср. аналогичный вывод в работе [Sakurai 2016: 205].

Наряду с большей грамматикализованностью латышского перфекта настоящего времени по сравнению с литовским можно отметить и его большую семантическую близость к соответствующим формам таких языков, как английский или скандинавские. Если в литовском ПрфН фактически ограничен экспериментальным и собственно результативным значениями (включая сюда и субъективный результатив от непереходных глаголов, где причастие нередко употребляется без вспомогательного глагола, который в принципе можно трактовать как связку¹⁹), то в латышском он встречается и в таких «типично перфектных» значениях, как иммедиатное, «текущая релевантность» без результативности в узком смысле, а также инклюзивное. Более того, можно говорить даже о признаках экспансии латышского перфекта в зону претерита, ср. его использование при описании фактов биографии и употребление эвиденциального перфекта в нарративе.

Отчасти обратную картину мы видим в случае перфекта прошедшего времени (плюсquamперфекта), который в литовском используется более широко, чем в латышском (имеющиеся в нашем распоряжении корпусные данные подтверждают и усиливают этот вывод, см. [Arkadiev, Daugavet 2016]). Кроме того, употребления форм перфекта настоящего и прошедшего времени не обнаруживают сколько-нибудь значительной симметрии, что еще раз подтверждает вывод об особом статусе плюсquamперфекта как типологически, так и в глагольных системах конкретных языков, см. [Salkie 1989; Squartini 1999; Сичинава 2013].

¹⁹ См. [Servaitė 1986; 1988] о сходствах между субъектным результативом и конструкциями с именными предикатами в литовском.

Наконец, значимым результатом данной работы мы полагаем продемонстрированный нами весьма значительный уровень вариативности и конкуренции между различными грамматическими формами. Отдавая себе отчет в том, что причины этой вариативности невозможно выявить на столь небольшом числе опрошенных носителей и в принципе не ставя себе такой цели, мы тем не менее полагаем, что тот факт, что различные варианты перевода в конкретном контексте нередко предлагались одним и тем же информантом, свидетельствует о конкуренции форм в системе, возможно — о различном «профилировании» тех или иных семантических признаков контекста, а не только о социолингвистическом варьировании²⁰.

Очевидным и необходимым направлением дальнейшего сопоставительного изучения системы перфектных форм в литовском и латышском языках является привлечение данных корпусов, в первую очередь параллельных (ср. [Сичинава 2016]), которые должны дополнить и уточнить сформулированные здесь предварительные выводы.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

1, 2, 3 — 1-е, 2-е, 3-е лицо
ACC — аккузатив
COMP — сравнительная степень
DAT — датив
DEF — определенность
EVID — эвиденциальность
F — женский род
FUT — будущее время
GEN — генитив
HAB — хабитуалис
INF — инфинитив
INS — инструменталис
LOC — локатив
M — мужской род
NA — несогласованная форма
NEG — отрицание
NOM — номинатив
PA — активное причастие
PL — множественное число

PP — пассивное причастие
PRS — настоящее время
PST — прошедшее время
Q — вопросительная частица
RFL — рефлексив
SG — единственное число
Безл — безличный пассив
Буд — будущее время
Наст — настоящее время
Пасс — личный пассив
Прич — активное причастие настоящего времени без вспомогательного глагола
Прош — прошедшее время
ПрфБ — перфект будущего времени
ПрфН — перфект настоящего времени
ПрфП — перфект прошедшего времени
ПрфЭ — эвиденциальный перфект
Сосл — сослагательное наклонение

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Аркадьев 2012 — Аркадьев П. М. Аспектуальная система литовского языка (с привлечением ареальных данных). *Исследования по теории грамматики*. Вып. 6: *Типология аспектуальных систем и категорий* (= *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, т. VIII, ч. 2). Плунгян В. А. (отв. ред.). СПб.: Наука, 2012, 45–121. [Arkadiev P. M. Aspectual system of Lithuanian (in areal perspective). *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 6: *Tipologiya aspektual'nykh sistem i kategorii* (= *Acta Linguistica Petropolitana*, 2012, vol. VIII, part 2). Plungian V. A. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2012, 45–121.]
- Аркадьев 2016 — Аркадьев П. М. Взаимодействие перфекта и отрицания в литовском языке: ареальная и типологическая перспектива. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 7: *Типология перфекта*. (= *Acta Linguistica Petropolitana*, 2016, т. XII, ч. 2). Майсак Т. А., Плунгян В. А.,

²⁰ К отчасти сходным результатам приходит и работа [Sakurai 2016], в которой, однако, указывается, что более молодые из опрошенных ею носителей используют перфект чаще, чем носители более старших поколений. В наших данных, однако, признаков такого распределения не обнаруживается.

- Семенова Кс. П. (ред.). СПб.: Наука, 2016, 115–163. [Arkadiev P. M. Interaction of perfect and negation in Lithuanian: Areal and typological perspective. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 7: *Tipologiya perfekta*. (= *Acta Linguistica Petropolitana*, 2016, vol. XII, part 2). Maisak T. A., Plungian V. A., Semionova X. P. (eds.). St. Petersburg: Nauka, 2016, 115–163.]
- Вимер 2007 — Вимер Б. Косвенная засвидетельствованность в литовском языке. *Эвиденциальность в языках Европы и Азии*. Храковский В. С. (ред.). СПб.: Наука, 2007, 197–240. [Wiemer B. Indirect evidentiality in Lithuanian. *Evidentsial'nost' v yazykakh Evropy i Azii*. Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2007, 197–240.]
- Вострикова 2010 — Вострикова Н. В. *Типология средств выражения экспериментального значения*. Дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2010. [Vostrikova N. V. *Tipologiya sredstv vyrazheniya eksperimentivnogo znacheniya* [Typology of experiential marking]. Ph.D. diss. Moscow: Moscow State Univ., 2010.]
- Генюшене 1989 — Генюшене Э. Ш. О взаимодействии перфекта и вида в литовском языке. *Baltistica*, 1989, 3(2): 285–291. [Geniušienė E. Š. On interaction of perfect and aspect in Lithuanian. *Baltistica*, 1989, 3(2): 285–291.]
- Генюшене 1990 — Генюшене Э. Ш. Перфект и вид в литовском языке. *Типология и грамматика*. Храковский В. С. (ред.). Л.: Наука, 1990, 135–140. [Geniušienė E. Š. Perfect and aspect in Lithuanian. *Tipologiya i grammatika*. Xrakovskij V. S. (ed.). Leningrad: Nauka, 1990, 135–140.]
- Генюшене 2020 — Генюшене Э. Ш. Вид и время глагола в литовском языке. *Иерархия и взаимодействие грамматических категорий глагола*. Храковский В. С., Мальчуков А. Л. (ред.). СПб.: ИЛИ РАН, 2020, 503–540. [Geniušienė E. Š. Aspect and tense in Lithuanian. *Ierarkhiya i vzaimodeistvie grammaticheskikh kategorii glagola*. Xrakovskij V. S., Malchukov A. L. (eds.). St. Petersburg: Institute of Linguistic Studies, 2020, 503–540.]
- Генюшене, Недялков 1983 — Генюшене Э. Ш., Недялков В. П. Результатив, пассив и перфект в литовском языке. *Типология результативных конструкций*. Недялков В. П. (ред.). Л.: Наука, 1983, 160–166. [Geniušienė E. Š., Nedjalkov V. P. Resultative, passive and perfect in Lithuanian. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktii*. Nedjalkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983, 160–166.]
- Ландер 2003 — Ландер Ю. А. Перфект и обстоятельства конкретного времени. *Языки мира. Типология. Уралистика. Памяти Т. Ждановой. Статьи и воспоминания*. Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. (сост.). М.: Индрик, 2003, 300–312. [Lander Yu. A. Perfect and definite positional time adverbials. *Yazyki mira. Tipologiya. Uralistika. Pamyati T. Zhdanovoi. Stat'i i vospominaniya*. Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. (comp.). Moscow: Indrik, 2003, 300–312.]
- Недялков, Яхонтов 1983 — Недялков В. П., Яхонтов С. Е. Типология результативных конструкций. *Типология результативных конструкций*. Недялков В. П. (ред.). Л.: Наука, 1983, 5–40. [Nedjalkov V. P., Yakhontov S. E. Typology of resultative constructions. *Tipologiya rezul'tativnykh konstruktii*. Nedjalkov V. P. (ed.). Leningrad: Nauka, 1983, 5–40.]
- Падучева 2010 — Падучева Е. В. Событийное и статальное значение глаголов совершенного вида в русском языке. *Проблемы грамматики и типологии. Сборник статей памяти В. П. Недялкова*. Выдрин В. Ф. и др. (ред.). М.: Знак, 2010, 240–252. [Paducheva E. V. Eventive and statal meanings of perfective verbs in Russian. *Problemy grammatiki i tipologii. Sbornik statei pamyati V. P. Nedjalkova*. Vydrin V. F. et al. (eds.). Moscow: Znak, 2010, 240–252.]
- Пенькова 2018 — Пенькова Я. А. От ретроспективности к проспективности: грамматикализация предбудущего в языках Европы. *Вопросы языкознания*, 2018, 2: 53–70. [Penkova Y. A. From retrospective to prospective: Grammaticalization of future anterior in the languages of Europe. *Voprosy Jazykoznanija*, 2018, 2: 53–70.]
- Пенькова 2019 — Пенькова Я. А. Модально-эвиденциальные стратегии предбудущего в языках Европы: анкетирование и корпусные данные. *Вопросы языкознания*, 2019, 6: 7–31. [Penkova Y. A. Modal and evidential strategies for future anterior in European languages: Questionnaire and corpus data. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 6: 7–31.]
- Плунгян 2001 — Плунгян В. А. Антирезультатив: до и после результата. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 1: *Грамматические категории*. Плунгян В. А. (ред.). М.: Русские словари, 2001, 50–88. [Plungian V. A. Antiresultative: Before and after the result. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 1: *Grammaticheskie kategorii*. Plungian V. A. (ed.). Moscow: Russkie Slovarei, 2001, 50–88.]
- Сведенцова 2003 — Сведенцова Е. А. Перфективность, результативность и инференциальность в литовском языке: сочетание значений и совмещение форм. *Грамматические категории: иерархии, связи, взаимодействие*. Материалы конференции (Санкт-Петербург, 2003). Храковский В. С. (ред.). СПб.: Наука, 2003, 147–151. [Svedentsova E. A. Perfectivity, resultativity and inferentiality

- in Lithuanian: Combination of meanings and syncretism of forms. *Grammaticheskie kategorii: ierarkhii, svyazi, vzaimodeistvie*. Conf. proceedings (St. Petersburg, 2003). Xrakovskij V. S. (ed.). St. Petersburg: Nauka, 2003, 147–151.]
- Сичинава 2013 — Сичинава Д. В. *Типология плюсквамперфекта. Славянский плюсквамперфект*. М.: АСТ-Пресс, 2013. [Sitchinava D. V. *Tipologiya plyuskvamperfekta. Slavyanskii plyuskvamperfekt* [Typology of pluperfect. Slavic pluperfect]. Moscow: AST-Press, 2013.]
- Сичинава 2016 — Сичинава Д. В. Европейский перфект сквозь призму параллельного корпуса. *Исследования по теории грамматики*. Вып. 7: *Типология перфекта*. (= *Acta Linguistica Petropolitana*, 2016, т. XII, ч. 2). Майсак Т. А., Плунгян В. А., Семенова Кс. П. (ред.). СПб.: Наука, 2016, 85–114. [Sitchinava D. V. European perfect through the lens of a parallel corpus. *Issledovaniya po teorii grammatiki*. No. 7: *Tipologiya perfekta*. (= *Acta Linguistica Petropolitana*, 2016, vol. XII, part 2). Maisak T. A., Plungian V. A., Semionova X. P. (eds.). St. Petersburg: Nauka, 2016, 85–114.]
- Arkadiev, Daugavet 2016 — Arkadiev P. M., Daugavet A. D. The perfect in Lithuanian and Latvian: A contrastive and comparative study. Talk at *Chronos 12* (Caen, 2016).
- Arkadiev et al. 2015 — Arkadiev P. M., Holvoet A., Wiemer B. Introduction. Baltic linguistics: State of the art. *Contemporary approaches to Baltic linguistics*. Arkadiev P., Holvoet A., Wiemer B. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2015, 1–109.
- Arkadiev, Wiemer 2020 — Arkadiev P. M., Wiemer B. Perfects in Baltic and Slavic. *Perfects in Indo-European languages and beyond*. Crellin R., Jügel Th. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2020, 123–214.
- Breitbarth 2005 — Breitbarth A. *Live fast, die young—the short life of Early Modern German auxiliary ellipsis*. Utrecht: LOT Publications, 2005.
- Cable 2017 — Cable S. The implicatures of optional past tense in Tlingit and the implications for ‘discontinuous past’. *Natural Language and Linguistic Theory*, 2017, 35(3): 635–681.
- Comrie 1976 — Comrie B. *Aspect. An introduction to the study of verbal aspect and related problems*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1976.
- Dahl 1985 — Dahl Ö. *Tense and aspect systems*. Oxford: Blackwell, 1985.
- Dahl 2021 — Dahl Ö. “Universal” readings of perfects and iamitives in typological perspective. *The perfect volume: Papers on the perfect*. Eide K. M., Fryd M. (eds.), Amsterdam: John Benjamins, 2021, 44–63.
- Dahl (ed.) 2000 — Dahl Ö. (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000.
- Dahl, Hedin 2000 — Dahl Ö., Hedin E. Current relevance and event reference. *Tense and aspect in the languages of Europe*. Dahl Ö. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 2000, 385–401.
- Daugavet, Holvoet 2019 — Daugavet A. D., Holvoet A. An elusive experiential tense construction in Latvian. *Baltic Linguistics*, 2019, 10 (Special issue “Minor grams in Baltic, Slavonic and Fennic”): 109–153.
- DLKT — Корпус современного литовского литературного языка, tekstynas.vdu.lt
- Geniušienė, Nedjalkov 1988 — Geniušienė E., Nedjalkov V. P. Resultative, passive, and perfect in Lithuanian. *Typology of resultative constructions*. Nedjalkov V. P. (ed.). Amsterdam: John Benjamins, 1988, 369–386.
- Grønn 2004 — Grønn A. *The semantics and pragmatics of the Russian factual imperfective*. Ph.D. diss. Univ. of Oslo, 2004.
- Grønn, von Stechow 2017 — Grønn A., von Stechow A. The perfect. *The Wiley Blackwell companion to semantics*. Gutzmann D., Matthewson L., Meier C., Rullmann H., Zimmermann Th. E. (eds.). To appear. Online version of 2017: https://www.hf.uio.no/ilos/personer/vit/atleg/perfect_gronn_stechow_oct2017.pdf.
- Holvoet 2001 — Holvoet A. *Studies in the Latvian verb*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2001.
- Holvoet 2007 — Holvoet A. *Mood and modality in Baltic*. Kraków: Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 2007.
- Iatridou et al. 2001 — Iatridou S., Anagnostopoulou E., Izvorski R. Observations about the form and meaning of the perfect. *Ken Hale: A life in language*. Kenstowicz M. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 2001, 189–238.
- Kehayov 2008 — Kehayov P. *An areal-typological perspective to evidentiality: The cases of the Balkan and Baltic linguistic areas*. (Dissertationes Linguisticae Universitatis Tartuensis, 10.) Tartu: Tartu Univ. Press, 2008.
- Larsson 2009 — Larsson I. *Participles in time. The development of the perfect tenses in Swedish*. Gothenburg: Gothenburg Univ., 2009.
- Lindstedt 2000 — Lindstedt J. The perfect — aspectual, temporal and evidential. Dahl Ö. (ed.). *Tense and aspect in the languages of Europe*. Berlin: Mouton de Gruyter, 2000, 365–383.

- Mathiassen 1996 — Mathiassen T. *Tense, mood and aspect in Lithuanian and Latvian*. (Meddelelser av Slavisk-baltisk afdeling, Universitetet i Oslo, Nr. 75.) Oslo: Universitetet i Oslo, 1996.
- Nau 2005 — Nau N. Perfekts un saliktā tagadne latviešu valodā. *Baltu filoloģija*, 2005, 14(2): 137–154.
- Plungian, van der Auwera 2006 — Plungian V. P., van der Auwera J. Towards a typology of discontinuous past marking. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 2006, 59(4), 317–349.
- Sakurai 2015 — Sakurai E. Past habitual tense in Lithuanian. *Contemporary approaches to Baltic linguistics*. Arkadiev P., Holvoet A., Wiemer B. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2015, 384–436.
- Sakurai 2016 — Sakurai E. The perfect in Lithuanian: An empirical study. *Valoda: Nozīme un forma*. 7. *Gramatika un saziņa*. Kalnača A., Lokmane I., Horigučī D. (red.). Rīga: LU Akadēmiskais apgāds, 2016, 189–208.
- Salkie 1989 — Salkie R. Perfect and pluperfect: What is the relationship? *Journal of Linguistics*, 1989, 25(1): 1–34.
- Sawicki 2010 — Sawicki L. Preverbatization and narrativity in Lithuanian. *Baltic Linguistics*, 2010, 1: 167–193.
- Servaitė 1986 — Servaitė L. Rezultatinės būsenos reikšmė lietuvių kalbos veiksmažodžių sudurtinių formų sistemoje (rezultatyvas). *Kalbotyra*, 1986, 36(1): 63–71.
- Servaitė 1988 — Servaitė L. Subjektinis rezultatyvas lietuvių kalboje (Perfekto formos su rezultatinės būsenos reikšme). *Kalbotyra*, 1988, 39(1): 81–89.
- Squartini 1999 — Squartini M. On the semantics of the pluperfect: Evidence from Germanic and Romance. *Linguistic Typology*, 1999, 3(1): 51–89.
- Wälchli 2000 — Wälchli B. Infinite predication as a marker of evidentiality and modality in the languages of the Baltic region. *Sprachtypologie und Universalienforschung*, 2000, 53(2): 186–210.
- Wiemer 2010 — Wiemer B. Lithuanian *esq* — a heterosemic reportative marker in its contemporary usage. *Baltic Linguistics*, 2010, 1: 245–308.
- Wiemer 2012 — Wiemer B. The Lithuanian HAVE-resultative — a typological curiosity? *Lingua Posnaniensis*, 2012, 54(2): 69–81.
- Willett 1988 — Willett Th. A cross-linguistic survey of the grammaticalization of evidentiality. *Studies in Language*, 1988, 12(1): 51–97.

«Эффект крысолова» в русских относительных придаточных: микродиакроническое исследование

© 2021

Ольга Евгеньевна Пекелис

Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия;
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики»,
Москва, Россия; opekelis@gmail.com

Аннотация: В статье исследуется эволюция явления эффекта крысолова (англ. *pied-piping*) в русских относительных клаузах после XVIII в. Известное отличие языка XVIII–XIX вв. от современного языка, касающееся линейного порядка относительного местоимения *который* и его вершины при эффекте крысолова и обычно иллюстрируемое на материале конструкций с релятивизацией зависимого в генитиве (ср. устаревшее *которого дам* и современное *дам которого*), последовательно подтверждается для разных синтаксических контекстов. Произшедший после XIX в. синтаксический сдвиг предлагается объяснять более общим сдвигом в коммуникативной организации высказывания: характерный для относительных клауз XVIII–XIX вв. линейный порядок, как демонстрируется, не укладывается в реестр коммуникативных структур, разрешенных современной нормой.

Ключевые слова: корпусная лингвистика, относительные конструкции, русский язык XIX века, синтаксис, эффект крысолова

Благодарности: Работа выполнена при поддержке гранта Министерства науки и высшего образования № 075-15-2020-793 «Компьютерно-лингвистическая платформа нового поколения для цифровой документации русского языка: инфраструктура, ресурсы, научные исследования». Автор глубоко признателен Е. В. Рахилиной и рецензентам журнала «Вопросы языкознания» за советы и замечания.

Для цитирования: Пекелис О. Е. «Эффект крысолова» в русских относительных придаточных: микродиакроническое исследование. *Вопросы языкознания*, 2021, 4: 42–71.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.4.42-71

Pied-piping in Russian relative clauses: A microdiachronic analysis

Olga E. Pekelis

Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; HSE University, Moscow, Russia;
opekelis@gmail.com

Abstract: This paper presents an analysis of the pied-piping phenomenon in Russian relative clauses in the 18th–19th centuries and in present-day Russian. As is well-known, the relative pronoun *kotoryj* ‘which’ tended to precede its pied-piped head in the 18th–19th centuries and tends to follow it today. This difference, which has mainly been investigated for relativization on genitives, is demonstrated to be valid for a number of heterogeneous syntactic contexts. I propose to account for the syntactic shift undergone by the Russian relative clauses since the 19th century in terms of a more general shift in information structure: I argue that the linear order of the relative pronoun and its head that was acceptable

in Russian two centuries ago, is now in contradiction with the modern inventory of felicitous information structure patterns.

Keywords: 19th-century Russian, corpus linguistics, pied piping, relative constructions, syntax

Acknowledgements: This research has been supported by the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation within the Agreement No. 075-15-2020-793.

For citation: Pekelis O. E. Pied-piping in Russian relative clauses: A microdiachronic analysis. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 4: 42–71.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.4.42-71

1. К постановке вопроса

Эффект крысолова в русских относительных придаточных, т. е. выдвижение на левую периферию придаточного не только самого относительного местоимения, но и объемлющей его составляющей, как в (1)–(2), неоднократно становился предметом изучения, ср. [Лютикова 2011; 2019; Холодилова 2014] и др.

- (1) *Их подельником в этом был Константин Лебедев, [дело [которого]] рассматривалось в отдельном производстве* [Комсомольская правда, 2014.07.24].
- (2) *Затем на поле выйдут хозяева турнира — бразильцы, [противостоять [которым]] будет смелая и атакующая колумбийская команда* [Известия, 2014.07.02].

Однако системного исследования эволюции этого явления в истории русского языка как будто не проводилось. Известно при этом, что в русском языке XVIII–XIX вв. синтаксический паттерн эффекта крысолова был иным, чем сегодня: относительное местоимение могло предшествовать своей вершине, тогда как сегодня, как правило, следует за ней. Это различие обычно отмечается для относительных конструкций с релятивизацией генитивного зависимого имени, как в (1) и (3), см. [Зализняк, Падучева 1979; Круглов 2003; 2006; Раппарпорт 1995] и др. К рассмотрению привлекалась и конструкция с релятивизацией актанта инфинитива, ср. (2) и (4) [Булаховский 1954: 438; Тестелец 2001: 141; Лютикова 2009; Холодилова 2020].

- (3) *Я нашел у Грушницкого драгунского капитана и еще одного господина, **которого фамилии** не помню* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)].
- (4) *Нет таких трудностей, **которые преодолеть** не покусилась бы злоба и мщенье* [В. Т. Нарезный. Российский Жилбаз, или Похождения князя Гаврилы Симоновича Чистякова (1814)].

В настоящей работе паттерны эффекта крысолова в современном языке и языке XVIII–XIX вв. сопоставляются для более широкого круга синтаксических контекстов: наряду с двумя перечисленными, это контексты с релятивизацией именной группы в косвенном падеже (отличном от генитива), в составе количественной конструкции и некоторые другие. Материалом для исследования служит Национальный корпус русского языка [НКРЯ]: его Подкорпус текстов XVIII–XIX вв. и Газетный корпус. Последний содержит тексты СМИ 1990–2000-х гг. и, можно думать, точнее отражает современную норму, чем тексты художественной литературы, преобладающие в Основном корпусе.

Предпринятый анализ показал, что во всех без исключения рассмотренных синтаксических контекстах паттерн с препозицией относительного местоимения был возможен в XVIII–XIX вв., а сегодня применяется с ограничениями (раздел 2). Дальнейшее изложение затрагивает вопрос о причинах ухода от этого паттерна в современном языке

(раздел 3). Ответ предлагается усматривать в коммуникативной структуре относительных клауз XVIII–XIX вв.: демонстрируется, что препозиция местоимения *который* порождает коммуникативную структуру, противоречащую современным нормам коммуникативной организации высказывания.

Работа продолжает проект Школы лингвистики НИУ ВШЭ, посвященный поиску и интерпретации лексических и грамматических сдвигов, произошедших в русском языке после XVIII в., см. подробнее [Рахилина и др. 2016].

2. О паттернах эффекта крысолова в XVIII–XIX вв. и сегодня: данные НКРЯ

В настоящем разделе исследуется употребление в современном русском языке и в языке XVIII–XIX вв. трех конструкций: конструкции с выносом вершины, доминирующей над словом *который*, в позицию перед этим словом (5); конструкции с контактным расположением такой вершины в позиции после слова *который* (6) (вопрос о том, следует ли говорить в этом случае о выносе, обсуждается ниже); конструкции с дистантным расположением *который* и вершины, обусловленным отсутствием выноса в одну из упомянутых позиций (7). Для указанных трех конфигураций будем использовать следующие ярлыки: **эффект крысолова**, **эффект крысолова с инверсией** и **отсутствие эффекта крысолова** соответственно (см. аналогичную терминологию, например, в [Холодилова 2020]).

- (5) *Особенно хочу выделить Олега Басилашвили в роли Самохвалова, образ которого получился незабываемым* [коллективный. Форум: рецензии на фильм «Служебный роман» (2006–2010)].
- (6) *Птица сия почитается у них священной, равно как и аисты, **которых гнезда** вы увидите по деревьям почти на каждой трубе* [Н. А. Бестужев. Записки о Голландии 1815 года (1821)].
- (7) *В саду *rus deirphinus*, **которого** я давно домогался *названия* в Ширване* [А. С. Грибоедов. Отдельные заметки (1822–1825)].

При контактном расположении вершины справа от *который* ответ на вопрос о синтаксической позиции вершины не всегда прозрачен. В (6), где вершина *гнезда* представляет собой прямое дополнение, можно говорить о том, что ее контактное расположение после слова *которых* является результатом выноса именной группы [*гнезда которых*] из базовой постглагольной позиции и последующей инверсии компонентов (в соответствии с представлением о том, что в нейтральной синтаксической и коммуникативной структуре в русском языке субъект предшествует предикату, а объект следует за ним, ср. [Ковтунова 1976: 65; Падучева 2016: 33]). Однако в случае, если вершина, доминирующая над *который*, представляет собой подлежащее, как в (8), для вывода о производности ее синтаксической позиции меньше оснований.

- (8) *Он со всех сторон окружен озером, **которого глубина** в этом месте простирается до восьмисот французских футов* [В. А. Жуковский. [Предисловие к «Шильонскому узнику»] (1821)].

Отмеченная проблема неоднократно обсуждалась на материале французской относительной конструкции с местоимением *dont* (9), но не получила общепринятого решения.

- (9) *Je cherche la maison **dont la porte** est jaune.*
Букв. ‘Я ищу дом, **которого дверь** желтая’.

Согласно одной из точек зрения, при релятивизации посредством *dont* именной группы в составе подлежащего вершина остается в базовой позиции, т. е. эффект крысолова как таковой отсутствует [Hirschbühler 1978: 110], цит. по [Heck 2009: 102]. Другая точка зрения состоит в том, что группа подлежащего целиком подвергается передвижению, т. е. эффект крысолова наличествует [Heck 2009], см. также [Abeillé, Winckel 2020]. Применительно к русскому языку выбор между этими двумя вариантами анализа представляется невозможным: конструкция типа (8) синтаксически омонимична. Ни один из двух вариантов не может быть исключен, потому что, как демонстрируется в разделе 2.1, релятивизация генитивного зависимого имени в русском языке XVIII–XIX вв. могла как сопровождаться, так и не сопровождаться эффектом крысолова.

Ответ на вопрос о синтаксической позиции вершины, доминирующей над местоимением *который*, может быть проблематичен не только для конструкций с релятивизацией подлежащего. Дело в том, что контактное расположение вершины справа от местоимения и одновременно в производной синтаксической позиции может не быть следствием эффекта крысолова: коммуникативная структура предложения, к которой применяется релятивизация, сама по себе может оказаться производной. Так, в (10) при поверхностном рассмотрении неясно, имел ли место эффект крысолова с инверсией (и последующей реорганизацией коммуникативной структуры, см. [Лютикова 2019]) при релятивизации независимого предложения (11), или исходным для (10) является синтаксическое членение (12).

(10) *У обоих в глазах такая боль, которую вытравить сможет, наверное, только время* [Комсомольская правда, 2001.10.31].

(11) *Только время сможет вытравить боль.*

(12) *Вытравить боль сможет только время.*

В настоящем разделе мы стремимся к описанию эмпирических фактов, поэтому для простоты изложения пренебрегаем отмеченными трудностями, применяя термин «эффект крысолова с инверсией» ко всем случаям, в которых вершина, доминирующая над местоимением, контактно следует за ним. Это относится как к вершинам в позиции подлежащего (8), так и к вершинам в позиции дополнения (10). Интерпретация фактов и разграничение «подлинного» и «мнимого» эффекта крысолова с инверсией помещены в раздел 3.

Материалом для исследования служат контексты с релятивизацией именной группы (ИГ) в следующих синтаксических позициях: посессора или актанта в генитиве в составе ИГ (раздел 2.1); актанта в косвенном падеже, отличном от генитива, в составе ИГ (раздел 2.2); зависимого в составе количественной конструкции (раздел 2.3); ИГ, подчиненной инфинитиву (раздел 2.4); ИГ, подчиненной финитному глаголу (раздел 2.5); ИГ в составе группы наречия (раздел 2.6). Выбор данных контекстов обусловлен тем, что именно в них наиболее ярко проявляют себя отличия современной нормы от нормы XVIII–XIX вв. Для сравнения, в контексте с релятивизацией ИГ в составе предложной группы, не вошедшем в рассмотрение, существенных сдвигов в паттерне эффекта крысолова не произошло. Так, в корпусе текстов XVIII–XIX вв. в составе НКРЯ примеров без эффекта крысолова — с «зависанием» предлога, как в (13б) — не встретилось ни для первообразных, ни для производных предлогов, что отвечает и современной норме.

(13) а. *Христианская религия есть учение, благодаря которому Римская империя получила мировое значение* [Иоанн Мейендорф. Духовное и культурное Возрождение XIV века и судьбы Восточной Европы (1992)].

б. **Христианская религия есть учение, которому Римская империя получила мировое значение благодаря.*

2.1. Релятивизация ИГ (посессора или актанта) в генитиве

При релятивизации ИГ-посессора или актанта в генитиве сегодня единственно возможной является конструкция с эффектом крысолова [Лютикова 2009]. В языке XVIII–XIX вв. эта конструкция также использовалась ((14) — самый ранний пример такого рода в Основном корпусе). Однако, как отмечалось в литературе [Зализняк, Падучева 1979: 321; Тестелец 2001: 141; Круглов 2006] и др., альтернативой служил эффект крысолова с инверсией — в составе подлежащего (15), дополнения (16) или в составе предложной группы. В последнем случае местоимение *который* могло располагаться после предлога (17) или перед ним (18) (отмечается в [Холодилова 2011а: 15]).

- (14) *К тому же прошу вас, мой государь, прислать мне продаваемые в академической книжной лавке книги, названия которых указаны ниже, деньги же, как за эти книги, так и за ранее присланные, я перешлю с моим сыном* [В. Н. Татищев. Письмо И. Д. Шумахеру (1735)].
- (15) *Я не говорю уж о матери, которой обязанности и так святы и так сложны* [А. И. Герцен. Сорока-воровка (1846)].
- (16) — *Это жаль, однако ж, — сказал я Бондыреву, ощущая невольное угрызение совести при виде человека, которого погибли я сам некоторым образом содействовал* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Святочный рассказ (1858)].
- (17) *Моренгейм просит увольнения за слабостию будто здоровья, на которого место я принят* [А. М. Шумлянский. Письмо И. В. Руцкому (1785)]¹.
- (18) *Лучше быть смотряливу и осторожу въ своихъ дѣлахъ и словахъ, хотя и съ небольшимъ трудомъ, нежели поддаваться предательству, открывая свое сердце такимъ людямъ, которыхъ о вѣрности нѣтъ извѣстныхъ знаковъ* [В. К. Тредиаковский. Истинная политика знатных и благородных особ [перевод книги Н. Ремона де Кура с французского] (1745)].

Кроме того, в XVIII–XIX вв. использовалась и конструкция без эффекта крысолова, с «зависанием» вершины (см. упоминание об этом в [Круглов 2006: 97]):

- (19) *Имеет он пушки его королевскому величеству изрядной работы и деление иное, нежели обыкновенное, которых я хотел иметь рисунок, но не мог получить* [В. Н. Татищев. Письмо Я. В. Брюсу (1717)].

2.2. Релятивизация ИГ-актанта в других косвенных падежах

В текстах XVIII–XIX вв. в конструкции с релятивизацией ИГ-актанта в косвенном падеже, отличном от генитива, в составе предложной группы или вне ее, использовались две модели: эффект крысолова с инверсией, ср. в (20) релятивизацию ИГ в составе дополнения и в (21) релятивизацию ИГ в составе подлежащего, или отсутствие эффекта (22), (23).

¹ В (17) между относительной клаузой и ее вершиной располагается фрагмент главной клаузы. Такие конструкции («right-adjoined relative clauses» в соответствии с типологической классификацией [Andrews 2007]; конструкции с экстрапозицией относительной клаузы в русскоязычной терминологии [Холодилова 2014]) были особенно распространены в старорусский период [Mitrenina 2012: 67], но и в языке XVIII–XIX вв. употреблялись шире, чем сегодня [Подлеская 2014].

- (20) *И в те уреченные лета должен тот наследник их, братьей и сестр, кормить и снабжать и учить всех грамоте, а мужеской пол и цыфирному счету, также и наукам, к которым приклонность будет кто иметь* [[Петр I]. О порядке наследования в движимых и недвижимых имуществах (1714)].
- (21) *Простоявши 20 лет в развалинах, он был открыт моим прологом Торжество Муз, к которому музыка была написана А. Н. Верстовским, А. А. Алябьевым и Шольцом* [М. А. Дмитриев. Мелочи из запаса моей памяти (1869)].
- (22) *Нѣжность, къ которой имѣють они нарочитую склонность, не рѣдко раздѣляютъ съ ними ихъ плѣнники* [Н. П. Рычков. Дневныя записки путешествія въ Киргисъ-Кайсацкой степѣ, 1771 году (1772)].
- (23) *...боясь, чтобы одно слово не погасило навеки небесного огня, которому обрекла себя на служение, и не погребло ее живую в землю, спешила исполнить волю дочери* [И. И. Лажечников. Ледяной дом (1835)].

Конструкции с эффектом крысолова без инверсии появляются, по-видимому, ближе к XX в., ср. самый ранний пример, содержащий сочетание *склонность к которому*, в (24) (при допустимости отсутствия эффекта крысолова в этом сочетании уже в XVIII в., ср. (22)).

- (24) *Эльза дала ему ленивое, мещанское счастье, склонность к которому была у Любовина* [П. Н. Краснов. От Двуглавого Орла к красному знамени (книга 1) (1922)].

В современном языке наряду с эффектом крысолова без инверсии (25) допустимо отсутствие эффекта (26). Этим конструкция с релятивизацией негенитивной актантной ИГ отличается от конструкции с релятивизацией зависимого в генитиве (попытку объяснения этого различия см. в [Лютикова 2009: 484]).

- (25) *После матча произошел, на мой взгляд, совершенно вопиющий случай, примеров которому, кажется, нет* [Советский спорт, 2011.06.19].
- (26) *Там лишь сказано, что десятые классы должны быть профильными и школьникам стоит делать упор в них на те дисциплины, к которым у них есть способности* [Известия, 2013.10.22].

Окказионально встречаются также конструкции с эффектом крысолова и инверсией, ср. (27), (28) (в Газетном корпусе НКРЯ таких примеров найти не удалось).

- (27) *...понимал, что, вспоминая маму и папу, он только ранит хрупкое сердце его любимой бабушки, к которой уважение было очень высоко* (Google).
- (28) *Гораздо большим бредом является натаскивание на предметы, к которым предрасположенности нет* (Google).

К числу факторов, лицензирующих как эффект крысолова с инверсией, так и отсутствие эффекта в современном языке, относится тип предиката в составе относительной клаузы: с инверсией совместимы такие предикаты, при которых релятивизируемая ИГ (или доминирующая над ней предложная группа) может интерпретироваться как непосредственно подчиненная предикату, а не существительному (см. об этом явлении [Апресян и др. 2010: 28])². Таковы, по-видимому, примеры (25)–(28). Ср. также контрастные примеры в (29): в (29а), где предложная группа *к которым* может интерпретироваться как непосредственно подчиненная предикату *подбиралась*, контактное расположение ИГ *музыка* справа от *который* допустимо, а в (29б) с предикатом *прозвучать*, где аналогичная интерпретация

² Мы благодарны анонимному рецензенту за это наблюдение.

невозможна, затруднено и контактное расположение справа. Аналогично отсутствие эффекта крысолова приемлемо в (30а), где *к которым* подчинено глаголу *написали*, но не в (30б), где *музыка* — единственный кандидат на роль вершины группы *к которым*.

- (29) а. *В этой серии кроме сказок, для которых музыка была написана специально — «Петя и волк», «Щелкунчик», есть такие, к которым музыка подбиралась мной (Google).*
- б. *??В этой серии есть сказки, к которым музыка (^{ок}музыка к которым) прозвучала в первом отделении концерта.*
- (30) а. *Вы не считали фильмы, к которым написали музыку? (Google).*
- б. *??Как называются фильмы, к которым в первом отделении концерта прозвучала музыка?*

Отмеченный фактор, по-видимому, не играл роли в языке XVIII–XIX вв. — и в этом видится принципиальное отличие от современной нормы. Так, примеры (31а) и (32а) закономерным образом производят впечатление архаичных: релятивизируемая группа не может интерпретироваться как зависимое предиката. Ср. обладающие тем же свойством и близкие по лексическому составу современные примеры с эффектом крысолова без инверсии в (31б) и (32б).

- (31) а. *С благозвучием голоса, с благородством осанки соединяла она красоту именно той музы, **которой** служению она себя посвящала* [Ф. Ф. Вигель. Записки (1850–1860)]
- б. *Для жителей Брянщины чрезвычайно дорого внимание представителей министерства иностранных дел России, **служению которому** посвятил свою жизнь Тютчев* [РИА Новости, 2009.12.03].
- (32) а. *Но я, взяв уже тогда на себя первое действующее лицо, просил графа, чтобы он в церковь не ходил, а что я привез присягу, **к которой** рукоприкладства его достаточно будет* [Ф. В. Ростопчин. Последний день жизни императрицы Екатерины II и первый день царствования императора Павла I (1796)].
- б. *Есть понятие разрешения-согласия от родителей, **подписи под которым** заверяет нотариус* (Google).

2.3. Релятивизация ИГ в составе количественной конструкции

Как показано в [Лютикова 2009: 484–489], генитивная связь в составе количественной конструкции с точки зрения эффекта крысолова устроена в современном языке особым образом: эффект крысолова в такой конструкции не только не является обязательным (33), но в ряде случаев невозможен. Так, неграмматичен вынос в позицию перед словом *который* количественного числительного, ср. (34а) и (34б). Вместе с тем для некоторых других типов количественных конструкций, в частности для конструкций с нумеративами, эффект крысолова допустим (35).

- (33) *Корреспондент «ССФ» решил пойти до ближайшей трассы и доехать до центра на такси, которых в ожидании фанатов — десятки* [Советский спорт, 2012.04.02].
- (34) а. *Но, скорее всего, в преддверии избирательных кампаний губернаторов, которых в сентябре будет 30, он может пойти практически от любого региона* [Известия, 2014.07.02].

б. *В преддверии избирательных кампаний губернаторов, 30 которых будет в сентябре, он может пойти практически от любого региона.*

- (35) Основным элементом его конструкции были ступенчатые валики, двенадцать штук которых были закреплены в каретке, установленной в специальной подвижной раме [«Информационные технологии», 2004.06.28].

Сравним паттерны эффекта крысолова в языке XVIII–XIX вв. и сегодня для конструкций с нумеративами и конструкций с количественными числительными (оставляя в стороне другие разновидности количественных конструкций).

В языке XIX в. (но, по-видимому, не XVIII-го) эффект крысолова (без инверсии) в конструкциях с нумеративом, как и сегодня, был возможен; в (36) представлен самый ранний пример такого рода в Основном корпусе. Заметим, что запрет на вынос в позицию перед *который* числительного, продемонстрированный в (34б), как будто действовал и в XVIII–XIX вв. Опровергающих это предположение примеров в НКРЯ не встретилось.

- (36) *Завалишину Суханов поручил доставить несколько запалов, четыре штуки которых тот получил без всяких затруднений в Минном классе, где он обучался в то время [Дознание по процессу 14-ти (1883–1884)].*

Кроме того, в текстах XVIII–XIX вв. встречаются конструкции с эффектом крысолова и инверсией, ср. (37) с нумеративом и (38) с числительным, а также конструкции без эффекта крысолова, с нумеративом (39) или числительным (40). В (37) нумератив употреблен с местоимением-числительным *несколько*, а не с количественным числительным. Аналогичных примеров с числительным в подкорпусе XVIII–XIX вв. НКРЯ не нашлось, однако этот факт представляется случайным.)

- (37) *Аллазия тотчас послал двух балтаджи (инвалидов карантинной стражи, которых несколько человек состоят при каждом областном враче), за виновными [А. А. Рафалович. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты (1850)].*
- (38) *В эти пруды, сверх того, проведены каналы из отхожих мест, устроенных при мечетях, которых одна, две и больше находятся почти в каждой деревне [А. А. Рафалович. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты (1850)].*
- (39) *И, прибыв в Казимер в 29 день мая, смотрел драгун, которых было там при Висле 12 полков [А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)].*
- (40) *Той же осени отправился я с лотками своими в С[анкт]-Петербург, которых было 3 [Г. Г. Томилов, В. Г. Томилов. Памятная книга (1776–1863)].*

Обратим внимание, что упомянутый выше запрет на расположение числительного слева от местоимения при расположении числительного справа от местоимения отсутствует, ср. (38) с (41) и (34б).

- (41) *В эти пруды, сверх того, проведены каналы из отхожих мест, устроенных при мечетях, одна, две и больше которых находятся почти в каждой деревне.*

В современном языке контактное расположение числительного справа от местоимения неудачно при условии, что числительное или сочетание с нумеративом **входит в тему**. Таковы примеры (37) и (38), архаичные с позиций сегодняшней нормы. При этом контактное расположение числительного (нумератива) справа от местоимения приемлемо, если числительное (нумератив) входит в состав ремы, как в (42) и (43). О том, что количественные выражения в (42) и (43) входят в рему, свидетельствует, в числе прочего, неестественность восходящего тематического и естественность нисходящего рематического акцента

на числительном / нумеративе (ср. *которых пять штук\ осталось на свете, #которых пять штук\ осталось на свете*)³.

- (42) *Круг общения моих детей — это молодые ребята, которых полторы тысячи в городе Москве* [Известия, 2006.03.02].
- (43) *В перечень агрессивных пород включили медвежью лайку, которых пять штук осталось на свете* [Комсомольская правда, 2011.10.27].

Количественное выражение входит в состав ремы и в конструкции без эффекта крысолова, как в (44) и (45) (в этом случае, впрочем, статус ремы предсказывается и линейным порядком).

- (44) *Ярко окрашены в цветке аконита не лепестки, а чашелистики, которых у аконита пять* [«Первое сентября», 2003].
- (45) *Алексис разбирался в компьютерах, которых у него было три штуки* [Известия, 2013.09.18].

И в (42), (43), и в (44), (45) представлены расщепленные (англ. split) количественные конструкции [Testelefs, Lyutikova 2017]. В самом деле, количественное выражение в составе расщепленной конструкции всегда выступает в роли ремы [Ibid.: 361] и в позиции прямого (номинатив или аккузатив), но не косвенного падежа [Ibid.: 365]. Прямой падеж (номинатив) представлен и в (42)–(45). Отметим, что второе свойство (но не первое) отличало, по-видимому, и конструкции с эффектом крысолова и инверсией в языке XVIII–XIX вв.: примеров с релятивизацией ИГ в составе количественной конструкции в позиции косвенного падежа (ср. *голубями, которыми двумя я очень горжусь*) нам не встретилось.

Таким образом, в контексте количественной конструкции для современного языка, в отличие от языка XVIII–XIX вв., релевантным оказывается коммуникативный статус количественного выражения: позиция справа от местоимения допускается для количественного выражения (нумератива или количественного числительного) в роли ремы.

2.4. Релятивизация ИГ, подчиненной инфинитиву

При релятивизации ИГ, подчиненной инфинитиву, в языке XVIII–XIX вв. допускались отсутствие эффекта крысолова (46) и эффект крысолова с инверсией (47). Эффект крысолова без инверсии появляется, по-видимому, в XIX в., см. в (48) самый ранний пример с одиночным инфинитивом перед *который* в Основном корпусе.

- (46) *Вторая из помянутых книг, которую я ныне пройти хочу, пишет: De Aqua medicina universalis («О воде, как о общем всех болезней лекарстве»)* [М. В. Ломоносов. О сохранении здоровья [перевод] (1741)].
- (47) *Некоторые имена существенные переведены, которых переводить не надлежало* [В. Н. Татищев. Письмо В. К. Тредиаковскому (1736)].
- (48) *Должно было отказаться от цели, достигнуть которой постоянно стремились мы в течение трех лет, презирая все лишения, трудности и опасности* [Ф. П. Врангель. Путешествие по северным берегам Сибири и по Ледовитому морю (1841)].

Все три паттерна встречаются и в современном языке, ср. эффект крысолова в (49), эффект крысолова с инверсией в (50) и отсутствие эффекта в (51). Последовательность

³ Здесь и далее мы помечаем носители коммуникативно релевантных акцентов знаками «\», «/», «\\», «//», в целом следуя нотации [Янко 2001: 36–37].

из слова *который* и инфинитива представлена в Газетном корпусе по меньшей мере 170 вхождениями, что опровергает мнение, высказанное в [Лютикова 2009: 506], о недопустимости такого линейного порядка в современном языке⁴.

- (49) *Неймар, безусловно, ключевой игрок сборной Бразилии, заменить которого будет практически нереально* [Известия, 2014.07.07].
- (50) *Они заварили кашу, которую расхлебывать придется довольно долго* [Труд-7, 2004.02.27].
- (51) *Даст Бог, и на втором международном фестивале в Тольятти, который планируется провести в 2002 году, тоже будет много света и красоты* [Труд-7, 2000.05.04].

Вместе с тем с точки зрения предпочтительных паттернов современный язык отличается от языка XVIII–XIX вв. Во-первых, сегодня заметно возросла частотность конструкций с эффектом крысолова без инверсии, ср. рис. 1. Оговоримся, что рост частотности в единицах *item per million* (ipm), отраженный на рис. 1, на первый взгляд, мог бы объясняться сдвигами в общей частотности тех или иных разновидностей инфинитивных конструкций, а не ростом частотности собственно эффекта крысолова. В действительности, однако, такая интерпретация выглядит неправдоподобной. Если бы за данными на рис. 1 стоял рост употребительности инфинитивных конструкций в целом, проявления этой тенденции ожидалась бы и для конструкций с инфинитивом, контактно следующим за словом *который*. Между тем, как показано на рис. 2 (с. 52), конструкции такого типа по сравнению с XVIII–XIX вв. претерпели заметное снижение частотности в единицах ipm.

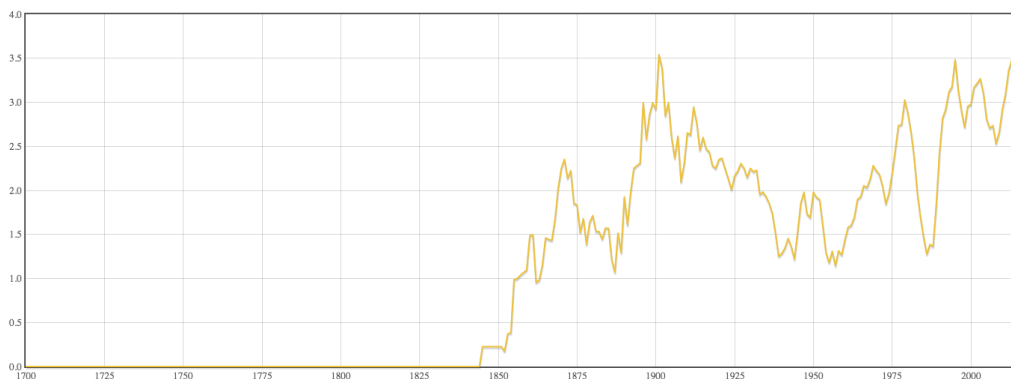

Рис 1. Частотность в ipm выноса в позицию перед *который* одиночного инфинитива в период после 1700 г. по данным Основного корпуса НКРЯ⁵

Во-вторых, в современном языке заметно более ограниченно, чем в XVIII–XIX вв., допускается контактное расположение инфинитива справа от местоимения (что отражает

⁴ Запрос: *который* -nom -dat асomma на расстоянии 1 от *"есть"* V_{inf} -amark. Ручной фильтрации не проводилось, однако беглый просмотр результатов показал, что нерелевантные примеры в выборке единичны. Кроме того, в выборку не попало некоторое количество релевантных примеров с *который* в дательном падеже: они были исключены из запроса потому, что *который* в дативе может не управляться инфинитивом (ср. (i)), что не отвечает представлению об эффекте крысолова.

(i) *Особенно для югославы, которым отступать уже некуда* [Труд-7, 2001.04.27].

⁵ Запрос: *"есть"* v inf асomma на расстоянии 1 от *который* -nom -dat -amark. Формы именительного и дательного падежа местоимения *который* исключены из запроса для сопоставимости данных на рис. 1 и 2.

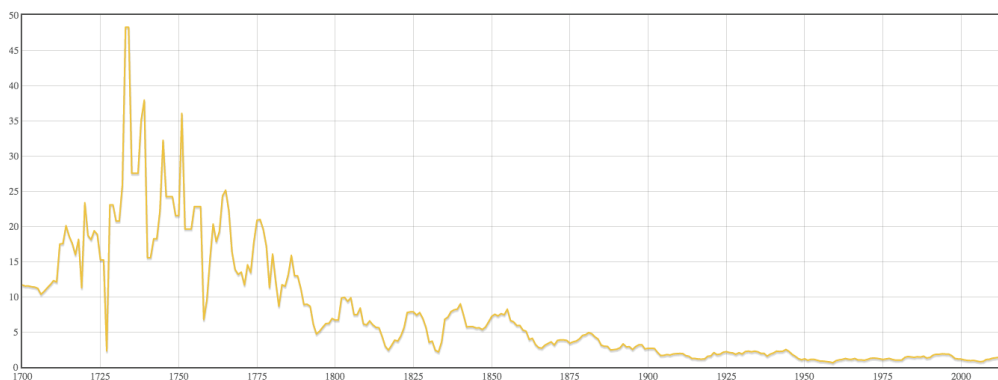

Рис 2. Частотность в *ipm* инфинитива, управляющего словом *который* и контактно следующего за ним, в период после 1700 г. по данным Основного корпуса НКРЯ⁶

и рис. 2). Основное ограничение состоит, по-видимому, в том, что такая позиция затруднена в предложениях, для которых позиция инфинитива в начале клаузы (точнее, перед финитным предикатом) неуместна вне относительного придаточного, т. е. при независимом статусе клаузы. Другими словами, позиция инфинитива в начале клаузы должна согласовываться с реестром допустимых в современном языке коммуникативных структур (см. о них [Падучева 2016]). Так, предложения (52а) и (53а) производят впечатление архаичных, и в соответствии с этим начальный инфинитив вне относительной клаузы с позиций современной нормы неуместен, ср. (52б) и (53б), поскольку в такой конфигурации в реме остается предикат, которому этот статус несвойствен. Отметим, что синтаксическое членение (52) и (53) становится приемлемым в контексте контрастной ремы (*говорить речь мне* \ велено; *достигнуть совершенства нужно* \ стараться)⁷. Однако контраст отсутствует в исходных примерах (52а) и (53а), а именно они, по-видимому, задают ориентир, от которого следует отталкиваться при оценке соответствия конструкции с начальным инфинитивом общему реестру коммуникативных структур.

(52) а. *Речь, которую говорить мне повелено, состоять будет в похвалах блаженные и вечностойныя памяти Государя Императора Петра Великого* [М. В. Ломоносов. Проект на иллюминации на торжество Академии наук для пресветлого празднества рождения Ея Императорского Величества, к 19 декабря 1754 года (1754)].

б. *Говорить речь / мне велено* \.

(53) а. *И сие то есть самый высочайший степень совершенства, которого достигнуть стараться должно* [Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения (1767)].

б. *Достигнуть совершенства / нужно стараться* \.

Напротив, в современных примерах с контактным расположением инфинитива справа от *который* начальная позиция инфинитива вне относительной клаузы ощущается как естественная, ср. (54) и (55). Заметим, что среди таких примеров есть как те, в которых инфинитив имеет статус подлежащего и, тем самым, и в нейтральной коммуникативной структуре предшествует предикату (54), так и те, в которых инфинитив соответствует дополнению (54). (В том, что инфинитивная клауза при предикативе *сложно* в (54) соответствует

⁶ Запрос: *который* -nom -dat acomma на расстоянии 1 от *"есть"* V_{inf} -amark.

⁷ Мы признательны анонимному рецензенту за это уточнение.

подлежащему, помогают убедиться критерии, предложенные в [Летучий 2020: 370 и сл.], в частности заменимость клаузы на местоимение *это*, ср. *это было очень сложно*.)

(54) а. *Устранение с помощью повышения — так перевели в Москву Наздратенко, которого убрать другим способом было очень сложно* [Комсомольская правда, 2001.03.28].

б. *Убрать его другим способом было очень сложно*.

(55) а. *Люди поняли, что они получают деньги, которыми распоряжаться свободно не могут* [Известия, 2014.04.17].

б. *Распоряжаться деньгами свободно они не могут*.

В контекстах, для которых начальная позиция инфинитива вне относительной клаузы является неестественной, в современном языке предпочитается вариант без эффекта крысолова, ср. модификацию примеров (52) и (53):

(56) *Речь, которую мне велено говорить...*

(57) *...совершенства, которого нужно стараться достигнуть*.

Если же препозиция инфинитива вне относительной клаузы приемлема, эффект крысолова без инверсии имеет приоритет перед эффектом крысолова с инверсией. Ср. пример XVIII в. с инверсией в (58а): хотя коммуникативная структура с начальным инфинитивом (58б) вне относительной клаузы приемлема, в современном языке вариант без инверсии (58в) является предпочтительным по сравнению с вариантом (58а).

(58) а. *Получив отказ, объявил он нам войну, которой выдержать мы никакого способа не имеем* [М. Д. Чулков. Пересмешник, или Славенские сказки (1766–1768)].

б. *Выдержать войну мы никакого способа не имеем*.

в. *Получив отказ, он объявил нам войну, выдержать которую мы никакого способа не имеем*.

2.5. Релятивизация ИГ, подчиненной финитному глаголу

В отличие от рассмотренных выше контекстов, в которых эффект крысолова для современного языка является или обязательным (ср. генитивную ИГ), или распространенным (ср. инфинитивную клаузу), вынос в позицию перед *который* финитной формы глагола, как в (59), для современного языка не характерен. В Газетном корпусе таких конструкций лишь 193 — против 1823 конструкций с выносом инфинитива⁸. С учетом того, что общая частотность финитных форм выше, чем частотность инфинитивов (глаголы в индикативе и сослагательном наклонении примерно в четыре раза более частотны в Газетном корпусе, чем инфинитивы), преобладание конструкций с выносом инфинитива оказывается значительным.

(59) *Хороший пример — прошлый пушкинский год, отмечал который весь мир* [Труд-7, 2000.08.15].

Это обусловлено ограничениями на структуру относительных клауз, продиктованными их коммуникативной организацией [Лютикова 2019]: группа, вынесенная на левую

⁸ Запросы: V_{indic} -s асomma на расстоянии 1 от которых -amark; -"есть" v inf асomma на расстоянии 1 от которых -amark.

периферию относительной клаузы, получает статус темы, тогда как финитному глаголу больше свойственна позиция в составе ремы.

В языке XVIII–XIX вв. эффект крысолова в контексте финитного глагола также был мало-частотен или отсутствовал вовсе: в Подкорпусе текстов 1700–1900 гг. таких примеров нет. Это неудивительно, учитывая редкость выноса финитного глагола в современном языке и то, что эффект крысолова без инверсии наращивал частотность ближе к XIX — началу XX в.

Что касается двух других паттернов — отсутствия эффекта крысолова и эффекта крысолова с инверсией — они как будто представлены и в современных текстах, и в текстах XVIII–XIX вв. Так, в (60) и (61) финитный глагол контактно следует за управляемым им местоимением, что (по крайней мере, на первый взгляд) отвечает представлению об эффекте крысолова с инверсией, тогда как в (62) и (63) финитный глагол расположен дистантно от местоимения, так что эффект крысолова отсутствует.

(60) *И просил его, дабы от своей стороны помог отомстить обиду, которую учинил ему рижской губернатор Дальберх в Риге, что едва живот спасся; что оной обещал* [А. М. Макаров (ред.). Гистория Свейской войны (Поденная записка Петра Великога) (1698–1721)].

(61) *В погоню за неуловимым аферистом пускается агент ФБР, которого исполнил Том Хэнкс* [коллективный. Форум: Рецензия на фильм «Поймай меня, если сможешь» (2006–2011)].

(62) *Но стихотворцем безъ природнаго таланта, который Французы называютъ genie, <...> никакъ здѣлаться не можно* [[В. К. Тредиаковский?]. О качествахъ стихотворца рассужденіе // Ежемѣсячныя сочиненія къ пользѣ и увеселенію служащія. Генварь — Іюнь, 1755 года, 1755].

(63) *...тот путь, который Комитет прошел за неполные три года своего существования* [А. В. Конузин. Интервью по вопросам КТК // «Дипломатический вестник», 2004].

Однако, как отмечалось выше, расположение вершины, управляющей местоимением *который*, справа от местоимения, не гарантирует того, что эффект крысолова представляет собой непосредственную причину такого расположения. Вершина могла оказаться в соответствующей позиции еще до релятивизации или попасть туда в результате реорганизации коммуникативной структуры, сопутствующей релятивизации. По сравнению с рассмотренными выше синтаксическими контекстами, в контексте финитного глагола особенно напрашивается последняя интерпретация: тематизация местоимения *который* часто сопровождается обязательной субъектно-предикатной инверсией [Лютикова 2019: 16]. Так, для предложения (61) в качестве исходного синтаксического членения естественно рассматривать структуру (64), из которой (61) получено выносом местоимения *который* в позицию темы и последующей субъектно-предикатной инверсией, обеспечивающей создание новой ремы *Том Хэнкс*.

(64) *Том Хэнкс исполнил которого.*

Напомним, что решение отмеченной трудности мы отложили до раздела 3, а в настоящем разделе подходим к разграничению разных паттернов эффекта крысолова формально: относя к эффекту крысолова с инверсией те конфигурации, в которых вершина местоимения контактно следует за ним справа.

2.6. Релятивизация ИГ, подчиненной наречию

В [Лютикова 2009: 476] отмечается, что вынос наречия на левую периферию относительной клаузы («эффект крысолова без инверсии» в наших терминах) обязателен

в современном языке в случае, если группа наречия является адьюнктом. Если же группа наречия представляет собой комплемент или адъект (как правило, при глаголах позиции и местоположения или в конструкциях со связкой), допустимо отсутствие эффекта крысолова. Проиллюстрируем это наблюдение примерами из Газетного корпуса. В (65) с наречием — зависимым бытийного глагола и в (66) с наречием при бытийном же глаголе *оставаться* эффект крысолова отсутствует. Между тем в (67а) и (68а), где наречие соответствует адьюнкту, эффект крысолова обязателен, ср. (67б) и (68б).

- (65) *Очень талантливый актер и при этом великодушный человек, с которым хорошо быть рядом, от него исходит исцеляющая энергия* [Известия, 2013.01.14].
- (66) *...Нравились ясные и мимолетные образы, с которыми она оставалась наедине* [Анна Берсенева. Полет над разлукой (2003–2005)].
- (67) а. *Потом вышел на другую сторону и увидел деревню, рядом с которой зарастал травой и тиной грязный пруд* [Алексей Варламов. Купавна // «Новый Мир», 2000].
 б. *??деревню, с которой зарастал рядом травой и тиной грязный пруд.*
- (68) а. *В казахском городке Уральск, недалеко от которого погиб знаменитый герой гражданской войны Чапаев, у Свечникова живут родители* [Новый регион 2, 2004.07.17].
 б. *??В казахском городке Уральск, от которого знаменитый герой гражданской войны Чапаев погиб недалеко, у Свечникова живут родители.*

В текстах XVIII–XIX вв. эффект крысолова также встречается, ср. (69).

- (69) *Постановления царя Иоанна Васильевича, вместе с которыми я посылаю объяснения слов* [В. Н. Татищев. Письмо И. Д. Шумахеру (1735)].

Наряду с эффектом крысолова, в XVIII–XIX вв. встречается эффект крысолова с инверсией. Оговоримся, что в контексте наречия правомерность термина «инверсия» не бесспорна в связи с отсутствием явно приоритетного линейного порядка наречия и его зависимого, ср. допустимые в современном языке *рядом с родителями* и *с родителями рядом*, а также в связи с более широкой употребительностью постпозиции наречия в языке XVIII–XIX вв. Вместе с тем для большинства рассматриваемых здесь наречий (*рядом, недалеко, навстречу*) препозиция, по-видимому, несколько менее маркирована, чем постпозиция, и сегодня, и в языке XVIII–XIX вв. См. в табл. 1 данные для наречия *рядом*: хотя доля постпозиции в Газетном корпусе значимо ниже, чем в подкорпусе XVIII–XIX вв. (χ^2 , $P < 0,01$), и в последнем она невелика.

Таблица 1

Сопоставительная частотность препозиции и постпозиции наречия *рядом* по отношению к предложной группе в подкорпусе XVIII–XIX вв. и Газетном корпусе НКРЯ⁹

	<i>с S рядом</i>	<i>рядом с S</i>	доля постпозиции
1700–1900	316	2599	0,11
Газетный	345	11055	0,03

⁹ Запросы: с на расстоянии 1 от (S | SPRO),ins -a -amark на расстоянии 1 от рядом -amark; рядом на расстоянии 1 от с -amark на расстоянии 1 от (S | SPRO),ins -a -amark.

Кроме того, в паттерне эффекта крысолова с инверсией в XVIII–XIX вв. и сегодня обнаруживается различие (демонстрируемое ниже), которое, по-видимому, не сводимо к различиям в частотности линейного порядка с постпозитивным наречием.

При эффекте крысолова с инверсией отмеченный выше контраст между комплементами и адьюнктами в языке XVIII–XIX вв. как будто отсутствует. В (70а)–(72а) эффект крысолова с инверсией затрагивает наречие в статусе, близком к комплементу, а в (73а) и (74а) — наречие в статусе адьюнкта. Для сравнения, с позиций современной нормы в первой группе примеров отсутствие эффекта крысолова (70б)–(72б) представляется более уместным, чем во второй (73б), (74б), тогда как эффект крысолова без инверсии (70в)–(74в) уместен в обеих группах. Тем самым, с точки зрения противопоставления адьюнктов и комплементов эффект крысолова с инверсией и без нее ведет себя единообразно. Отметим, что этот факт получает естественное объяснение в терминах порождающей грамматики, если считать, что при инверсии выноса слова *который* за пределы максимальной проекции, содержащей *который* в базовой позиции, не происходит (см. подробнее об этой трактовке в разделе 3). В этом случае оказывается, что такой вынос имеет место только в отсутствие эффекта крысолова, причем адьюнкты, представляющие собой, в отличие от комплементов, островную структуру, этот вынос блокируют.

(70) а. *К крыльцу подъехал Мановский, с которым рядом сидел исправник, а на передней скамейке помещался у них стряпчий, корявейшая физиономия, когда-либо существовавшая в мире* [А. Ф. Писемский. Боярщина (1858)].

б. *Мановский, с которым исправник сидел рядом...*

в. *Мановский, рядом с которым сидел исправник...*

(71) а. *Его бред упал на подготовленную почву нервного расстройства, в вас назревавшего и которому навстречу вы сами шли с тем легким кокетством, что свойственно почти всем неврасстеникам: пока нет невроза — почти обидно, зачем его нет, что, мол, я за грубая натура такая, что лишен его интересной чуткости?* [А. В. Амфитеатров. Жар-цвет (1895)].

б. *Его бред упал на подготовленную почву нервного расстройства, к которому вы сами шли навстречу...*

в. *...нервного расстройства, навстречу которому вы сами шли.*

(72) а. *Порфирий однажды вечером, в осеннее время, посетил старцев скита, от которого недалеко была его пустыня* [епископ Игнатий (Брянчанинов). Правильное состояние духа (1860–1866)].

б. *...посетил старцев скита, от которого его пустыня была недалеко.*

в. *...посетил старцев скита, недалеко от которого была его пустыня.*

(73) а. *Жизнь моя, с которой рядом будет действовать и перо мое, укажет мне со временем, что в такой борьбе чувств природных с общим мнением может быть поставлено твердым правилом для поступков чести и совести* [И. М. Долгоруков. Повесть о рождении моем, происхождении и всей моей жизни, писанная мной самим и начатая в Москве, 1788-го года в августе месяце, на 25-ом году моей жизни (1788–1822)].

б. *??жизнь, с которой будет действовать и перо мое рядом.*

в. *...жизнь, рядом с которой будет действовать и перо мое.*

(74) а. *Потом путь идет под гору к небольшому мостику, **от которого недалеко** растут две очень ветвистые березы; затем опять надо идти в гору* [А. Ф. Писемский. Люди сороковых годов (1869)].

б. *...к мостику, **от которого растут недалеко** две березы.*

в. *...к мостику, **недалеко от которого** растут две березы.*

Отсутствие эффекта крысолова в текстах XVIII–XIX вв. также допускалось (75), (76). Правда, примеров с отсутствием эффекта в контексте адьюнкта нам не встретилось, поэтому вопрос о том, имело ли место в этом случае противопоставление между комплектами и адьюнктами, подобное современному, остается открытым.

(75) *Он был любимцем и баловнем Мавры Сергеевны Бахметьевой, смотревшей на него, как на родного сына и брата своей дочери, с которой часто и беспрепятственно оставляла наедине* [Н. Э. Гейнце. Аракчеев (1898)].

(76) *Углаков между тем все время потихоньку шутил с Сусанной Николаевной, с которой он сидел рядом* [А. Ф. Писемский. Масоны (1880)].

До сих пор мы ничего не сказали о приемлемости эффекта крысолова с инверсией в современном языке. Такое употребление не исключено (77), (78), но подчиняется, по-видимому, следующему ограничению: расположение наречия после местоимения *который* уместно лишь в тех контекстах, в которых *который* или доминирующая над ним предложная группа могут интерпретироваться как зависимые предиката, организующего относительное придаточное, а не наречия. В (77) и (78) такая интерпретация возможна; показательно, что глаголы *оставить* и *жить* имеют активную синтаксическую валентность на предложную группу с предлогом *с*, а наречия *наедине* и *рядом* в (77) и (78) можно опустить. Напротив, в (79) и (80) интерпретация предложной группы, содержащей *который*, как зависимого глагола, а не наречия, не представляется возможной: у глаголов *расположиться* и *встречаться* нет соответствующей активной синтаксической валентности, и наречие опустить нельзя (ср. **Иванов, с которым я расположился; *место, от которого я встречался*).

(77) *Форвард «Москвы» не смог переиграть Карчемарскаса, **с которым (наедине)** его гостеприимно оставили защитники бело-голубых* (Google).

(78) *Недавно одна из наших читательниц рассказала о такой драме, пережитой у ее семьи на глазах собакой, видевшей, как закопали погибшую кошку, **с которой (рядом)** жили они несколько лет* [Комсомольская правда, 2001.11.23].

(79) *...Это был Иванов, **с которым рядом** я расположился, войдя в комнату.*

(80) *...Это было место, **от которого недалеко** я встречался со своим приятелем Ивановым.*

Принципиальное отличие языка XVIII–XIX вв. видится в том, что аналогичное ограничение в нем отсутствовало: среди примеров этого периода с эффектом крысолова и инверсией мы находим и такие, в которых интерпретация группы, содержащей *который*, как не зависящей от наречия исключена. Ср. невозможность опустить наречие в (73а) и (74а):

(81) *Жизнь моя, **с которой** ^{??}(рядом) будет действовать и перо мое.*

(82) *Потом путь идет под гору к небольшому мостику, **от которого** ^{*}(недалеке) растут две очень ветвистые березы.*

Налицо сходство продемонстрированного ограничения с тем, которое имеет место при релятивизации ИГ-актанта в косвенном падеже (раздел 2.2). Это дает основания усматривать у двух ограничений общие причины, о которых речь пойдет в разделе 3 (а также позволяет считать, что большая распространенность постпозиции наречия по отношению

к своему зависимому в языке XVIII–XIX вв. — не единственная причина большей употребительности линейного порядка *который*+нарекание в этот период по сравнению с современным узусом).

2.7. Предварительные выводы

Результаты сопоставления паттернов эффекта крысолова в текстах XVIII–XIX вв. и в современных текстах суммированы в таблице 2. Прокомментируем обозначения в таблице. Знаком «+» отмечены допустимые паттерны, знаком «–» недопустимые паттерны, знак «+/-» означает, что паттерн применяется с ограничениями. Знаком «?» помета сопровождается в случае, если уверенного ответа о приемлемости паттерна получить не удалось. Напомним, что применительно к паттерну «эффект крысолова с инверсией» данные в табл. 2 предварительные (оценивалась, строго говоря, приемлемость не инверсии, а контактного следования вершины за местоимением); уточненные данные см. в разделе 3.

Таблица 2

Паттерны эффекта крысолова (ЭК) в языке XVIII–XIX вв. и сегодня

Контекст	ЭК		ЭК с инверсией		Без ЭК	
	XVIII–XIX вв.	Сегодня	XVIII–XIX вв.	Сегодня	XVIII–XIX вв.	Сегодня
ИГ в генитиве в составе ИГ	+	+	+	-	+	-
ИГ в другом косвенном падеже в составе ИГ	+/- (ближе к XX в.)	+	+	+/-	+	+/-
ИГ в составе количеств. конструкции	+/- (кроме числ.; начиная с XIX в.)	+/- (кроме числ.)	+	+/- (ОК, если числ. — рема)	+	+
ИГ, подчиненная инфинитиву	+	+	+	+/-	+	+
ИГ, подчиненная финитному глаголу	-?	+/-	+	+	+	+
ИГ в составе ГНар	+	+	+	+/-	+	+/- (при комп. и адъектах)

Данные в таблице 2 позволяют сформулировать следующие основные выводы.

— Эффект крысолова (без инверсии) в одних контекстах регистрируется уже в XVIII в., в других — ближе к XX в., а сегодня является допустимым паттерном для всех

- рассмотренных контекстов (за исключением количественной конструкции с числительным, см. раздел 2.3).
- Эффект крысолова с инверсией и отсутствие эффекта крысолова в языке XVIII–XIX вв. были допустимы во всех рассмотренных контекстах. Сегодня они более ограничены в употреблении.

3. К интерпретации произошедших синтаксических изменений

В настоящем разделе переход от эффекта крысолова с инверсией к эффекту крысолова без инверсии предлагается объяснять действующими сегодня ограничениями на коммуникативную организацию предложения (подраздел 3.1); демонстрируется предсказываемая этой гипотезой большая свобода коммуникативной организации в языке XVIII–XIX вв. (подраздел 3.2).

3.1. Гипотеза о роли коммуникативной структуры в отказе от инверсии

Различия в паттернах эффекта крысолова, продемонстрированные в предыдущем разделе, рождают следующие два вопроса:

- 1) что явилось источником паттернов, характерных для XVIII–XIX вв.?
- 2) что стало причиной синтаксических сдвигов, приведших к новым, современным, паттернам?

Мы оставляем в стороне первый вопрос (см. о нем [Зализняк, Падучева 1979: 321; Raparport 1995; Hüttl-Folter 1996; Круглов 2003; 2006; Холодилова 2013: 96] и др.), но примем попытку ответить на второй.

Произошедший за последние два века переход от постпозиции вершины слова *который* к ее препозиции при эффекте крысолова предлагалось связывать с более общим сдвигом в правилах порядка слов: зависимое в генитиве в языке XVIII–XIX вв. с большей вероятностью, чем сегодня, предшествовало своей именной вершине [Зализняк, Падучева 1979: 321]. Это объяснение не кажется исчерпывающим. Во-первых, постпозиция вершины в той или иной мере уступила место препозиции не только в конструкции с генитивным зависимым; во-вторых, препозиция генитива не исключена и в современном языке, ср. (83); и в-третьих, как показано в [Лютикова 2009: 505–506], препозиция генитивного зависимого вне относительного придаточного в XIX в. была менее частотна, чем препозиция генитивного *который* в релятивной клаузе.

- (83) — *Какой там муж!* — *обиделась, поджав губы, старуха. Это мужа моего отец* [«Октябрь», 1996].

В [Круглов 2003; 2006] высказывается предположение, согласно которому и распространение в XVIII–XIX вв. паттерна с постпозицией вершины, и дальнейший уход от него были спровоцированы влиянием французского языка, хотя и разными его относительными конструкциями. Постпозиция вершины имела своим источником французские конструкции с местоимением *dont* (ср. (9)), тогда как препозиция вершины восходит к относительной конструкции с местоимением *duquel*, в составе которой именное зависимое следует за вершиной. Уязвимым местом этого рассуждения видится то, что без дополнительных

пояснений непонятна хронология такого влияния: почему порядок, ассоциируемый с *dont*, сначала оказался «сильнее» порядка, характерного для *duquel*, а позднее уступил ему? Но даже если влияние *duquel* действительно имело место, изменения, произошедшие за пределами ИГ с генитивом, им как будто не объясняются.

Согласно [Круглов 2006: 106], см. также [Булаховский 1954: 440], особую роль в обсуждаемом синтаксическом сдвиге сыграли конструкции с релятивизацией имени в составе предложной группы (ср. *на которого место* в (17)). Такие конструкции поддерживали новый линейный порядок потому, что при старом порядке между предлогом и его зависимым помещалось несогласованное определение, что несвойственно русскому синтаксису. Однако тот факт, что сдвигом оказался затронут широкий круг контекстов (а не только конструкции с генитивом), снова не позволяет ограничиться этим объяснением.

Гипотеза, которую мы хотим предложить, связывает произошедший сдвиг в паттернах эффекта крысолова с более общими изменениями в коммуникативной структуре предложения. В конструкциях с постпозицией вершины, архаичных или неграмматичных с точки зрения современной нормы, слово *который* и его вершина представляли собой каждое отдельную тему, как это показано в (84а) и (85а). Напротив, в современной конструкции с препозицией вершины позицию темы занимает целиком группа, включающая *который* и его вершину, ср. (84б) и (85б).

(84) а. *Волк выздоровел сперва и посетил медведя, [которого]_{Т1} [болезнь]_{Т2} еще не миновала* [Д. И. Фонвизин. Волк и медведь [перевод басни Л. Хольберга с немецкого] (1761–1765)].

б. *Волк выздоровел первым и посетил медведя, [болезнь которого]_Т еще не миновала*.

(85) а. *...не знал судья, что сделать должно, ибо, с одной стороны, были довольные доказательства, [которых]_{Т1} [опровергнуть]_{Т2} было невозможно, а с другой — ослота глупость была явным знаком, что лисицына просьба несправедлива* [Д. И. Фонвизин. Лисица требует осла в суд [перевод басни Л. Хольберга с немецкого] (1761–1765)].

б. *...с одной стороны, были доказательства, [опровергнуть которые]_Т было невозможно*.

Основанием для большей коммуникативной автономности *который* и его вершины при постпозиции последней служит то, что и синтаксически эти компоненты связаны теснее в случае препозиции вершины, чем в случае постпозиции. Приведем аргументы в пользу такого предположения.

Во-первых, слово *который*, предшествующее вершине, могло отделяться от нее другими словами, что для современной конструкции с эффектом крысолова не характерно, ср. варианты (а) и (б) в (86)–(89) (возможность разрыва с помощью фокусных частиц, как в (86а), упоминается в [Холодилова 2011б]). В Газетном корпусе НКРЯ примеров с разрывом, подобных варианту (б) (в том числе с разрывом посредством частицы *бы*, который по сравнению с другими ощущается как более приемлемый), не встретилось¹⁰.

(86) а. *Переходим теперь к детальному обозрению этой мысли, **которой только тему мы изложили*** [В. В. Розанов. Легенда о Великом инквизиторе Ф. М. Достоевского (1893–1906)].

¹⁰ По наблюдению анонимного рецензента, примеры типа (89а) не показательны, потому что в них можно усматривать как наличие, так и отсутствие эффекта крысолова. В последнем случае линейный разрыв слова *который* с вершиной объясняется просто тем, что они не образуют единой составляющей. Тем не менее, на фоне примеров (86а)–(88а) допустимость линейного порядка, иллюстрируемого в (89а), как кажется, заслуживает упоминания.

- б. ^{??}Переходим теперь к детальному обозрению этой мысли, **тему только которой** мы изложили. (хотя можно: мы тему только изложили).
- (87) а. Не походи он на своих современников, он бы исчез бесплодно, как непонятное, никому не нужное явление, — пришелец среди народа, **которого даже языка он не понимает** [Н. К. Михайловский. Десница и шуйца Льва Толстого (1878)].
- б. ^{??}народа, **языка даже которого он не понимает** (хотя можно: он языка даже не понимает).
- (88) а. Митрополитъ желаетъ, чтобъ на время призванъ былъ сюда кievскій митрополитъ Евгений, **котораго бы попеченію** особенно поручено было устроить духовныя училища [А. С. Шишков. Записки (1824–1826)].
- б. [?]митрополит Евгений, **попечению бы которого** было поручено устроить духовныя училища.
- (89) а. ...взамен коих генерал Сакен, для шуток, поручил мне просить Газеты Маянской, **которой действительно экземпляр** был мне вручен и доставлен мною корпусному командиру [Д. В. Душенкевич. Из моих воспоминаний от 1812-го года до (1815-го года) (1838)].
- б. ^{??}газеты, **экземпляр действительно которой** был мне вручен.

Во-вторых, предположение о более тесной синтаксической связи слова *который* и его вершины при постпозиции последней помогает объяснить некоторые из контрастов, отмеченных нами в разделе 2. Остановимся на контрасте, демонстрируемом конструкцией с числительным: числительное может располагаться справа от местоимения (90а), но не слева (90б).

- (90) (=38)) а. В эти пруды, **сверх того, проведены каналы из отхожих мест, устроенных при мечетях, которых одна, две и больше** находятся почти в каждой деревне [А. А. Рафалович. Путешествие по Нижнему Египту и внутренним областям Дельты (1850)].
- (=41)) б. ^{??}В эти пруды, **сверх того, проведены каналы из отхожих мест, устроенных при мечетях, одна, две и больше которых** находятся почти в каждой деревне.

Запрет, иллюстрируемый примером (90б), является, по-видимому, частным проявлением более общего запрета на сочетание количественных числительных с местоимениями-существительными, в частности с личными местоимениями, ср. (91) и (92).

- (91) *Трое / ^{??}Три их, значит, сидят и на меня глядят* [Юрий Казаков. Ночь (1955)].
- (92) *Прошли мы еще немного далее, и было убито еще четыре бойца, из них двое / ^{??}два тех, которых мы несли* [Н. И. Махно. Воспоминания (1929)].

Не вдаваясь в причины этого запрета, отметим, что его природа, как кажется, та же, что и природа тенденции к расположению указательных местоимений перед количественными числительными: в Основном корпусе НКРЯ сочетания с препозицией местоимения (ср. *эти пятнадцать лет*) примерно в семь раз более частотны, чем сочетания с препозицией числительного (ср. *пятнадцать этих лет*)¹¹. Эта тенденция, отмечаемая как типологически регулярная в [Dryer 2018], в порождающей грамматике находит отражение

¹¹ 2946 вхождений по запросу «количественное числительное на расстоянии 1 от этот на расстоянии 1 от с» и 14 409 вхождений по запросу «этот на расстоянии 1 от количественного числительного на расстоянии 1 от с».

в структуре именной группы: количественная группа занимает в структуре место внутри группы определителя (см., например, [Pereltsvaig 2007]). Семантическая основа тенденции видится в том, что «сфера действия» указательного местоимения, наделяющего ИГ определенным референциальным статусом, в общем случае должна быть шире «сферы действия» числительного, которое определенного статуса может не предполагать (ср. *какие-нибудь три коробки*, но [?]*какие-нибудь эти коробки*). Сочетание числительного с личным местоимением нарушает это требование, поскольку личное местоимение само по себе имеет определенный референциальный статус.

Отсутствие запрета на сочетание *который* с количественным числительным, следующим за словом *который*, согласуется с предположением о том, что синтаксическая связь между числительным и *который* устроена по-разному при пре- и постпозиции числительного: в первом случае эта связь более тесная, чем во втором.

Идею о меньшей синтаксической спаянности слова *который* и следующей за ним вершины удачно отражает структурный анализ, предлагавшийся для французских относительных клауз с местоимением *dont* в [Heck 2009]. Согласно ему, *dont* вместе со своей вершиной сначала выносится на левую периферию клаузы (т. е. демонстрирует эффект крысолова), а затем, не пересекая границу максимальной проекции, передвигается в позицию спецификатора той группы, в которую входит. При аналогичном анализе клауз с *который*, демонстрирующих эффект крысолова с инверсией, местоимение *который* оказывается в спецификаторе группы детерминатора (DP), ср. (93а). Между тем при эффекте крысолова без инверсии слово *который* не подвергается передвижению внутри доминирующей составляющей [Лютикова 2009: 506], т. е. занимает в ее составе исходную позицию — комплемента вершины в (93б). Существенно, что спецификатор по определению связан с вершиной менее тесно, чем комплемент или адьюнкт [Тестелец 2001: 565].

- (93) а. человек, [DP которого [мать ~~которого~~]] мы вчера видели ~~мать-которого~~
 б. человек, [DP-мать [которого]] мы вчера видели ~~мать-которого~~

Итак, мы предполагаем, что в конструкции с постпозицией вершины слова *который*, характерной для XVIII–XIX вв., синтаксическая и коммуникативная связь между словом *который* и его вершиной была менее тесной, чем в современной конструкции с эффектом крысолова без инверсии: *который* и его вершина представляли собой две относительно автономные темы, при этом местоимение находилось в позиции спецификатора, а не комплемента. Повторим для удобства иллюстрирующие эту интерпретацию примеры:

- (94) а. ...посетил медведя, [которого]_{T1} [болезнь]_{T2} еще не прошла.
 б. ...посетил медведя, [болезнь которого]_T еще не прошла.

Отметим, что независимый коммуникативный статус спецификатора, постулируемый в (94а), встречается и за пределами рассматриваемой конструкции. Так, отдельную тему может составлять ИГ-посессор, занимающая позицию спецификатора DP, в (95); ср. естественность двух последовательных восходящих акцентов на посессоре и вершине (первый из них — менее интенсивный, чем второй, что соответствует, по-видимому, совпадению второго акцента с границей объемлющей максимальной проекции). В (96) посессор относится к теме, а вершина является частью ремы.

- (95) [Моей мамочки]_{T1} [мамочка]_{T2} была еврейской гувернанткой в семье Хуонга Ксян Нгуэм [Василий Аксенов. Новый сладостный стиль (2005)].
 (96) [Казачка/ нашего]_T [отец\ приехал]_R! [Эдмонд Кеосаян, Сергей Ермолинский. Неуловимые мстители, к/ф (1966)].

И в (95), и в (96) посессор и его вершина входят в группу подлежащего, однако это не обязательно: аналогичная конфигурация с вершиной в позиции дополнения, как кажется, также

допустима, ср. (97). Обратим внимание, что (97) демонстрирует сходство со структурой типа (94a) не только в том, что спецификатор получает статус отдельной темы, но и в том, что соответствующая DP вынесена из базовой позиции после глагола на левую периферию клаузы¹².

(97) [Моей мамочки]_{Т1} [мамочку]_{Т2} с детства определили в семью Хуонга Ксян Нгуэм.

Предлагаемая трактовка конструкций с эффектом крысолова и инверсией, однако, означает, что такая конструкция **не отвечает коммуникативным требованиям**, которые предъявляет к высказыванию с несколькими темами современная норма. Дело в том, что при постпозиции вершины коммуникативно главной оказывается тема, выраженная вершиной, — линейно вторая. Коммуникативно вспомогательный статус темы, выраженной местоимением, связан, во-первых, с тем, что только вторая тема является знаменательной, а во-вторых, с тем, что тема, выраженная *который*, все же не обладает настоящей синтаксической автономностью — она входит в состав максимальной проекции, образуемой вершиной. Последнее хорошо видно при сравнении конструкции типа (94a) с конструкцией, где *который* предшествует синтаксически не доминирующей над ним теме, как в (98) и (99). (О том, что в элективной конструкции с предлогом *из*, как в (98), группа числительного и предложная группа не образуют единой составляющей, т. е. имеют структуру [5 моделей] [из 100 автомобилей], косвенно свидетельствует более свободный порядок компонентов в этой конструкции по сравнению с беспредложной количественной конструкцией и большая отделимость компонентов, ср.: 5 моделей из 100 автомобилей / из 100 автомобилей 5 моделей vs. 5 моделей автомобилей / *автомобилей пять моделей; из 100 автомобилей сразу 5 моделей vs. *автомобилей сразу 5 моделей.)

(98) Более 2 тыс. компаний из 18 стран мира (...) представили около 1,5 тыс. новых автомобилей, [из которых]_{Т1} [109 моделей]_{Т2} стали мировой премьерой [«Эксперт», 2015].

(99) С подыскивания помещения, регистрации устава, [который]_{Т1} [Андрей]_{Т2} же и сочинял на домашнем компьютере — лэптопе [Интернет-альманах «Лебедь», 2003.11.30].

Предложная группа *из которых* в (98) и именная группа *который* в (99) в силу своей синтаксической автономности образуют «главную» тему, тогда как в (94a) этого не происходит, и в результате возникает структура с двумя темами, из которых главная — вторая. Между тем в современных конструкциях с множественными темами главной должна быть та, которая занимает первую позицию. Так, согласно [Падучева 2016: 53], в последовательности из нескольких тем только первая, как правило, может быть контрастной. Поэтому в примере (100), где по смыслу контрастной должна быть первая тема, поменять темы местами нельзя¹³.

¹² Вместе с тем обсуждаемая коммуникативная структура отклоняется от канона, в соответствии с которым коммуникативное членение отвечает синтаксическому, и подчиняется специфическим ограничениям. Так, в (ii), по наблюдению рецензента, группа прилагательного *Колиных*, занимающая позицию Spes, DP, не может составить отдельной темы (хотя может, по-видимому, составить отдельную контрастную тему (СТ), как в (iii)).

(ii) * [Колиных]_{Т1} [родителей]_{Т2} мы не видели.

(iii) [Колиных]_{СТ} [родителей]_Т мы не видели.

Другие примеры несоответствия коммуникативного членения синтаксическому см. в [Янко 2001: 68–69].

¹³ По наблюдению рецензента, вторая тема оказывается контрастной в (iv), т. е. при форсировании контрастного прочтения с помощью союза *а*, навязывающего соединяемым им клаузам жесткое коммуникативно-синтаксическое членение [Крейдлин, Падучева 1974a; 1974b].

(iv) Пушкин часть стихов заменил, а часть стихов выкинул.

(100) [*Часть стихов*]_{T1} [*Пушкин*]_{T2} заменил.

Показательно также, что ортотоническая тема, в том числе и в отсутствие в предложении другой темы, должна занимать первую позицию. В (101a) прямое дополнение *новинку* в результате топикализации переместилось в начало предложения, а его смещение во вторую позицию (101б) невозможно.

(101) а. *Новинку/ создатели называют самым маленьким и легким в мире ноутбуком с модульным отсеком* [Ноутбук для леди // «Computerworld», 2004].

б. *Создатели новинку/ называют самым маленьким и легким в мире ноутбуком с модульным отсеком.*

В отличие от конструкции с постпозицией вершины, конструкция с препозицией не противоречит современным нормам коммуникативной организации высказывания. Противоречие снимается, во-первых, тем, что знаменательная тема располагается в случае своей препозиции в начале предложения. Во-вторых, противоречие отсутствует потому, что, как мы стремились показать, слово *который* образует со своей вершиной единую коммуникативную составляющую. Акцентоносителем этой составляющей может быть как вершина, так и местоимение *который*. В Мультимедийном корпусе НКРЯ встречаются оба варианта акцентуации, ср. (102) и (103) (прописными буквами обозначен носитель тематического акцента).

(102) *Кста́ти/ послéдний приме́р—до́статочно серъёзное/ опа́сное развítие ситуáции в Ю́жном Судáне — странé/ СОЗДА́НИЕ кото́рой во мно́гом явля́ется результа́том а́ктивности ря́да круп́ных междунаро́дных игроко́в* [Ежегодная пресс-конференция С. В. Лаврова (2013)].

(103) *...к на́м переши́л фу́нкции председа́теля «Восьме́рки» / са́ммит КОТО́РОЙ пройде́т четве́ртого-пя́того ию́ня в Со́чи* [Ежегодная пресс-конференция С. В. Лаврова (2013)].

При этом акцент на вершине отражает тот факт, что вершина соответствует знаменательному компоненту темы, но противоречит общим правилам расстановки акцентов, в соответствии с которыми в ИГ с генитивным зависимым акцентоносителем является зависимое [Ковтунова 1976: 99–101], ср. *ДОМ которого* vs. *дом ОТЦА*. Акцент на *который*, наоборот, согласуется с общими правилами, но представляет собой редчайший случай фразовой акцентуации местоименного зависимого [Подлеская 2014: 556]. Отметим, что сам факт возможной акцентуации *который* видится нам проявлением потенциала коммуникативной автономности относительного местоимения — потенциала, который в языке XVIII–XIX вв. реализовался в большей мере, чем сегодня¹⁴.

Предлагаемая интерпретация позволяет объяснить ряд закономерностей, ограничивающих паттерны эффекта крысолова в современном языке (в соответствии с материалом

¹⁴ Гипотеза о несоответствии порядка с препозицией *который* сегодняшним нормам коммуникативной организации текста созвучна объяснению, предложенному в [Булаховский 1954: 440]: «Издавна существовала ритмическая тенденция ставить элементы, по их природе пригодные делаться энклитиками, на второе место синтаксических членений. Относительные местоимения принципиально могли подчиниться подобной тенденции». Если закон Вакернагеля, который здесь, очевидно, подразумевается, понимать расширительно, можно говорить о том, что им описывается тенденция к расположению коммуникативно незначимых компонентов предложения в позиции после первого коммуникативно значимого компонента [Янко 2001: 80]. Воспринятое с этой точки зрения, объяснение Л. А. Булаховского обнаруживает сходство с нашей гипотезой: причина перехода к порядку с постпозицией *который* усматривается в том, что коммуникативно второстепенному компоненту (*который*) свойственно занимать второе (а не первое) место в синтаксическом членении.

раздела 2). Во-первых, проявляется суть ограничения, продемонстрированного выше для релятивизации ИГ-актанта в косвенном падеже и ИГ, подчиненной наречию: контактная позиция местоимения *который* слева от существительного / наречия, как в (104) и (105), допускается при возможности интерпретировать местоимение как зависимое предиката (разделы 2.2 и 2.6). Дело в том, что в этом случае, в соответствии с предложенным анализом, *который* составляет независимую от составляющей справа максимальную проекцию и последовательности из двух тем, из которых главная — вторая, не возникает.

(104) (=29a)) *В этой серии кроме сказок, [для которых] [музыка] была написана специально <...>, есть такие, к которым музыка подбиралась мной* (Google).

(105) (=77)) *Форвард «Москвы» не смог переиграть Карчемарскаса, [с которым] [наедине] его гостеприимно оставили защитники бело-голубых* (Google).

Во-вторых, становится понятно, почему числительное в современных текстах может следовать за словом *который* лишь при условии, что выступает в роли ремы, ср. (106а, б) (раздел 2.3). Последовательность из слова *который* и числительного допускается лишь при расщеплении количественной конструкции (которое, как отмечалось выше, предопределяет рематический статус числительного), потому что в отсутствие расщепления числительное и местоимение образуют единую максимальную проекцию, создавая нежелательную последовательность из двух тем.

(106) а. *Есть отдельные части спецназа и во всех военных округах, [которых]_T [шесть]_R (это бывшие отдельные части ВДВ), и на всех флотах (их четыре)* [РИА Новости, 2005.03.23].

б. *Во всех военных округах есть отдельные части спецназа, [которых]_{T1} [шесть]_{T2} появилось только за прошлый год.*

В-третьих, объяснение получает запрет на расположение инфинитива справа от местоимения *который* в тех относительных клаузах, которым не соответствует приемлемое (с позиций современной нормы) независимое предложение с препозицией инфинитива, ср. (107) и (108) (раздел 2.4). Уместно предположить, что в контекстах типа (108) инфинитив занимает начальную позицию в структуре, предшествующей релятивизации (раз способность к такой позиции представляет собой условие приемлемости релятивизации). Но в таком случае об эффекте крысолова в (108) говорить не приходится, и слово *который* не занимает в структуре позицию спецификатора с вершиной-инфинитивом, а составляет независимую от инфинитива максимальную проекцию, так что нежелательной структуры с двумя темами не возникает.

(107) (=53)) *И сие то есть самый высочайший степень совершенства, которого достигнуть стараться должно* [Екатерина II. Наказ Комиссии о составлении проекта нового Уложения (1767)].

(108) (=54)) *Устранение с помощью повышения — так перевели в Москву Наздратенко, которого убрать другим способом было очень сложно* [Комсомольская правда, 2001.03.28].

Напомним, что, анализируя паттерны эффекта крысолова в разделе 2, мы пользовались термином «эффект крысолова с инверсией» формально: как обозначением линейного порядка, при котором местоимение *который* контактно предшествует своей предполагаемой вершине. Опираясь на сказанное выше, мы можем теперь уточнить выводы о приемлемости эффекта крысолова с инверсией в языке XVIII–XIX вв. и сегодня. В соответствии с данными в таблице 2, расположение предполагаемой вершины справа от *который* допустимо в современном языке во всех контекстах, кроме контекста с генитивной ИГ. Однако

в контексте ИГ в косвенном падеже и наречия, как мы предположили выше, вершиной *который* в действительности является предикат, так что эффекта крысолова как такового нет. В контексте количественной конструкции имеет место расщепление, а значит, снова отсутствие эффекта крысолова. В контексте инфинитива, как уже отмечено, вынос инфинитива в начало клаузы уместно интерпретировать как предшествующий релятивизации, что снова указывает на отсутствие эффекта крысолова. Тот же анализ напрашивается в контексте контактно следующего за *который* финитного глагола (раздел 2.5). Оговоримся, впрочем, что каких-то специальных ограничений на контактное расположение финитного глагола справа от *который* мы не обнаружили, поэтому предположение об отсутствии эффекта крысолова в этом случае остается наиболее гипотетическим.

Напротив, в языке XVIII–XIX вв. **ни в одном из контекстов** не было обнаружено ограничений, подобных тем, которые определяют приемлемость контактного расположения *который* слева от предполагаемой вершины в современном языке. Соответственно, нет и оснований сомневаться в том, что в конструкциях, демонстрирующих контактное расположение *который* перед вершиной, присутствует эффект крысолова. Исключение составляют конструкции с финитным глаголом, подобные (109): ответ на вопрос о том, является ли начальная позиция глагола следствием эффекта крысолова или следствием субъектно-предикативной инверсии, предшествовавшей релятивизации, без дальнейшего анализа не ясен.

(109) (= (60)) *И просил его, дабы от своей стороны помог отомстить обиду, которую учинил ему рижской губернатор Дальберх в Риге* [А. М. Макаров (ред.). История Свейской войны (Поденная записка Петра Великого) (1698–1721)].

Уточненные выводы о сравнительной приемлемости эффекта крысолова с инверсией в языке XVIII–XIX вв. и сегодня представлены в таблице 3. В соответствии с ними, ни в одном из рассмотренных контекстов эффект крысолова с инверсией сегодня невозможен. Другими словами, ни в одном из контекстов не нарушается предполагаемый запрет на последовательность из двух тем, из которых главная — вторая. (Особое положение занимает контекст финитного глагола, с которым, повторим, нет полной ясности ни в современном языке, ни, тем более, в языке XVIII–XIX вв.)

Таблица 3

Эффект крысолова с инверсией в языке XVIII–XIX вв. и сегодня (уточненные данные)

	Ген.	Косв. п.	Кол. к.	Инф.	Фин. гл.	Нар.
XVIII–XIX вв.	+	+	+	+	?	+
Сегодня	–	–	–	–	–?	–

3.2. О коммуникативной структуре в языке XVIII–XIX вв.

Гипотеза о том, что постпозиция вершины слова *который* сегодня встречает сопротивление коммуникативной структуры, подразумевает под собой отсутствие такого сопротивления в языке XVIII–XIX вв. И действительно, анализ текстов XVIII–XIX вв. позволяет предположить, что правила порядка слов в этот период меньше, чем сегодня, зависели от коммуникативных факторов. Аргументы в пользу этого предположения обнаруживаются как на материале самих относительных клауз, так и за его пределами.

О том, что в языке XVIII–XIX вв. коммуникативная структура менее строго ограничивала порядок слов в относительном придаточном, свидетельствуют примеры типа (110a) и (111a). В обоих в результате эффекта крысолова с инверсией произошла тематизация

инфинитива, а в реме остался только возглавляющий инфинитив предикат. В современном языке «такие структуры неустойчивы и должны подвергаться дальнейшим линейно-акцентным преобразованиям» [Лютикова 2019: 16], ср. неудачность вариантов (110б) и (111б), где инфинитив подвергся тематизации посредством эффекта крысолова, и приемлемость вариантов (110в) и (111в), где инфинитив оставлен в исходной позиции в составе ремы.

(110) а. *Но что нам умножать жалобы и сердоболыя, которые утолять елико возможно подобает* [архиепископ Феофан (Прокопович). Слово на погребение Петра Великого (1725)].

б. ^{??}*Зачем нам умножать жалобы, утолять которые по возможности следует.*

в. ^{OK}*Зачем нам умножать жалобы, которые по возможности следует утолять.*

(111) а. *Где есть мужество, следует там быть и противностям, которая побеждать надобно* [архиепископ Платон (Левшин). Слово в день рождения Его Императорского Высочества (1766)].

б. ^{??}*Где есть мужество, там следует быть и препятствиям, которые побеждать надо.*

в. ^{OK}*Где есть мужество, там следует быть и препятствиям, которые надо победить.*

Предположение о том, что в XVIII–XIX вв. коммуникативные факторы меньше влияли на порядок слов, чем сегодня, и за пределами относительных конструкций, проиллюстрируем двумя примерами. Один из них связан с предложениями, в которых финитный глагол является семантически опустошенным: таковы, например, глаголы звука при подлежащем, также обозначающем звук, ср. (112) и (113).

(112) *Когда, например, все уже было закончено и «бойцы» в укромном уголке стали переодеваться в гражданское, кто-то из них случайно нажал на спусковой крючок пистоleta, раздался выстрел* [Труд-7, 2001.03.13].

(113) *Прозвенел звонок с урока, мы с другом пошли на геометрию* [lenta.ru, 2018.01.19].

Поскольку основную смысловую нагрузку в такой конструкции несет подлежащее, в современном языке оно тяготеет к рематической позиции после глагола. Исключение составляют предложения с узкой ремой на обстоятельстве, как в (114): в этом случае синтаксически нейтральный порядок «подлежащее + сказуемое» не приводит к совпадению семантически опустошенного глагола с ремой.

(114) *Первый звонок раздался около девяти утра* [Комсомольская правда, 2001.02.01].

В языке XIX в. между тем узкую ремю мог составлять семантически опустошенный предикат, ср. (115)–(117). Это значит, что факторы, которые сегодня определяют коммуникативную организацию высказывания и, как следствие, порядок слов, в XIX в. могли не оказывать влияния.

(115) *Какая цель лучше груди врага! — отвечал Аммалат-бек, наскакывая, и в десяти шагах спустил курок... выстрел грянул... и молча, медленно свалился полковник с седла* [А. А. Бестужев-Марлинский. Аммалат-бек (1831)].

(116) *Но в это время таинственный голос опять прозвучал: — А по-вашему, стоит только правовой порядок завести — и щипьявятся...* [М. Е. Салтыков-Щедрин. Современная идиллия (1877–1883)].

(117) *Она возвезлась, и громкое восклицание раздалось: «Друзья!»* [Н. М. Карамзин. Марфа Посадница, или покорение Новгорода (1803)].

Второй пример представлен следующим фрагментом из романа М. Ю. Лермонтова «Герой нашего времени». В клаузе *сняли фуражку* существительное *фуражка* активировано в предтексте, поэтому с точки зрения современной нормы оно должно получить статус темы и начальную позицию в клаузе, ср. *Когда он рассеялся, фуражку сняли*. В тексте XIX в., однако, подобный дискурсивный фактор мог не оказать влияния на порядок слов.

(118) — *Посмотрим, однако ж, — сказал Вулич. Он взвел опять курок, прицелился в фуражку, висевшую над окном; выстрел раздался — дым наполнил комнату. Когда он рассеялся, сняли фуражку: она была пробита в самой середине и пуля глубоко задела в стене* [М. Ю. Лермонтов. Герой нашего времени (1839–1841)].

Приведенные примеры, конечно, носят частный характер. Но отличия коммуникативной структуры языка XVIII–XIX вв. от современной — фундаментальный вопрос, который в рамках настоящей статьи не может быть рассмотрен сколько-нибудь системно. Наряду с масштабом и типологией этих отличий, отдельный интерес представляет вопрос об их истоках: восходят ли они к предшествующим этапам истории русского языка или обязаны своим появлением какому-либо преходящему влиянию (например, влиянию французского языка с его более фиксированным порядком слов). Имеющихся у нас данных недостаточно, чтобы какой-либо из вариантов счесть более правдоподобным. По наблюдениям [Пичхадзе 2020: 111], факторы коммуникативного членения, в частности тенденция к расположению ремы в постпозиции к глаголу, действовали уже в древнерусском языке. Вместе с тем в широком классе конструкций, так или иначе отвечающих представлению о фразеологических сочетаниях, безусловно преобладающим являлся порядок с дополнением, предшествующим глаголу (ср. в этой связи примеры (110а) и (111а)) [Там же: 39].

Независимо от ответа на эти и подобные обширные вопросы, представленный материал позволяет предположить, что порядок слов в языке XVIII–XIX вв. находился в меньшей зависимости от дискурсивных факторов, чем в современном языке. Это отвечает гипотезе о причинах произошедшего сдвига в паттерне эффекта крысолова — от конструкций с эффектом крысолова и инверсией к конструкциям без инверсии. Первый паттерн оказался несовместим с современными нормами коммуникативной организации высказывания. Раз такая несовместимость имеется, вряд ли уход от инверсии осуществился вне связи с ней (что не исключает, конечно, причастности других факторов). В языке XVIII–XIX вв. коммуникативная структура была относительно нестабильна, а потому более толерантна к порядку с препозицией местоимения.

Предложенная интерпретация могла бы получить типологическое продолжение: в языках, где эффект крысолова с инверсией является распространенным паттерном (по данным [Rapaport 1995], среди славянских языков к таковым относятся польский, словенский и словацкий), ожидаются отличные от современного русского принципы коммуникативной организации высказывания и/или меньшая зависимость линейного порядка от дискурсивных факторов. Проверка этого предсказания остается за рамками настоящей работы.

Заключение

Результаты предпринятого исследования могут быть резюмированы в следующих положениях.

- То, что уже было известно применительно к отдельным синтаксическим контекстам, прежде всего применительно к контексту с релятивизацией генитивного зависимого имени, подтвердилось на более широком материале: расположение местоимения *который* перед управляющим словом представляло собой распространенный паттерн в языке XVIII–XIX вв., а к XX в. уступило место паттерну с постпозицией

- местоимения. Современные примеры, нарушающие эту тенденцию, не отвечают представлению об «эффекте крысолова», которым обычно объясняют контактное расположение относительного местоимения и его вершины.
- Предложенная интерпретация произошедшего синтаксического сдвига апеллирует к различию в коммуникативной организации конструкций с препозитивным и постпозитивным *который*: в первом случае местоимение и его вершина спаяны менее тесно синтаксически и коммуникативно, чем во втором, что ведет к появлению в первом случае конструкции с двумя темами, не отвечающей современным ограничениям на коммуникативную структуру. В языке XVIII–XIX вв. коммуникативные ограничения были менее строгими и меньше влияли на порядок слов. Последнее обстоятельство позволяет предположить, что переход от препозитивного к постпозитивному *который* происходил в русле более общих сдвигов, сопровождавших эволюцию коммуникативных стратегий русского языка после XVIII в.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян и др. 2010 — Апресян Ю. Д., Богуславский И. М., Иомдин Л. Л., Санников В. З. *Теоретические проблемы русского синтаксиса: Взаимодействие грамматики и словаря*. М.: Языки славянских культур, 2010. [Apresjan Yu. D., Boguslavsky I. M., Iomdin L. L., Sannikov V. Z. *Teoreticheskie problemy russkogo sintaksisa: Vzaimodeistvie grammatiki i slovary* [Theoretical issues of Russian syntax: Grammar–lexicon interaction]. Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2010.]
- Булаховский 1954 — Булаховский Л. А. *Русский литературный язык первой половины XIX века. Фонетика. Морфология. Ударение. Синтаксис*. М.: Учпедгиз, 1954. [Bulakhovskii L. A. *Russkii literaturnyi yazyk pervoi poloviny XIX veka. Fonetika. Morfologiya. Udarenie. Sintaksis* [Standard Russian of the first half of the 19th century: Phonetics, morphology, stress, syntax]. Moscow: Uchpedgiz, 1954.]
- Зализняк, Падучева 1979 — Зализняк А. А., Падучева Е. В. Синтаксические свойства местоимения *который*. *Категория определенности — неопределенности в славянских и балканских языках*. Николаева Т. М. (отв. ред.). М.: Наука, 1979, 289–329. [Zaliznyak A. A., Paducheva E. V. Syntactic properties of the pronoun *kotoryj*. *Kategoriya opredelennosti — neopredelennosti v slavyanskikh i balkanskikh yazykakh*. Nikolaeva T. M. (ed.). Moscow: Nauka, 1979, 289–329.]
- Ковтунова 1976 — Ковтунова И. И. *Русский язык. Порядок слов и актуальное членение предложения*. М.: Наука, 1976. [Kovtunova I. I. *Russkii yazyk. Poryadok slov i aktual'noe chlenenie predlozheniya* [The Russian language. Word order and information structure]. Moscow: Nauka, 1976.]
- Крейдлин, Падучева 1974а — Крейдлин Г. И., Падучева Е. В. Значение и синтаксические свойства союза *а*. *Научно-техническая информация*, сер. 2, 1974, 9: 31–37. [Kreidlin G. I., Paducheva E. V. Meaning and syntactic properties of the conjunction *a*. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*, Series 2, 1974, 9: 31–37.]
- Крейдлин, Падучева 1974б — Крейдлин Г. И., Падучева Е. В. Взаимодействие ассоциативных связей и актуального членения в предложениях с союзом *а*. *Научно-техническая информация*, сер. 2, 1974, 10: 32–37. [Kreidlin G. I., Paducheva E. V. Interaction between associative links and information structure in sentences with the conjunction *a*. *Nauchno-tehnicheskaya informatsiya*, Series 2, 1974, 10: 32–37.]
- Круглов 2003 — Круглов В. М. Употребление относительных придаточных с местоимением *который* в русском рукописном переводе второго трактата о правлении Джона Локка. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 2003, 62, 1: 61–81. [Kruglov V. M. Usage of relative clauses with *kotoryj* in the Russian handwritten translation of John Locke's *Second Treatise of Government*. *Zeitschrift für Slavische Philologie*, 2003, 62, 1: 61–81.]
- Круглов 2006 — Круглов В. М. Формирование современного порядка слов в конструкциях с местоимением *который* в родительском падеже со значением принадлежности (Первая треть XVIII века). *Iter philologicum. Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag*. Bunčić D., Trunte N. (Hrsg.). Munich: Kubon & Sagner, 2006, 97–109. [Kruglov V. M. Emergence of modern word order in constructions with *kotoryj* in the genitive of possession (First third of the 18th century). *Iter philologicum. Festschrift für Helmut Keipert zum 65. Geburtstag*. Bunčić D., Trunte N. (Hrsg.). Munich: Kubon & Sagner, 2006, 97–109.]

- Летучий 2020 — Летучий А. Б. *Конструкции с сентенциальными актантами в русском языке: синтаксис, семантика, сочетаемость*. Дис. ... докт. филол. наук. М.: НИУ ВШЭ, 2020. [Letuchiy A. B. *Konstruktsii s sententsial'nyimi aktantami v russkom yazyke: sintaksis, semantika, sochetaemost'* [Construction with complement clauses in Russian: Syntax, semantics, combinability]. Ph.D. diss. Moscow: HSE Univ., 2020.]
- Лютикова 2009 — Лютикова Е. А. Относительные предложения с союзным словом *который*: общая характеристика и свойства передвижения. *Корпусные исследования по русской грамматике*. Киселева К. Л. (ред.). М.: ПРОБЕЛ-2000, 2009, 436–511. [Lyutikova E. A. Relative clauses with *kotoryj*: General charactersiation and movement features. *Korpusnye issledovaniya po russkoi grammatike*. Kiseleva K. L. (ed.). Moscow: PROBEL-2000, 2009, 436–511.]
- Лютикова 2011 — Лютикова Е. А. Семантические типы относительных предложений в русском языке: анализ корпусных данных. *Вестник ТГПУ*, 2011, 4(26): 199–204. [Lyutikova E. A. Semantic types of relative clauses in Russian: Analysis of corpus data. *Vestnik TGPU*, 2011, 4(26): 199–204.]
- Лютикова 2019 — Лютикова Е. А. Коммуникативная структура в синтаксической деривации. *Вопросы языкознания*, 2019, 1: 7–29. [Lyutikova E. A. Information structure in syntactic derivation. *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 1: 7–29.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Падучева 2016 — Падучева Е. В. Коммуникативная структура и линейно-акцентные преобразования предложения (на материале русского языка). *Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов*. Циммерлинг А. В., Лютикова Е. А. (ред.). М.: Языки славянских культур, 2016, 25–75. [Paducheva E. V. Information structure and linear-accentual transformations of sentence: Case study of Russian. *Arkhitektura klauzy v parametricheskikh modelyakh: sintaksis, informatsionnaya struktura, porjadok slov*. Zimmerling A. V., Lyutikova E. A. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2016, 25–75.]
- Пичхадзе 2020 — Пичхадзе А. А. О порядке слов в сочетаниях «личная форма глагола — прямое объектное дополнение» в древнерусском языке. *Очерки древнерусского и старорусского синтаксиса*. Пичхадзе А. А. (ред.). СПб.: Нестор-История, 2020, 36–140. [Pichkhadze A. A. On word order in the combinations “personal form of the verb + direct object” in Old Russian. *Ocherki drevnerusskogo i starorusskogo sintaksisa*. Pichkhadze A. A. (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2020, 36–140.]
- Подлеская 2014 — Подлеская В. И. Просодия против синтаксиса в русских относительных предложениях. *Acta linguistica Petropolitana*, 2014, X(2): 537–567. [Podlesskaya V. I. Prosody vs. syntax in Russian relative clauses. *Acta linguistica Petropolitana*, 2014, X(2): 537–567.]
- Рахилина и др. 2016 — Рахилина Е. В., Бородина М. А., Резникова Т. И. «Тамань сегодня»: корпусное исследование русского языка XIX века. *Труды Института русского языка им. В. В. Виноградова*, 2016, 10: 242–255. [Rakhilina E. V., Borodina M. A., Reznikova T. I. “Taman today”: Corpus study of nineteenth-century Russian. *Trudy Instituta russkogo yazyka im. V. V. Vinogradova*, 2016, 10: 242–255.]
- Тестелец 2001 — Тестелец Я. Г. *Введение в общий синтаксис*. М.: РГГУ, 2001. [Testeleys Ya. G. *Vvedenie v obshchii sintaksis* [Introduction to general syntax]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2001.]
- Холодилова 2011а — Холодилова М. А. Релятивизация позиции посессора в русском языке. *Русский язык в научном освещении*, 2011, 21: 5–46. [Kholodilova M. A. Relativization of the possessor position in Russian. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2011, 21: 5–46.]
- Холодилова 2011б — Холодилова М. А. *Релятивизация позиции посессора в русском языке*. Курсовая работа. СПб.: СПбГУ, 2011. [Kholodilova M. A. *Relyativizatsiya pozitsii posessora v russkom yazyke* [Relativization of the possessor position in Russian]. Term paper. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2011.]
- Холодилова 2013 — Холодилова М. А. *Позиционные свойства местоимений в русском языке*. Магистерская работа. СПб.: СПбГУ, 2013. [Kholodilova M. A. *Pozitsionnye svoistva mestoimenii v russkom yazyke* [Positional properties of pronouns in Russian]. Master's thesis. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2013.]
- Холодилова 2014 — Холодилова М. А. Относительные придаточные. *Материалы для проекта корпусного описания русской грамматики*. На правах рукописи. М., 2014. [Kholodilova M. A. Relative clauses. *Materialy dlya projekta korpusnogo opisaniya russkoi grammatiki*. As a manuscript. Moscow, 2014.] http://rusgram.ru/Относительные_придаточные.
- Холодилова 2020 — Холодилова М. А. Корпусное исследование славянских относительных конструкций. Доклад на семинаре Института славяноведения РАН, 20.10.2020. [Kholodilova M. A.

- Corpus study of Slavic relative constructions. Talk at the seminar of the Institute of Slavic Studies (RAS), 20 October 2020.]
- Янко 2001 — Янко Т. Е. *Коммуникативные стратегии русской речи*. М.: Языки славянской культуры, 2001. [Yanko T. E. *Kommunikativnye strategii russkoi rechi* [Communicative strategies of Russian speech]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2001.]
- Abeillé, Winckel 2020 — Abeillé A., Winckel E. French subject island? Empirical studies of *dont* and *de qui*. *Journal of French Language Studies*, 2020, 30: 275–300. DOI: 10.1017/S0959269520000137.
- Andrews 2007 — Andrews A. D. Relative clauses. *Language typology and syntactic description*. Vol. II: *Complex constructions*. Shopen T. (ed.). 2nd edn. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2007, 206–236.
- Dryer 2018 — Dryer M. S. On the order of demonstrative, numeral, adjective, and noun. *Language*, 2018, 94(4): 798–833.
- Heck 2009 — Heck F. On certain properties of pied-piping. *Linguistic Inquiry*, 2009, 40(1): 75–111.
- Hirschbühler 1978 — Hirschbühler P. *The semantics and syntax of Wh-Constructions*. Ph.D. diss. Amherst: Univ. of Massachusetts, 1978.
- Hüttl-Folter 1996 — Hüttl-Folter G. *Syntaktische Studien zur neueren russischen Literatursprache. Die frühen Übersetzungen aus dem Französischen*. Wien: Böhlau Verlag, 1996.
- Mitrenina 2012 — Mitrenina O. V. The syntax of pseudo-correlative constructions with the pronoun *koto-ryj* ('which') in Middle Russian. *Slověne*, 2012, 1: 61–73.
- Pereltsvaig 2007 — Pereltsvaig A. The universality of DP: A view from Russian. *Studia Linguistica*, 2007, 61(1): 59–94.
- Rappaport 1995 — Rappaport G. C. Wh-movement-in-Comp in Slavic syntax and in Logical Form. *Journal of Slavic Linguistics*, 1995, 3(2): 308–356.
- Testelefs, Lyutikova 2017 — Testelefs Y. G., Lyutikova E. A. Split quantifier phrases and genitive of negation in Russian. *Aspects of Slavic linguistics: Formal grammar, lexicon and communication*. Mueller-Reichau O., Guhl M. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2017, 356–376.

Получено / received 29.10.2020

Принято / accepted 16.03.2021

Русское местоимение *там* как средство анафоры к актанту

© 2021

Александр Борисович Летучий

Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва,
Россия; Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, Москва, Россия;
alexander.letuchiy@gmail.com

Аннотация: В настоящей статье предлагается анализ одного нестандартного употребления местоимения *там*. Это употребление типа *Я с ней разговаривал — там явно нет понимания ситуации*. Местоимение *там* в таком употреблении относится не к месту, а к участнику (как правило, одушевленному). После краткого обзора других употреблений местоимения *там* мы выясняем правила и ограничения на употребление «актантного» *там*. Затем предлагается анализ роли этого употребления в русской местоименной системе и связи с другими употреблениями. Мы предполагаем, что данное употребление связано, прежде всего, с двумя другими: с коллективным (в частности, в минимальном варианте, где *там* может относиться, например, к семье) и с ситуационным, где *там* относится к некоторой ситуации. Функция же этого употребления состоит в том, чтобы понизить значимость участника: в отличие от местоимения *он*, местоимение *там* показывает, что участник не заслуживает роли основной темы текста или отрывка и осмысливается просто как местоположение некоторых свойств.

Ключевые слова: актанты, коммуникативная структура, местоимения, метафора, метонимия, пространственная семантика, русский язык, связка

Благодарности: Исследование проводилось в рамках работ, поддержанных грантом Министерства науки и высшего образования № 075-15-2020-793.

Для цитирования: Летучий А. Б. Русское местоимение *там* как средство анафоры к актанту. *Вопросы языкознания*, 2021, 4: 72–90.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.4.72-90

The Russian pronoun *tam* as a marker of anaphora to an argument

Alexander B. Letuchiy

HSE University, Moscow, Russia;
Vinogradov Russian Language Institute, Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia;
alexander.letuchiy@gmail.com

Abstract: The present article addresses a special use of the Russian locative pronoun *tam*: the use represented in examples like ‘I talked to her — no understanding of the situation *there*’. In those contexts, *tam* refers to a participant (usually animate), rather than a location. After a brief sketch of other uses, I describe the rules and restrictions on the ‘argument’ use of *tam*. Then, I analyze the role of this use in the Russian pronoun system and relations with the other uses of this pronoun. I propose that this use is mainly related to two others: collective *tam* (including its minimal variant, referring to a family / pair of humans) and situational, where *tam* refers to some situation. The function of the ‘argument’ use is demotion of the participant salience: contrary to *on* ‘he’, the ‘argument’ *tam* shows that the participant is not salient enough to be the main topic of the text or a part of the text and describes it simply as a location of some properties.

Keywords: actants, copula, information structure, metaphor, metonymy, pronouns, Russian, spatial semantics

Acknowledgements: The current research was a part of research work supported by the Ministry of Science and Higher Education grant No. 075-15-2020-793.

For citation: Letuchiy A. B. The Russian pronoun *tam* as a marker of anaphora to an argument. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 4: 72–90.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.4.72-90

1. Вводные замечания

В данной статье мы рассмотрим одно необычное употребление местоимения *там*. Речь идет о случаях, когда *там* относится не к месту, а к предметному участнику ситуации — обычно к лицу, однако иногда и к неодушевленному объекту. Речь идет об употреблении типа (1). Это употребление выбивается из ряда других способов использования местоимения *там*. Как правило, *там* является средством анафоры к месту совершения ситуации, как в (2).

(1) *Я с ней говорил — там максимум ПТУ* ('у нее образования — максимум ПТУ').

(2) *Я пришел в кафе, но там никого не было.*

В примере же (1) *там* отсылает не к месту, а к предметному (в данном случае — одушевленному) участнику ситуации. Мы попробуем выяснить, как это употребление отличается от употреблений стандартных анафорических местоимений и для чего оно нужно системе русских местоимений. Для краткости мы будем называть употребление *там*, выступающее в примере (1), «актантным *там*¹» или «*там* с индивидуальным антецедентом».

В исследовании Э. Кёнига [König 2012] и нашей статье [Летучий 2010] показано, что в системе прономинальных средств часто происходит преобразование, которое можно назвать «синтактизация»: средства, которые исходно обозначали определённый семантический тип адьюнктов, начинают использоваться для маркирования аргументов, а изначальная их семантика размывается. Чаще всего этот сценарий развития реализуется при средствах выражения образа действия типа русск. *так*, англ. *so* или адыг. *джауцтэу* (ср. русск. *Я так не говорил*). В нашей статье мы рассмотрим нестандартные разговорные употребления, где *там* реферирует к участнику ситуации, а не к месту. Отслеживая типы употреблений *там*, мы покажем, что такое использование — просто конечная точка постепенного перехода, а не резкое нарушение правил употребления местоимения.

Сразу оговорим набор конструкций, который нас не будет интересовать. Это разного рода дискурсивные употребления, обозначающие внезапность возникновения ситуации, сомнения в своем мнении, оценку высказываемого суждения как приблизительного, экземплификации и др.:

(3) *Ну, а всякое там фуфло, вроде пейзажей или портретов каких-то военных, попов и прочих скучных горожан, побросали на пол и прошли по ним сапогами...* [Дина Рубина. Белая голубка Кордовы (2008–2009)].

¹ Мы осознаем, что этот термин немного огрубляет ситуацию, поскольку и место может иметь актантные свойства. Например, в предложении *Он проживает там уже двадцать лет* место, выраженное *там*, — это актант глагола *проживать*. Поэтому на самом деле термин «актантное *там*» надо понимать как местоимение *там*, относящееся к предметному участнику (одушевленному или неодушевленному).

- (4) *Походил, походил, потом думаю, — дай зайду... Ну, **там**... чтобы обратно домой проводить... Поздно уже. Темно...* [Андрей Геласимов. Фокс Малдер похож на свинью (2001)].

Эти употребления подробно описаны в работах А. Д. Шмелева [2007] и М. С. Зарифян [2016]. Они весьма интересны, но представляют другое расширение функций — не синтаксическое, а прагматическое. Как правило, как показывают упомянутые авторы, речь идет о том, что сообщаемая информация не слишком значима для говорящего или представляет собой пример, который мог быть заменен на другой. Закономерности этих переносов могут не совпадать с теми, которые рассматриваем мы. При этом примеры (3)–(4) устроены по-другому, чем рассматриваемое употребление: *там* в них не отсылает к участнику, речь идет об условиях развертывания и оценке самой ситуации.

Сходные дискурсивные употребления усматриваются и у других местоимений, особенно у местоимений «дальнего» ряда [Соколова 2007; Соколова, Макарова 2011]:

- (5) *А он **такой** и говорит...* (цитативное *такой*).
- (6) *Но что за неприятности могут быть в какой-то **там** сапожной артели?* (пренебрежительное *какой-то там*)
- (7) *Девочка **такая** девочка / такая девочка-девочка* (см. [Гилярова 2010]).
- (8) *Он **того**... уволился (того в значении хезитации).*

Наше употребление не относится в полной мере к дискурсивным. Во-первых, в предыдущем тексте легко и с полной определенностью обнаруживается элемент, к которому *там* отсылает, что для дискурсивных элементов нехарактерно. Следовательно, анафорическая сущность местоимения сохраняется. Во-вторых, как раз то, каким образом *там* могло бы повлиять на восприятие текста слушающим или привлечь его внимание (возможные дискурсивные расширения употребления лексических элементов), в данном употреблении неочевидно. Впрочем, как мы покажем ниже, дискурсивная мотивация есть и у актантного употребления *там*.

Примеры, используемые в статье, взяты из Национального корпуса русского языка [НКРЯ] или найдены поиском в системе Google². Кроме того, текст содержит сконструированные примеры — их можно опознать по отсутствию указания на источник (как правило, они приводятся не для иллюстрации основных положений статьи).

Прежде чем рассмотреть интересующие нас контексты, мы кратко расскажем о других употреблениях *там*.

2. Обзор употреблений местоимения *там*

2.1. Локативное употребление

В исходном употреблении *там* реферирует к месту. При этом оно любопытным образом сочетает в себе анафорический и локативный компоненты (анафорический элемент отчасти объясняет появление интересующего нас актантного разговорного употребления). С одной стороны, *там* отсылает к элементу предыдущего текста в том же смысле, как и *он* или *этот*. С другой стороны, оно отличается от стандартных анафорических местоимений тем, что сильно ограничено семантикой исходного вхождения. Требуется, чтобы

² Орфография и пунктуация исходных текстов в основном сохранена.

это вхождение могло интерпретироваться как место. Именно поэтому контекст типа (9) невозможен:

(9) *По загоу ходила зебра. Там были черные и белые полосы.

В норме одушевленный участник не является местом, и *там* по отношению к нему не употребляется. Напротив, неодушевленные объекты легко интерпретируются как место, поэтому *там* допустимо:

(10) ...рядом с изголовьем кровати стоял стол, там лежал мой телефон... (<https://www.netlan.ru/story/2018/2018-5/201808-v-temu-o-kripovyh-istoriyah-sluchilos-eto>).

У локативного употребления есть два подтипа. В одном (пример (10)) ранее упомянут просто неодушевленный участник, а *там* интерпретирует его как место совершения ситуации. В другом локативное выражение введено уже в antecedенте и с теми или иными изменениями повторяется при употреблении *там*, ср. (11).

(11) Черновик донесения найдешь на столе; там же — список офицеров, коих считаю необходимым представить за сегодняшнее дело [Борис Васильев. Были и небыли. Книга 2 (1988)].

Поскольку *там* — это местоименное наречие, а не предложная или именная группа, для правильной интерпретации местоимения требуется выяснить, какая именно локализация имеется в виду. Средств ее выяснить может быть несколько:

- 1) Иногда типичное расположение траектора (объекта, чье расположение мы фиксируем) задается свойствами ориентира (топологическим типом, см. о них [Talmy 1975a; 1975b; Рахилина 2000; Ляшевская 2008]). Топологический тип — это совокупность пространственных характеристик, которые язык использует для концептуализации объекта (при этом данный тип не обязательно в точности совпадает с объективными физическими характеристиками объекта). Например, чашка во многих контекстах выступает как **вместилище**, и нормальное расположение мелких объектов относительно нее — внутреннее. Поэтому контекст типа *Я увидел на столе чашку. Там была грязь* подразумевает, что грязь была внутри чашки. И хотя понимание, при котором грязь находилась на внешней стороне, абсолютно нормально семантически, обозначение такого расположения с помощью *там* кажется менее стандартным — скорее говорящий использует предложную группу (*на ней была грязь*).
- 2) Иногда типичное расположение задает предикат. Например, для кувшина нормальное расположение, скорее всего, тоже внутреннее. Однако в примере (12) имеется в виду наружное. Глагол *повесить* или *прикрепить* плохо сочетается с внутренним положением, и в данном случае он оказывается более сильным фактором, чем тип ориентира.
- 3) Наконец, локализация, обозначаемая *там*, может задаваться и типом самого траектора, ср. (13)–(14).

(12) Я увидел на столе кувшин. Там была прикреплена / повешена бирка с ценой.

(13) Он подошел к столу. Там уже стояли тарелки с яствами.

(14) Он подошел к столу. Там уже стояли Сергей Петрович и Ваня.

В этих контекстах ориентир — *стол* — и предикат — *стоять* — одни и те же. Тем не менее в (13) имеется в виду локализация на столе, а в (14) — у стола. Это связано лишь с тем, что для людей неестественно положение на столе (хотя, конечно, при употреблении ПГ *на нем* не только первый, но и второй пример останутся грамматически правильными).

Если и antecedент, и *там* маркируют локализацию, то различие двух локализаций возможно только при соблюдении некоторых условий. Например, пример (15) возможен,

скорее всего, только в семантически странном контексте ‘гости сидели / собака притаилась на столе’. Искомое значение ‘гости сидели за столом’ и, тем более, ‘собака притаилась под столом’ вряд ли возможно:

(15) *#Все приборы были уже на столе. Там сидело несколько гостей / притаилась собака.*

Однако обратное сочетание, видимо, может выражать искомый смысл ‘на столе стояли тарелки’, хотя и в данном случае две локализации различаются между собой:

(16) *Черепаха ползала под столом. Там уже стояли тарелки.*

По-видимому, при расхождении локализаций лучше выглядят примеры, где *там* обозначает дефолтную ориентацию. Например, для стола расположение на горизонтальной поверхности задано по умолчанию. Поэтому *там* в (16) может интерпретироваться дефолтно, хотя в antecedенте упоминается другая локализация. А вот расположение за столом требует отдельного упоминания с помощью предлога.

2.2. Там, выражающее связь участника с местом

С локативным связано, но не тождественно ему, употребление, выражающее просто связь с определенным местом, но не обязательно нахождение в нем. Как правило, речь идет о людях, происходящих из некоторого населенного пункта или региона — при этом в момент речи или другой актуальный момент эти люди могут не находиться в данном месте. Оно является результатом расширения значения «нахождение в данном месте — отношение к данному месту». Можно считать этот процесс разновидностью метонимии: лицо или объект, происходящий из определенного места, по смежности концептуализуется как находящийся в нем. Примером может служить контекст (17).

(17) *Питер — город, который любят почти все его жители. Там люди, даже когда находятся далеко, помнят о своей родине.*

Там обозначает ‘группу людей, связанных с Питером’, хотя они могут жить далеко от своего города. Употребление этого типа возможно, прежде всего, при генерических или хабитуальных употреблениях. Напротив, в конкретно-референтной ситуации контексты, где субъект уже не находится в рассматриваемом месте, сомнительны. Рассмотрим понимание примера (18):

(18) *Там пятеро человек напились и разнесли весь отель.*

Оказывается, что *там* в предложениях такого рода может относиться только к месту, где находился отель (то есть где находятся участники и где произошло событие, о котором идет речь), но не к месту, с которым они связаны и из которого происходят. С этой точки зрения минимальной парой является (19) (указано место нахождения людей) и (20) (указано место происхождения людей). Мы рассматриваем оба предложения применительно к одной ситуации: жители Григорьевска разгромили отель на отдыхе в Турции — несложно видеть, что (20) в этом значении невозможно.

(19) *В Турции опасно отдыхать. Там на прошлой неделе пятеро человек напились и разнесли весь отель.*

(20) *#В Григорьевске такие хамы живут! Там на прошлой неделе пятеро человек напились на отдыхе и разнесли весь отель.*

По-видимому, причина в том, что при генерическом прочтении *там* не привязано к конкретной ситуации. Поэтому местоимение обозначает размытую зону предметов, связанных

разными способами с тем или иным местом, и постоянное свойство этого места. Напротив, когда ситуация конкретно-референтна, подразумевается, что *там* относится к конкретному происшествию, и здесь уже более сильным является понимание, где *там* жестко привязывает участников к месту, в котором они в момент события находятся.

2.3. Там с антецедентом-коллективом

Еще один шаг от локативного употребления представляют собой такие конструкции, где в антецеденте нет названия места — вместо него выступает собственно название коллектива. Этот результат тоже представляет собой перенос, но скорее метафорический, чем метонимический: речь идет о переходе «коллектив как место». Группа здесь осмысливается как метафорическое расположение присущих ей черт³, тогда как в предыдущих типах употреблений на группу по смежности переносятся свойства места, в котором она находится. В (21) и (23), например, *там* употребляется потому, что богема и семья концептуализуются как место, в котором расположены психологические и когнитивные свойства. Иногда, как в примере (22), группа прямо не называется, но подразумевается (в данном случае — номенклатура, чиновники от науки):

- (21) *Мы все ждем от богемы совести — а она там и не ночевала* (<https://mpsh.ru/22451-my-vse-zhdem-ot-bogemy-sovesti-a-ona-tam-i-ne-nochevala.html>).
- (22) *Это ужас! Федор Иванович! Что это за приказ? Я его весь ясно прочитала между строк. Не может быть, чтобы вас так, ни с того ни с сего пощадил. Вам нельзя обольщаться... Жалость там и не ночевала* [Владимир Дудинцев. Белые одежды (1987)].
- (23) *У меня есть знакомые, любопытная семья. Там муж шофер, жена пианист, а сын полярный летчик.*

Нередко наблюдается сужение коллектива-антецедента: в коллективном употреблении *там* может относиться, например, к семейной паре. Это явно переходный тип контекста, близкий к актантному *там*. Иначе говоря, антецедент уже сужается, но еще не достигает одного человека, ср. (24).

- (24) *в гости ходили. там муж поддерживает команду X...* (<http://www.ponaehalitut.co.uk/forums/archive/index.php/t-1002.html>).

В отличие от предыдущего употребления, совмещающего в себе место и коллектив, здесь локативный компонент полностью теряется. Во всех примерах выше *там* выражает просто коллектив, и неважно, где находятся герои.

2.4. Там с временным антецедентом

Временные употребления *там*, как и других дейктических наречий *тут* и *здесь*, исследованы очень подробно (ср. хотя бы [Булыгина, Шмелев 1997; В. Апресян 2014; В. Апресян, Шмелев (в печати)]). В этих случаях мы также имеем дело с метафорой — с переносом «пространство — время». Эти употребления, согласно [В. Апресян, Шмелев (в печати)], подразделяются на два типа: дейктический (25) и таксисный (26):

³ Как справедливо отмечает анонимный рецензент, в таком случае можно говорить о том, что коллектив представляет собой метафорическое пространство — впрочем, локативными в собственном смысле такого рода употребления, видимо, не являются.

(25) — *Ты у кого будешь жить? — Там видно будет.*

(26) а. *Скоро май, а там и до лета недалеко.*

б. *...написал одну статью, вторую, а там (и) начал строчить без передышки.*

Хотя этот перенос от пространственного значения к временному очень распространен в языковых системах, в случае *там* он требует комментариев (см. также [Turner 1993; Fauconnier, Turner 2008] об ограничениях на метафорические переносы). Дело в том, что это употребление *там* — единственное, которое не может быть анафорическим: употребление *там* как анафорического элемента делает примеры типа (27)–(29) семантически аномальными:

(27) *#Придет апрель, и там мы посмотрим, кто будет лидером (там либо понимается как локативное, либо не относится к слову апрель как анафорический элемент).*

(28) **Настала зима. Там мы и узнали, что Петя уехал.*

(29) *#Мы приехали в аэропорт в пять часов. Там уже было известно, что наш рейс задерживается⁴.*

По-видимому, это значит, что во временных употреблениях из двух компонентов семантики *там* — анафорического и локативного (дальней локализации) — остается только последний. *Там* не относится ни к какому времени, упомянутому ранее (а именно отсылка к упомянутому ранее элементу составляет сущность анафоры), а просто выражает идею упорядочения событий во времени. Сначала дается определенное описание события (*скоро май, написал статью*), а затем используется *там*, показывающее, что остальные события не требуют точного указания и в той или иной мере могут быть поняты, исходя из предыдущих. В работе [Makarova, Nessel 2013] описываются такого рода асимметрии между локативными и временными употреблениями языковых единиц, однако не совсем ясно, почему все остальные употребления, кроме временного, анафорическими все же являются. Возможно, объяснение заключается в том, что для временной семантики в русском существует отдельный ряд местоимений, где в роли анафорического используется *тогда* (ср.: *Я помню свой День рождения три года назад — мы тогда веселились до утра*). Неудивительно, что *там* не подменяет собой анафорическое местоимение.

Напротив, для коллективного значения особого ряда местоимений не существует. Основным рядом местоимений становится *там*, получающее новое употребление.

2.5. Там с ситуационным антецедентом

Употребление *там* может расширяться не в сторону участников, как в нашем, актантном, или коллективном употреблении, а в сторону ситуаций. В этом случае оно уже описывает не место развертывания ситуации, а собственно отсылает к ситуации:

(30) *Да, можно сказать, что игрок не имеет отношения к пропущенному голу, если там ошибся защитник (https://matchtv.ru/hockey/matchtvnews_N11097345_Igor_Kravchuk_Kovalchuk_khudshij_rossijskij_igrok_v_istorii_po_pokazatelu_poleznosti).*

(31) *В нем [джазовом конкурсе] принимали участие коллективы, имевшие статус любительских, непрофессиональных. Поэтому квинтет Джеффа Элисона там не участвовал [Алексей Козлов. Козел на саксе (1998)].*

⁴ Пример (29), безусловно, возможен, однако только при локативном прочтении *там* ('в аэропорту было известно'). Если же говорящий предполагает отсылку к моменту времени, скорее будет использовано слово *тогда* или конструкция *в это время / в этот момент*.

Там в (30) и (31) обозначает не место или время развертывания ситуации, антецедентом является сама ситуация ('защитник ошибся в ситуации, где был забит гол', 'квнтет не участвовал в фестивале (в ситуации фестиваля)'). Это употребление тоже близко к описываемому нами. Среди ситуационных употреблений есть такие, где ситуация — это некоторое свойство или состояние участника. Отсюда просматривается прямой переход к актантному *там*.

- (32) *С Ивановым особая история. Я посмотрел рентген, там поможет только операция* ('в ситуации Иванова поможет только операция').

Источником употреблений типа (30)–(32) может быть как метафора (концептуализация ситуаций как места определенных поступков и событий), так и метонимия (совмещение по смежности места и ситуаций, которые в этом месте происходят). Однако более вероятным кажется метафорическое развитие. В частности, из примеров типа (30) видно, что *там* может относиться не к ситуации в целом, которая происходила в данном месте в данное время (например, к футбольному матчу), а к ее эпизоду (моменту, когда был забит гол). В этом смысле полного переноса по смежности не происходит.

Перенос с места на ситуацию сильно ограничен. В частности, ситуационное *там* практически никогда не может заменять ситуацию, являющуюся обязательным актантом глагола (для локативного *там* это возможно, см. *там* при глаголе *проживать*, для которого выражение локативного актанта обязательно). Так, при глаголе *базироваться* в локативном значении ('размещаться, использовать в качестве базы') допускается анафора с *там* (33), а в переносном ('основываться, жидиться') она запрещена (34):

- (33) *Вот почему, наверное, Владивосток закрыт для иностранцев, а не потому, что там базируется военно-морской флот* [Михаил Панин. Камикадзе // «Звезда», 2002].
- (34) **Это ключевое понятие молекулярной биологии, и именно там базируются все современные исследования* (ср. возможное на нем).

3. *Там* с индивидуальным антецедентом (актантное *там*)

3.1. *Там* с индивидуальным одушевленным антецедентом

Теперь перейдем к нашей основной теме — употреблению *там*, где оно соответствует не коллективу, а индивидуальному референту. При этом локативная семантика полностью теряется и акцент в употреблении *там* полностью переносится на участника. Приведем несколько примеров такого рода — легко видеть, что во всех из них *там* относится именно к участнику:

- (35) *...а как бороться с соседом, который постоянно сжигает мусор? ... разговоры не помогают, там полный игнор да и ругаться не хочется, как человек он неплохой* (<https://ys.sakh.com/forum/?sub=1645978>) (= 'у соседа полный игнор', 'сосед игнорирует обращения других людей').
- (36) *Написала обращение на руководителя но и там полный игнор* (<https://www.banki.ru/insurance/responses/company/response/21918/>) (= 'у руководителя игнор', 'руководитель игнорирует письма клиентов').
- (37) *Не было там [у писателя Лимонова] никакого таланта! Были способности молодого провинциала «из простых», попавшего в московскую тусовку 70-х* (<https://gorod-812.ru/stonyi-o-limonove/>).

- (38) *О его литературных способностях можно судить по произведениям, которые сейчас доступны каждому. Способностей **там** не было, таланта тоже...* (<http://partiarus.ru/index.php/11-obshchestvo/41-zasluzhennaya-slava-ili-navyazannaya-glupost>) (= ‘у этого человека не было ни способностей, ни таланта’).
- (39) *Ловчева сегодня видел в Кубинке, **там** Паркинсон походу* ([forum.auto.ru > sports](http://forum.auto.ru/sports)) (= ‘у Ловчева болезнь Паркинсона’).
- (40) — *Не лучшее поведение Дзюбы. Он как-никак лидер, должен соответствовать. — Какой он лидер и чему он должен соответствовать, **там** одни понты и самолобование* (<https://www.rusfootball.info/pliga/1146620257-dinamo-zenit-kak-vsegda-peklo-champion-vpervye-proigral-sudi-dali-dve-krasnyh-dzyuba-brosil-povyazku.html>) (= ‘у Дзюбы одни понты’, ‘Дзюба слишком высоко ставит себя как игрока без реальных оснований’).

Можно отметить несколько особенностей данного употребления.

Во-первых, актантное *там* используется почти исключительно в бытийных и посесивных конструкциях. Самым частотным в них является глагол *быть* в выраженной или нулевой форме. Это связано во многом с тем, что местоимение очень часто заменяет посесивную конструкцию с *у*, тоже чаще всего сочетающуюся с *быть*:

- (37') *У Лимонова не было никакого таланта.*
- (39') *У Ловчева Паркинсон* (‘болезнь Паркинсона’).

Тем не менее, есть и контексты с другими глаголами с бытийным значением, например, *отсутствовать / присутствовать* (41), *(не) ночевать* (‘не наблюдаться даже в самой малой мере’) (42), *взяться* (43).

- (41) *И прекратите анализировать его поведение, слова и действия, он только выгоду везде ищет и логика и здравый ум там **отсутствует**.*
- (42) *Вот сравнил с Осмоловской! Там красота и **не ночевала!** На фото ее посмотрите, ну и губы!* (<https://www.kino-teatr.ru/kino/acter/w/sov/2136/forum/f5/>).
- (43) *Дэни совсем дурочка, конечно; впрочем, откуда там **взяться** уму и стратегическому мышлению?* (<https://ov-20.livejournal.com/819050.html>).

Наконец, еще более необычен случай, когда в конструкцию попадает глагол без бытийной семантики, например обозначающий агентивную динамическую ситуацию, как *бить* и *унижать* в (44):

- (44) *...еще Долорес Клейборн (там муж бил и унижал)* (<https://www.livelib.ru/selection/898313-domashnie-tirany-i-ih-zhertvy>).

В стандартных употреблениях *там* не заменяет одушевленные имена, обозначающие носителя свойства. Пары, где предложная группа с *у* при одушевленном имени **соответствует** местоимению *там*, существуют, однако это обычные локативы:

- (45) *Зайдите к директору, у него / там сейчас Иванов* (= ‘у директора, в кабинете директора’).

Употребление *там* в интересующем нас значении с бытийным предикатом облегчается тем, что в норме абстрактные существительные не используются в бытийных контекстах. Такие слова, как *гонор*, *болезнь*, *желание* и т. д. обычно используются в предложных конструкциях типа *у него* — в первую очередь, потому, что носитель этих свойств — человек, а выше было показано, что у *там* редко бывают одушевленные антецеденты. Тем самым, именно при бытийных предикатах местоимение *там*, отсылающее к участнику, прочитывается однозначно и не совмещается с собственно локативными значениями.

Тем не менее есть употребления, не имеющие пары в виде предложной конструкции с у:

- (46) *Такое мое ИМХО, я спецом поглядел на «прямую линию» с Путиным. Это — слезы, там полная неспособность изменить политику и вектор движения страны* (<https://konkretny-112.livejournal.com/421302.html>).
- (47) *Как сказала ТАТ, «такой тулуп прыгнуть и не выехать — совести нет». Там не только совести нет, там полная неспособность бороться за прыжок* (https://zen.yandex.ru/media/yury_veshkin/helsinki-tretii-etap-granpri-chudesa-ot-ispolnitelei-i-sudei-v-korotkih-programmah-5bde032745628700ac9afcbb).

Едва ли существует и употребительна базовая конструкция типа у *Путина полная неспособность изменить политику и вектор движения страны*, У *фигуриста полная неспособность бороться за прыжок* — скорее использовали бы вариант он совершенно неспособен изменить политику или я наблюдаю у него полную неспособность изменить политику. Точно так же обстоит дело в контекстах типа *красота там и не ночевала* (см. (42) выше) — в них замена на группу с у явно невозможна (**Красота у Осмоловской и не ночевала*).

Это указывает на то, что еще одна из причин использования бытийных предикатов — это необходимость перестроить синтаксическую структуру. При исходных глаголах *игнорировать, относиться, понимать* структура с *там* невозможна из-за их переходности: невозможны конструкции типа *Там игнорирует всех вокруг. Там* не может заменять подлежащее, стандартно оно употребляется на месте косвенного объекта.

Во-вторых, другая особенность *там* — связь с большим расстоянием от говорящего — в актантном употреблении метафоризируется: актантное *там* обычно не относится к людям, входящим в личную сферу говорящего или наблюдателя. Например, по нашей интуиции, *там* обычно не употребляется так по отношению к родственникам говорящего, его друзьям или другим участникам, явно входящим в личную сферу:

- (48) ²*Вчера говорил с братом, но там какое-то нездоровое отношение.*

В работе [Ю. Апресян 1986/1995] подробно аргументируется релевантность понятия личной сферы для лингвистического анализа. Это понятие получает в работе следующее описание: «В эту сферу входит сам говорящий и все, что ему близко физически, морально, эмоционально или интеллектуально» [Там же: 293].

3.2. Источник употребления: коллективное или локативное *там*?

Вопрос об источнике употребления для актантного *там* очень сложен. С одной стороны, кажется вполне естественным считать, что употребление *там* по отношению к единичному участнику продолжает переход, иллюстрируемый примером (24), где antecedентом является очень малая группа людей. Здесь переход завершается, и множественности antecedента уже не требуется. С другой стороны, возможна и другая трактовка. Актантное разговорное употребление может восходить не к «коллективным» употреблениям типа (24), а к особому подвиду локативных контекстов, в котором *там* обозначает положение в месте особого типа — в пространстве текста и его смысла:

- (49) *Почитайте нашу убогую беседку, там явное непонимание между гражданами РФ и Украины, почему там можно, а тут нельзя* (<http://kharkovforums.com/archive/index.php/t-25915-p-5.html>).
- (50) *Там полное непонимание автором местных традиций.*

Если конструкция содержит предикатные имена с одушевленным актантом типа *непонимание*, то предложение автоматически интерпретируется как обозначающее свойства этого актанта:

(49') 'Там (в этой беседе в форуме) видно, что собеседник не понимает границ допустимого'.

Затем, в этой трактовке, указание на текст исчезает, и конструкция обозначает просто участника и его свойства.

Когда это употребление перерастает в анафору к участнику, упоминание одушевленного актанта исчезает. В примерах типа (51) не говорится, кто именно тот поэт, стихи которого оцениваются. К нему отсылает местоимение *тут*. Выражение актанта одновременно с помощью *там* или *тут* и анафорического местоимения либо меняет значение, либо делает предложение сомнительным:

(51) *Судя по персонажам и качеству рифмы, ну и вообще по видеоряду — тут максимум ПТУ, ой простите КОЛЛЕДЖ.*

(52) *?тут у нее максимум ПТУ, ой простите колледж*

(53) *?там у нее максимум ПТУ заподозрить можно*

Производность актантного употребления *там* видна по тому, что в применении к единичному antecedенту *там* не может подвергаться контрасту:

(54) **Таланта не было не там, а у Катаева.*

3.3. Пограничные употребления

В данном разделе мы покажем несколько случаев, когда разговорное актантное употребление сложно отличить от других, более стандартных употреблений *там*.

В некоторых случаях локативное и актантное употребления очень близки и различаются, по сути, степенью конкретности указания: при локативном употреблении имеется прямое указание на место локализации свойств, при актантном свойство присуще участнику как таковому. Например, в (55) *там* относится к локативной группе *в глазах у коровы* и употребляется стандартно. Напротив, в (56) никакого местоположения не введено, и *там* подразумевает у *Дуни Смирновой* — это актантное употребление.

(55) *В глаза корове смотрела, из-за длинных ресниц создается впечатление печального взгляда, но вот ума и доброты там нет...* (<http://doramakun.ru/interesting/asian-facts/1332177588.html>).

(56) *Дуня Смирнова на мой взгляд, не очень умная тетья, начитанная просто и образованная, но ума там нет особого...* (<https://lena-miro.ru/663620.html?page=6>).

Существуют пограничные случаи, промежуточные между локативным и актантным. Когда речь идет о теле и здоровье человека, как в (57)–(58), соотношение между органом и человеком близко к соотношению между местом и его частями:

(57) *Им еще не надоело мясо каждый день и картошка, там печень уже кричит и поджельудочная* (Медицинский сайт).

(58) *может быть, не в тазобедренном конкретно, а в поясничном, у вас же там уже разрушена хрящевая ткань* (https://zdsust.healthy-looks.com/?cbh=1&utm_source=ad1&cid=1012_2227256169&utm_medium=1012_835537&utm_campaign=2347140).

Однако пример (57), судя по всему, иллюстрирует актантное *там*: *там* в данных примерах означает ‘у этого человека’. А вот в (58) *там* скорее локативное, оно реферирует к положению хрящевой ткани (*там* = ‘в поясничном отделе’).

Другая группа контекстов, где употребления сложно различить, совмещает актантное употребление и подтип локативного, относящий *там* к пространству текста.

- (59) (=37) *Не было **там** никакого таланта! Были способности молодого провинциала «из простых», попавшего в московскую тусовку 70-х.*

Наиболее вероятно, что *там* в (59) относится к писателю (Лимонову) и является нестандартным актантным употреблением. Но гипотетически может быть, что *там* относится к текстам авторства писателя (‘в его произведениях не проявлялось никакого таланта’) и употребляется стандартно, локативно.

В следующем примере можно заподозрить либо ситуационное, либо актантное употребление *там*. Казалось бы, местоимение относится к одному человеку (‘Васе терапевт уже не поможет’) — но также возможно, что речь идет о ситуации (‘в такой ситуации, при такой болезни терапевт уже не поможет’):

- (60) *Васину медицинскую карту я видел. Там терапевт уже не поможет, нужна срочная операция.*

Наконец, последняя группа — это употребления, промежуточные между актантным и коллективным употреблениями. Рассмотрим следующую группу контекстов:

- (61) (=21) *Мы все ждем от богемы совести — а она там и не ночевала* (<https://mpsh.ru/22451-my-vse-zhdem-ot-bogemy-sovesti-a-ona-tam-i-ne-nochevala.html>).

- (62) *Но, судя по его выступлениям, никакая совесть там и не ночевала, если он даже своего учителя Марлена Хуциева пинал вовсю вместе с Михалковым* (<https://www.exler.ru/blog/meshiev-stal-predsdatelem-komiteta-po-kulture-sankt-peterburga.htm>).

- (63) *Для меня было очень показательным общение вот с таким молодым человеком. Назовем его Вася. Ему было около 22. Там было полное непонимание добра и зла. Он мог подойти и со всей дури пнуть котенка (!). Или с психу ударить девушку.*

Два примера являются практически минимальными парами по числу — в первом случае *там* относится к коллективу (*богема*), а во втором — к одному человеку (Дмитрий Месхиев). Однако числовое различие довольно важно. В первом случае множественность позволяет переосмыслить богему как метафорическое местоположение (такое переосмысление встречается очень часто, ср. выражения с исходным локативным и производным коллективным значением, такие как *между нами*, *внутри семьи / группы*, *он вошел в семью*, *они близки / далеки*, *тесная связь людей* и т. д.). Напротив, во втором случае мы видим нетипичный для литературного языка переход от локативного употребления *там* к обозначению единичного участника — а значит, перед нами актантное *там*. Именно поэтому *там* с коллективным антецедентом встречается в литературе, где собственно актантного *там* с индивидуальным антецедентом не встречается:

- (64) *Это ужас! Федор Иванович! Что это за приказ? Я его весь ясно прочитала между строк. Не может быть, чтобы вас так, ни с того ни с сего пощадили. Вам нельзя обольщаться... Жалость там и не ночевала. По-моему, предшествовал торг* [Владимир Дудинцев. Белые одежды (1987)].

При этом симптоматично, что коллективное употребление выглядит как соответствующее литературной норме именно тогда, когда фиксируется свойство, которым можно охарактеризовать коллектив в целом (например, отсутствие у номенклатуры как класса, фиксированной группы, жалости). Напротив, со свойствами, которые могут фиксироваться только у отдельных индивидов (например, рост, образование и т. д.) *там* чаще

всего не употребляется. Коллективное употребление для них недоступно, а индивидуальное семантически аномально, поскольку неясно, о каком из индивидов в группе идет речь.

- (65) *#Ты думаешь, чиновники — образованный класс? Да там почти всегда нет высшего образования!*⁵

Есть и более сложные случаи, когда контекст допускает больше чем два понимания *там*⁶. Один из них представлен в фильме Георгия Данелии «Осенний марафон» (1979). В разных частях фильма *там* употребляется женой главного героя по отношению к любовнице и любовницей по отношению к жене (например, в конце фильма жена героя спрашивает его: «У тебя правда там всё?», — имея в виду ‘Порвал ли ты с любовницей?’). На первый взгляд, соблазнительно считать, что *там* здесь относится к одной из женщин — героине фильма — и мы имеем дело с **актантным** употреблением (‘У тебя с ней всё?’). Однако поскольку по ходу действия герой постоянно перемещается из собственной квартиры в квартиру любовницы и обратно, можно интерпретировать употребление *там* и по-другому: спрашивая *У тебя правда там всё?*, жена имеет в виду ‘Закончились ли твои дела на той территории, в том месте?’ (естественно, упоминать любовницу напрямую жена не хочет). В этом случае мы видим стандартное **локативное** употребление, хотя оно и указывает завуалированно на участника. Наконец, возможно и третье осмысление: *там* означает ‘в той ситуации (общения с любовницей), которую имеет в виду жена’. Тогда речь идет об употреблении *там* по отношению к **ситуации** (раздел 2.5).

3.4. Можно ли выделить актантное употребление при неодушевленном antecedенте?

Выше мы не случайно упоминали только конструкции с одушевленным antecedентом. Актантное употребление легче выделить, если участник одушевлен: ведь в локативном употреблении *там* обычно не употребляется в отношении к таким участникам. Когда же antecedент является неодушевленным, исходное локативное употребление и анафора к участнику становятся различимы хуже. Например, в контекстах типа *На стуле лежала кошка, и там же валялся галстук* можно по-разному сформулировать функцию *там* — либо как выражение местоположения, либо как отсылку к существительному *стул*.

В действительности, конечно, различить локативную и «актантную» функции местоимения можно и при неодушевленном antecedенте. Критерием может служить то, что исходное, локативное *там*, несмотря на широкую полисемию, ограничивает соотношение antecedента и предмета, чье расположение фиксируется. В литературном языке употребление *там* невозможно в контексте абстрактного свойства (*у китайских машин плохое качество / низкая скорость*) или составной части (*у этой кастрюли две ручки*). Поэтому локативный контекст (66) полностью допустим, а посессивный (67) сомнителен:

- (66) *У стола стоит стул, но кресла там нет.*

- (67) *#У кастрюли есть крышка, но ручек там нет* (возможно только в локативной интерпретации типа ‘на кастрюле’).

⁵ Ср. нормальное *Да там почти ни у кого нет высшего образования!* — в этом случае свойство ‘не иметь высшего образования’ благодаря отрицательному местоимению *никто* превращается в свойство класса как такового.

⁶ Я благодарен С. С. Саю за указание мне на пример, рассмотренный ниже.

Весьма важны для описания актантного *там* контексты абстрактной характеристики некоторого объекта: в сочетаниях типа у *X-а высокая цена, низкое качество*⁷ и т. д. предложные группы у *X-а* нельзя интерпретировать как локативные. Тем самым, если проверить, встречается ли *там* в этих контекстах, мы получим лишнее подтверждение того, что актантное *там* сочетается с неодушевленными antecedентами. Ответ оказывается положительным: местоимение в контексте абстрактной характеристики употребляется, а значит, и здесь наблюдается актантное употребление. Ср. минимальную пару (68) vs. (69):

(68) *в реале большую часть времени слушаю именно яндекс радио, а там качество средненькое* (<https://forum.ixbt.com/topic.cgi?id=61:2579-116>).

(69) *Почитав отзывы владельцев КТМ про своих индийских коней я осознал, что качество там средненькое...* (https://rnr-soldier.at.ua/blog/last_new_hope_vel/2014-11-19-3).

В (68) употребление *там* вполне можно интерпретировать как метафорическое **локативное**: сайт Яндекс-радио понимается как метафорическое местоположение, а значит, конструкция с *там* означает ‘на Яндекс-радио качество средненькое’. Кроме того, что местоположение здесь не реальное, а метафорическое (‘на волнах радио’), ничем другим (68) не отличается от настоящих локативных контекстов. При этом носителем качества является не сайт, а размещенные на нем записи, то есть ориентир и траектор различаются между собой:

(68’) ‘На этом радио такие записи, у которых среднее качество’.

Напротив, в (69) *индийские кони* (мотоциклы КТМ производства Индии) — это не местоположение, а носитель свойства ‘низкое качество’. Никакого местоположения, даже метафорического, данный контекст не выражает. Речь только об объекте и его свойстве — точно так же, как в рассмотренных ранее примерах с одушевленными объектами типа *Там полное непонимание ситуации*, — то есть перед нами **актантное** употребление. В (70) также видно, что *там* относится к обсуждаемому участнику как носителю свойства, ранее названному словами *это* и *прямой конкурент*:

(70) *Думаю учитывая, что это прямой конкурент Киа Рио, качество там вполне конкурентоспособное* (https://vk.com/wall-82184438_51724).

В то же время примеры (69) и (70) выглядят менее специфически разговорными, чем их аналоги с одушевленными объектами. Эта асимметрия, видимо, унаследована от локативных употреблений, где местоположением легче становятся неодушевленные, чем одушевленные объекты.

3.5. Зачем нужно анафорическое употребление?

Если свойства анафорического употребления отчасти понятны, то труднее понять его место в системе. Действительно, казалось бы, в русском языке те же функции выполняют гораздо более специализированные единицы: местоимения рядов *он* (71) и *тот* (72):

(71) *Вася сказал, что он не виноват.*

(72) *Пете об этом сказали соседи, а тем почтальон.*

⁷ Подробнее о сочетаемости и значении предлога у см. [Вайс 1999].

В частности, в конструкциях свойства предложения с *там* и с *он*, такие как (73) и (74), выглядят синонимичными:

(73) *Да, я его близко знал. Не было там / у него никакого таланта.*

(74) *Ко всему Полин еще и некрофил, мечтающий стать хирургом. Багаж внушающий. Было бы интересно узнать, что там (ср. также возможное у него) в анамнезе, но фильм такой информации не дает* (<https://www.kinopoisk.ru/film/596014/reviews/ord/date/status/all/perpage/10/page/2/>).

Как кажется, можно предложить следующий ответ: функция *там* заключается в том, чтобы понизить важность и индивидуализированность участника, сделав его как бы неодошвенным. Не случайно обычно *там* употребляется при свойствах, оцениваемых отрицательно: *там полное непонимание* звучит лучше, чем *там полное понимание всей ситуации* или *там действительно выдающиеся способности*. *Там* употребляется вместо ряда местоимений *он / она / оно / они* тогда, когда говорящий не считает участника заслуживающим места темы данного отрезка текста. Напротив, если употребляется *он*, то участник, упомянутый напрямую по меньшей мере дважды, становится темой отрывка. Здесь нужно вспомнить, что *там* сомнительно при обозначении людей и объектов из личной сферы говорящего, например родственников. Уместным кажется рассматривать этот процесс не только в стандартных терминах метафоры и метонимии, но и в характерных для подхода Л. Талми [Talmy 1975a; 1975b] терминах фона и фигуры. Если в локативных употреблении фоном являются место, а фигурой — находящиеся там участники и/или происходящие там события, то в актантном употреблении, как кажется, описываемый участник — антецедент *там* — уже является фоном, вместилищем свойств. Сами же свойства имеют статус фигуры.

Такую же деиндивидуализирующую функцию может нести коллективное употребление *там*, ср. примеры вида *В банке я работал недолго — там было полное пренебрежение моими правами*. Если в коллективных контекстах легко возникает метонимия «место — все, кто в нем находится / имеет к нему отношение», то при единичном лице она затруднена. Поэтому требуются дополнительные аргументы.

В русском языке есть и другие средства понижения индивидуальности участника, который кажется говорящему неважным для высказывания. Одной из возможных параллелей этому употреблению является одно из употреблений пассива — его использование при тематичном агенсе, как в (75):

(75) *Какой интересный дядечка и какой строгий, восторженно протянула проводница. Кто он? Великий человек, сказал я. В купе был наведен влажный, сверкающий поря-док* (Ф. Искандер. Море обаяния. 1988).

Часто в пассивных конструкциях агенс несуществен или неизвестен (ср. *Из купе были похищены паспорта и кошелек*). Однако этого нельзя сказать о примере (75). Порядок там наводит проводница, которая упоминается двумя предложениями ранее. Пассив здесь мотивирован тем, что, хотя проводница уже упоминалась, автор не считает, что она заслуживает места основной темы.

Есть и другое, даже более частотное явление литературного языка, близкое по функции нашему *там*: это неопределенно-личные конструкции, используемые для конкретного известного говорящему участника:

(76) *На том конце провода замолчали.*

Опять же, ясно, что вполне может быть известно, с кем субъект разговаривает. Неопределенно-личная конструкция тоже употребляется не из-за низкого коммуникативного статуса субъекта, а из-за высокой тематичности — получается, что упоминать его уже не обязательно. Ситуация с периферийными актантами немного другая: конструкции типа

пассива или неопределенно-личной конструкции не могут обозначать тематичность периферийного посессора. Поэтому сформировалась другая стратегия — без упоминания участника, как будто он не одушевлен и является местом⁸.

Однако есть и другое объяснение. Возможно, *там* отсылает к личной сфере участника, понимаемой довольно абстрактно. Например, *Там максимум ПТУ* звучит лучше, чем *Там дорогая сумка* — в этом смысле *там* выражает сложное целое, состоящее из собственно физического участника, его мыслей, характера и т. д., тогда как у *него* может выражать посессивность в узком смысле. И качества, присутствующие в человеке, метафорически осмысляются как предметы, присутствующие в некотором месте. Не случайно, как мы показали, есть контексты, переходные между ситуационными и отсылающими к участнику, когда речь идет не собственно об одном конкретном человеке, а о его здоровье, текстах или выступлениях и так далее. Чтобы аргументировать это объяснение, приведем пример из обмена комментариями в сети Facebook:

(77) А: Он официальным никогда не был, но некоторые следы пионерско-ленинской романтики есть.

Б: Там еще был Крымнаш. ('Еще одной его чертой было то, что он поддерживал присоединение Крыма').

«Крымнаш», то есть поддержка обсуждаемым лицом присоединения Россией Крыма в 2014 г., безусловно, не является столь же неотъемлемой принадлежностью человека, его определяющим свойством, как ум, талант или логика. Из этого, видимо, вытекает тот факт, что не существует конструкций типа **У него был Крымнаш / социализм / фашизм*, параллельных допустимым *У него был ораторский дар / талант рисовальщика / музыкальные способности / пылливый ум*. Однако *там* употребляется — тем самым, данный пример подтверждает, что местоимение в подобных примерах обозначает не только узко понимаемого человека, но и совокупность предметов и характеристик его личной сферы: взгляды, высказывания и т. д.

В некотором роде путь изменения, который мы наблюдаем в случае *там*, похож на тот, который можно предположить для местоимений образа действия типа *так* или *so*. В их исходном употреблении описывается характеристика некоторой ситуации, например: *Он сказал: «Меня ограбили», но сказал это так*, как будто я его ограбил. Затем значение образа действия размывается, и в употреблении вида *Я так не думаю* или *Так утверждал Парацельс* речь идет уже о конкретном содержании мыслей или высказываний, а не об их дополнительных характеристиках. Центр значения языковой единицы переносится на ту часть семантики высказывания, которая раньше была для этой единицы периферийной.

Возможно, эта метафора зашла бы дальше, и в контекстах с актантным *там* появились бы другие глаголы. По-видимому, причиной того, что этого не происходит, является то, что все остальные лексемы, даже широко распространенные в локативных контекстах (например, *лежать, стоять, валяться, торчать*), хуже, чем *быть*, сочетаются с контекстами метафорическими. В частности, абстрактные объекты (болезнь — *грипп*, ментальные способности — *ум, заскок, психоз*, творческие свойства — *дар, талант, способности*) сочетаются почти исключительно с *быть* (ср. *У него был грипп, У девочки явно были выдающиеся способности* с невозможным **У него лежал грипп, *Там стояли способности*). Поскольку актантное *там* является, видимо, довольно новым употреблением, его сочетаемостные особенности подстраиваются под свойства других переносных употреблений.

⁸ Возможно, с функцией понижения значимости связан отмеченный выше факт плохой сочетаемости актантного *там* с контрастом.

Заключение

Итак, мы проанализировали необычное разговорное употребление местоимения *там*, отсылающее к предметному antecedенту. Как выяснилось, более заметными являются случаи, где *там* относится к одушевленному участнику, хотя и неодушевленные употребления распознаются по сочетаемостным отличиям от локативного *там*.

Мы попытались выяснить, какую роль играет *там* в данной функции в системе местоимений. По нашему предположению, главное его отличие от стандартных анафорических местоимений состоит в том, что *там* деиндивидуализирует, делает как бы безличным определенного единичного участника ситуации. Это происходит в случае, когда участник считается не заслуживающим роли ядерного актанта глагола — он слишком незначителен в глазах говорящего. Механизмом деиндивидуализации становится осмысление участника как метафорического места нахождения тех или иных свойств.

При этом данное употребление *там* не является изолированным в системе употреблений *там*. Оно связано с коллективными употреблениями (раздел 2.3), с ситуационными (раздел 2.5) и с особым типом локативных употреблений, где пространством считается текст и его смысл. Коллектив и ситуация легко представляются как локализация для некоторых свойств, тогда как для подобного представления одного лица или предмета требуются веские причины. А именно, как сказано выше, говорящий понижает участника в статусе и ссылается на него, используя локативное местоимение, если не считает необходимым отсылать к лицу, о котором говорит, как к полноценному участнику и делать его коммуникативно значимым. При этом контексты употребления (как правило, в связочных безглагольных конструкциях) отражают еще и синтаксическую особенность: глагольные (например, переходные) конструкции типа *Он ничего не понимает*, *Он не умеет петь* преобразуются в связочные: *Там полное непонимание ситуации*; *там никаких способностей к пению*.

Наши наблюдения над значениями *там* можно подытожить с помощью следующей семантической карты. Она показывает, что актантное *там* (*там* индивидуального antecedента) связано с тремя разными: с коллективным (в частности, с небольшим коллективным antecedентом типа *семья*), с ситуационным (тогда речь идет вначале о ситуации, связанной с человеком, а затем уже собственно о нем как об индивидуе) и с локативным (с текстами, автором которых является человек). Не очевидно, можно ли выяснить, какая из этих связей является главной. В любом случае наше употребление — не вторичное, а даже третичное: оно происходит из других употреблений, где метафоризация проходит легче (вместилищем свойств становится коллектив, ситуация или текст). В скобках при значениях указаны механизмы их получения.

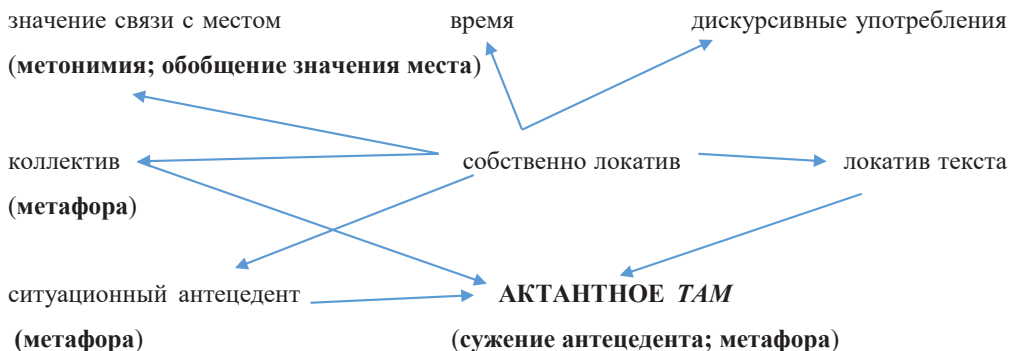

Схема. Семантическая карта связи между значениями местоимения *там*

Функция *там* сближает его с другими способами деиндивидуализации участника — например, с употреблением пассивных и неопределенно-личных конструкций при известном тематичном участнике.

История употребления местоимения *там* напоминает о поставленной Л. Талми [Talmy 1975a; 1975b] проблеме фона и фигуры. В стандартном случае фоном является местоположение, а фигурой — некоторый участник или событие. Однако в производных употреблениях уже событие является фоном, а его участники фигурой. И, далее, фоном — локализацией свойств — становится участник, а фигурами — его конкретные свойства. Именно поэтому происходит деиндивидуализация — участник предстает не как конкретный субъект, а как абстрактная локализация свойств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Ю. Апресян 1986/1995 — Апресян Ю. Д. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира. *Избранные труды*. Т. II. Апресян Ю. Д. М.: Языки славянской культуры, 1995, 272–298. [Apresjan Yu. D. Deixis in lexicon and grammar and the naïve worldview. *Izbrannye trudy*. Vol. 2. Apresjan Yu. D. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 1995, 272–298.]
- В. Апресян 2014 — Апресян В. Ю. Тут, здесь и сейчас. О временных значениях пространственных дейктических слов. *Русский язык в научном освещении*, 2014, 27(1): 9–41. [Apresjan V. Yu. *Tut, zdes' and sejčas*. On the temporal meanings of spatial deictic markers. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2014, 27(1): 9–41.]
- В. Апресян, Шмелев (в печати) — Апресян В. Ю., Шмелев А. Д. Асимметрия «близкого» и «далекого»: темпоральные значения. В печати. [Apresjan V. Yu., Shmelev A. D. The asymmetry of 'proximate' and 'remote': Temporal meanings. In press.]
- Булыгина, Шмелев 1997 — Булыгина Т. В., Шмелев А. Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М.: Школа «Языки русской культуры», 1997. [Bulygina T. V., Shmelev A. D. *Yazykovaya kontseptualizatsiya mira (na materiale russkoi grammatiki)* [Linguistic conceptualization of the world (based on the material of Russian grammar)]. Moscow: Shkola «Yazyki Russkoi Kul'tury», 1997.]
- Вайс 1999 — Вайс Д. Об одном предлоге, сделавшем блестящую карьеру (Вопрос о возможном агентивном значении модели «у+имя род»). *Типология и теория языка: от описания к объяснению*. Рахилина Е. В., Тестелец Я. Г. (ред.). М.: Языки русской культуры, 1999, 173–186. [Weiss D. A preposition that made a brilliant career: On a possible agentive meaning of the pattern “u + genitive noun”] Rakhilina E. V., Testelecs Ya. G. (eds.). *Tipologiya i teoriya yazyka: ot opisaniya k ob'yasneniyu* [Typology and language theory: From description to explanation.] Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1999, 173–186.]
- Гилярова 2010 — Гилярова К. А. Такая девочка-девочка. Семантика редупликации существительных в русской разговорной речи и языке интернета. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2010, 9(16): 90–96. [Gilyarova K. A. *Such a girl-girl*. Semantics of noun reduplication in colloquial and internet Russian. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. “Dialogue”*, 2010, 9(16): 90–96.]
- Зарифьян 2016 — Зарифьян М. С. Семантическая симметрия и асимметрия дейктических наречий *тут* и *там*. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной Международной конференции «Диалог»*, 2016, «Статьи, публикуемые на сайте». [Zarifyan M. S. Semantic symmetry and asymmetry of Russian deictic adverbs *tut* 'here' and *tam* 'there' (corpora research). *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. “Dialogue”*, 2016, online articles.] <http://www.dialog-21.ru/media/3459/zarifyanms.pdf>.
- Летучий 2010 — Летучий А. Б. Три случая промежуточной переходности глаголов в русском языке и типология переходности. *Acta linguistica Petropolitana.*, 2010, т. VI, ч. 3: 101–108. [Letuchy A. B. Three cases of intermediate transitivity of Russian verbs and the typology of transitivity. *Acta linguistica Petropolitana*, 2010, vol. VI, part 3: 101–108.]
- Ляшевская 2008 — Ляшевская О. Н. Топологические классы имен в семантической разметке Национального корпуса русского языка. *Корпусная лингвистика — 2008. Труды международной*

- конференции. СПб.: СПбГУ, 2008, 276–283. [Lyashevskaja O. N. Topological classes of nouns in semantic tagging of Russian National Corpus. *Korpusnaya lingvistika* — 2008. *Trudy mezhdunarodnoi konferentsii* St. Petersburg: St. Petersburg State Univ., 2008, 276–283.]
- НКРЯ — Национальный корпус русского языка [Russian National Corpus]. <http://www.ruscorpora.ru>.
- Рахилина 2000 — Рахилина Е. В. *Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость*. М.: Русские словари, 2000. [Rakhilina E. V. *Kognitivnyi analiz predmetnykh imen: semantika i sochetayemost'* [Cognitive analysis of concrete object nouns: Semantics and combinational properties]. Moscow: Russkie Slovarei, 2000.]
- Соколова 2007 — Соколова С. В. *Динамические процессы в системе местоименных слов современного русского языка*. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М.: МГУ, 2007. [Sokolova S. V. *Dinamicheskie protsessy v sisteme mestoimennykh slov sovremennogo russkogo yazyka* [Dynamic processes in the system of pronominal words in modern Russian]. Ph.D. diss. abstract. Moscow: Moscow State Univ., 2007.]
- Соколова, Макарова 2011 — Соколова С. В., Макарова А. Б. Что-то как-то непонятно: типология контекстов дискурсивного употребления местоимений. Материалы к докладу на конференции «Русский язык: конструкционные и лексико-семантические подходы» (Санкт-Петербург, 2011). [Sokolova S. V., Makarova A. B. It is somewhat unclear: A typology of discourse use of pronouns. Handout at the conf. “Russian: Constructional and lexical-semantic approaches” (St. Petersburg, 2011).]
- Шмелев 2007 — Шмелев А. Д. Частица *там* как маркер «несущественной детали». *Язык как материя смысла: Сб. статей к 90-летию акад. Н. Ю. Шведовой*. Ляпон М. В. (отв. ред.). М.: Азбуковник, 2007, 208–218. [Shmelev A. D. Russian particle *tam* as a marker of “irrelevant detail”. *Yazyk kak materiya smysla: Sbornik statei k 90-letiyu akademika N. Yu. Shvedovoi*. Moscow: Azbukovnik, 2007, 208–218.]
- Fauconnier, Turner 2008 — Fauconnier G., Turner M. Rethinking metaphor. *The Cambridge handbook of metaphor and thought*. Gibbs R. W. (ed.). Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2008, 53–66.
- König 2012 — König E. Le rôle des déictiques de manière dans le cadre d’une typologie de la deixis. *Bulletin de la Société de Linguistique de Paris*, 2012, 107(1): 11–42.
- Makarova, Nessel 2013 — Makarova A., Nessel T. Space-time asymmetries: Russian *v* ‘in(to)’ and the North Slavic temporal adverbial continuum. *Russian Linguistics*, 2013, 37: 317–345.
- Talmy 1975a — Talmy L. Semantics and syntax of motion. *Syntax and semantics*, No. 4. Kimball J. (ed.). New York: Academic Press, 1975, 181–238.
- Talmy 1975b — Talmy L. Figure and ground in complex sentences. *Proc. of the First Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society*. Cogen C., Thompson H., Thurgood G., Whistler K., Wright J. (eds.). Berkeley: Univ. of California, 1975, 419–430.
- Turner 1993 — Turner M. An image-schematic constraint on metaphor. *Conceptualizations and mental processing in language*. Geiger R. A., Rudzka-Ostyn B. (eds.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1993, 291–306.

Имперфективируемость русских приставочных перфективов: регулярность и специфика

Елена Викторовна Горбова^{а, @}

Оксана Юрьевна Чуйкова^а

© 2021

Софья Сергеевна Шарыгина^б

^аРоссийский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, Санкт-Петербург, Россия; elena-gorbova@yandex.ru; ^бСанкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия

Аннотация: В статье изложены результаты исследования имперфективируемости (способности к суффиксальной имперфективации) русских приставочных глаголов совершенного вида, перечень которых был составлен по Малому академическому словарю (МАС). Каждой моносемичной перфективной лексеме выборки ставился в соответствие ее имперфективный коррелят (НСВ₂) по трем источникам: МАС, Национальному корпусу русского языка (НКРЯ), выдачам поисковых систем Яндекс и Google. Было установлено, что средний уровень имперфективируемости русских приставочных глаголов лежит в диапазоне от 77 % (по данным МАС) до 92 % (с учетом неконвенциональных глаголов, обнаруженных в НКРЯ и Рунете) по максимальным выборкам и от 80 % до 94 % — по минимальным. Таким образом, даже в рамках нормативного словаря суффиксальная имперфективация отвечает предъявляемому к словоизменительной категории требованию регулярности, а с учетом корпусных данных и данных Рунета соответствие требованию регулярности становится очевидным. Помимо оценки общего уровня имперфективируемости в работе анализируется специфика суффиксальной имперфективации различных по происхождению специализированных подмножеств глаголов в рамках приставочных групп. В качестве таких подмножеств рассматриваются отыменные (включая отадвербиальные), отперфективные глаголы, глаголы на *-и(зи)рывать*, глаголы, относящиеся к морфемно характеризованным способам действия, и глаголы с суффиксом *-(а)ну-*. Полученные результаты в своей совокупности подтверждают описательную адекватность двухкомпонентной теоретической модели русского вида, трактующей вид как словоизменительную категорию с единственным механизмом формообразования — суффиксальной имперфективацией — в рамках сферы действия, ограниченной приставочными глаголами (первый компонент), и с акциональностью как основой и объяснением имперфективного (реже — перфективного) функционирования глаголов-симплексов (второй компонент).

Ключевые слова: аспект, вид, имперфективация, интернет, корпусная лингвистика, префиксальный перфектив, русский язык, словоизменение глагола

Благодарности: Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-012-00143 «Суффиксальная имперфективация приставочных перфективов в современном русском языке».

Для цитирования: Горбова Е. В., Чуйкова О. Ю., Шарыгина С. С. Имперфективируемость русских приставочных перфективов: регулярность и специфика. *Вопросы языкознания*, 2021, 4: 91–130.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.4.91-130

Imperfectivability of Russian prefixal perfectives: Regularity and peculiarities

Elena V. Gorbova^{a, @}
Oksana Iu. Chuikova^a
Sofia S. Sharygina^b

^a Herzen State Pedagogical University of Russia, St. Petersburg, Russia; elena-gorbova@yandex.ru;

^b Saint Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

Abstract: The article provides the results of the study of the imperfectivability (the possibility of suffixal imperfectivation) of Russian prefixed verbs listed according to the *Dictionary of the Russian Language*. Each monosemic lexeme from the sample was aligned with its imperfective correlate (IPFV2) according to three sources: Yevgenieva's dictionary, Russian National Corpus (ruscorpora.ru), Google and Yandex Search Engine Results pages (Runet). The results revealed that the average level of the imperfectivability of Russian prefixed verbs rounded to integers lies in the range of 77 % (according to the dictionary data) to 92 % (when taking into account unconventional IPFV2s encountered in RNC and the Russian-language Internet) according to maximal samples, while the minimal samples demonstrated a 80 % to 94 % average imperfectivability level. Thus, the suffixal imperfectivation meets the requirement of regularity of an inflectional category even on the level of a normative dictionary. Moreover, when the RNC and Runet data are also considered, the compliance with the regularity requirement becomes obvious. In addition to assessing the average level of imperfectivability, the paper describes suffixal imperfectivation of specialized subcategories of verbs within prefixal groups, such as denominatives, perfectives formed from perfective simplex stems, verbs ending in *-i(zi)rovat'*, morphologically marked Aktionsarten and verbs with the suffix *-(a)nu-*. The acquired results confirm descriptive adequacy of the two-component model of Russian aspect. According to this model, aspect is an inflectional category realized exclusively through suffixal imperfectivation and limited to prefixal verbs (the first component), while actionality is the foundation and explanation for imperfective (and, less frequently, perfective) functioning of simplex verbs (the second component).

Keywords: aspect, corpus linguistics, imperfectivization, internet, prefixed perfective, Russian, verbal inflection.

Acknowledgements: The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 19-012-00143 "Suffixal imperfectivation of prefixal perfective verbs in modern Russian".

For citation: Gorbova E. V., Chuikova O. Iu., Sharygina S. S. Imperfectivability of Russian prefixal perfectives: regularity and peculiarities. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 4: 91–130.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.4.91-130

1. Общая характеристика исследования

1.1. Методика, цель и задачи

Исследовательский проект, результаты которого представлены в статье, посвящен изучению имперфективируемости, или способности к суффиксальной имперфективации, русских приставочных глаголов совершенного вида (СВ, перфективов) с синхронно выделяемыми префиксами-перфективаторами, являющихся приставочными дериватами от исходных глаголов-симплексов. Перечень приставочных перфективов — моносемичных перфективных лексем¹ — получен методом сплошной выборки по Малому академическому

¹ Лексема понимается как «слово, рассматриваемое в одном из имеющихся у него значений» [Апрес-ян 2006: 55].

словарю [МАС]. Каждой лексеме выборки ставился в соответствие ее суффиксальный имперфективный коррелят (вторичный имперфектив — НСВ₂) по трем источникам: МАС, НКРЯ, выдачам поисковых систем Яндекс и Google (далее — Гугл). Основная цель проекта — установление уровня регулярности образования от префигированных перфективов имперфективных коррелятов (конвенциональных, т. е. «словарных», и неконвенциональных), образуемых при помощи суффиксов-имперфективаторов *-(ы/и)ва-* и *-а-*.

При реализации проекта был использован расширенный вариант методики изучения видовой соотносительности приставочных перфективов В. С. Храковского, примененной для анализа так называемых *про*-глаголов (глаголов с префиксом *про-*) в [Храковский 2018]. Расширенный (введением в круг источников языкового материала НКРЯ и Рунета) вариант данной методики впервые был реализован в [Горбова 2019в].

В [Храковский 2018] видовая соотносительность понимается как фиксация наличия в словаре НСВ₂ для глаголов (точнее, глагольных моносемичных лексем) СВ с приставкой *про-*, например *прогуливать* для *прогулять*. Источник материала — МАС, из которого методом сплошной выборки извлекались *про*-глаголы СВ и НСВ₂ и учитывалось словарное решение об их видовой соотносительности с последующим подсчетом соотносительных и несоотносительных по виду лексем. Затем определялась доля перфективных лексем на *про-*, соотносенных с НСВ₂, от общего количества *про*-перфективов.

В рамках нашего проекта работа предполагала следующие этапы:

1. Создание по МАС исчерпывающего перечня моносемичных лексем префигированных перфективов с каждой из приставок-перфективаторов (см. 1.3);
2. Фиксация наличия НСВ₂ для префигированных перфективов в МАС (полексемно);
3. При их отсутствии в МАС — поиск гипотетических форм НСВ₂ в НКРЯ и Рунете (через Яндекс и/или Гугл);
4. Создание баз данных видовой соотносительности и коллекций выборок префигированных глаголов для каждого префикса в отдельности;
5. Определение уровня видовой соотносительности для приставочных перфективов в каждой базе данных по трем источникам: МАС, совместно МАС и НКРЯ, совместно МАС и Рунет;
6. Выделение в приставочных группах (далее — ПГ) подмножеств: отыменных образований, отперфективных перфективов, глаголов на *-и(зи)рывать*, способов действия (далее — СД; в случаях, когда префикс является формантом или частью форманта СД) в целях анализа особенностей их имперфективации;
7. Формирование коллекций выборок, в число которых входят максимальная (исходная выборка без отыменных — *тах*-выборка) и минимальная (*тах*-выборка за вычетом отперфективных, глаголов на *-и(зи)рывать*, СД; далее — *min*-выборка);
8. Общая оценка регулярности суффиксальной имперфективации приставочных перфективов на основе количественных данных по всем ПГ.

1.2. Теоретическая модель

Используемая в исследовательском проекте теоретическая модель русского вида изложена в [Горбова 2019а]. Модель является двухкомпонентной в смысле [Smith 1997; Смит 1998]. Один из ее компонентов (главный) имеет словоизменительный характер. Он основан на морфологическом механизме суффиксации и обладает ограниченной сферой действия, распространяясь только на приставочные глаголы. Второй компонент — акциональность глагольной лексики, или лексический вид. Он характеризует глаголы в терминах состояний, (не)предельных процессов, событий и т. п. и обладает максимально широкой сферой действия. Первый компонент принадлежит области явной грамматики (имеет показатели)

и является основным. Именно он обеспечивает русскому виду характер словоизменительной грамматической категории. Второй относится к области скрытой грамматики (не имеет показателей), однако значим для грамматики явной, а также оказывается весьма существенным фактором в аспектуальной характеристике по (им)перфективности для глаголов, остающихся за пределами сферы действия первого компонента — словоизменительного.

Сфера действия вида как словоизменения в предлагаемой модели оказывается более узкой, чем в традиционной, трактующей русский вид как (слово)классифицирующую категорию. Словоизменением охвачены исключительно префигированные перфективы и образованные от них суффиксацией (показатели *-(u/ы)ва-*, реже *-а-*) вторичные имперфективы: СВ ~ НСВ₂ (случаи типа *при-от-кры-ть*^{СВ} ~ *при-от-кры-ва-ть*^{НСВ₂}).

Префигированные перфективы как производные от симплексов дериваты преимущественно являются результатом телесизирующего воздействия префиксов-ограничителей — показателей одной из граммем вторичного аспекта по [Плунгян 2011: 401]. Поскольку при суффиксальной имперфективации префикс наследуется от перфектива, лексическая семантика в рамках данного морфологического механизма оказывается незатронутой. Суффикс привносит в словоформу исключительно грамматическую семантику имперфектива: итеративности (многократности) либо дуративности (в окне наблюдения — срединная стадия единичной ситуации [Там же: 394]). Перфектив и образуемый от него имперфектив признаются аспектуальными формами одной лексемы, а соответствующий морфологический механизм — основным механизмом видообразования.

Если верна гипотеза о том, что суффиксальная имперфективация префигированных глаголов является регулярной, верификации чего и был посвящен наш проект, конечным выводом будет следующее: в рамках данной сферы действия категория вида — типичная словоизменительная грамматическая категория, обладающая свойствами обязательности и регулярности.

Вся остальная глагольная лексика (моноаспективы и биаспективы различной деривационной природы) остается за пределами словоизменительного вида. Ее функционирование определяется взаимодействием акциональности глагольной лексемы, второго компонента модели, с синтагматическим и парадигматическим контекстом, определяющим аспектуальное значение глагола в высказывании (типология контекста из [Горбова 2017]).

1.3. Обоснование перечня приставочных групп глаголов как объекта анализа

Перечень префиксов (приставок) глаголов СВ и, соответственно, набор ПГ объекта исследования был сформирован по результатам более раннего исследования [Горбова 2015], реализованного на базе НКРЯ и посвященного изучению диахронии вторичной имперфективации. Запрос в основном корпусе НКРЯ одновременно включал в себя следующие признаки: глагол, НСВ, наличие приставки. Поскольку НСВ₂ образуется исключительно от префигированного перфектива, полученный в выдаче набор префиксов выявляет ПГ, подверженные вторичной имперфективации.

Полученный перечень префиксов насчитывает 21 единицу: *в(о)-*, *в(о)з(о)/с-*, *вы-*, *до-*, *за-*, *из(о)/ис-*, *на-*, *над(о)-*, *недо-*, *о-/об(о)-*, *от(о)-*, *пере-*, *по-*, *под(о)-*, *пре-*, *пред(о)-*, *при-*, *про-*, *раз(о)/с-*, *с(о)-*, *у-* (при раздельном рассмотрении *о-* и *об(о)-* — 22). Он отличается от списка префиксальных маркеров естественных перфективов в рамках концепции видовых гнезд Л. Янды [Janda, Korba 2008] наличием следующих пяти единиц: *до-*, *над(о)-*, *недо-*, *пре-*, *пред(о)-*, а от ряда тех префиксов, которые участвуют в глагольной деривации и видообразовании по мнению Анны Зализняк (со ссылкой на С. И. Карцевского и А. В. Исаченко), на три единицы: *недо-*, *пре-* и *пред(о)-* [Zalizniak 2017].

Прокомментируем последнее отличие как наиболее значимое, поскольку префиксы *пре-*, *пред(о)-* и *недо-* составляют в упомянутых перечнях общую часть. В [Zalizniak 2017: 4] префикс *недо-* не комментируется, а *пре-* и *пред(о)-* отмечены как не подпадающие под сформулированный в работе «закон перфективации», в соответствии с которым «каждый глагол, образованный в результате префиксации и не подвергшийся последующей имперфективации, является перфективным»² [Ibid.: 3]. Эти префиксы, обозначенные как старославянские кальки с латыни, наряду с *противо-* и *со-* входят во вторую группу исключений из этого закона: «Church Slavonic prefixes *пре-*, *пред-*, *противо-* and *со-* (cf.: *предстоять*, *предчувствовать*, *предшествовать*, *преобладать*, *преследовать*, *противоречить*, *противодействовать*, *содействовать*, *содержать*, *сознать*, *созерцать*, *состоять*, *сострадать* etc.). Most of them are loan translations from Latin» [Ibid.: 4]. Между тем наш материал (сплошная выборка по MAC префигированных глаголов со словарной пометой — СВ) показывает, что и среди *пре-*, и среди *пред(о)-*, и среди *недо-* глаголов перфективы имеются, и суффиксальной имперфективации они подвергаются, см. табл. 1.

Таблица 1

**Количество, деривационная история и моно/полипрефиксальность
пре-, *пред(о)-* и *недо-* глаголов**

	MAX	% HCB ₂ _{max}	% HCB ₂ _{min}	СВ от СВ	% СВ от СВ	поли-префикс.	% поли-префикс.	% СВ от HCB	% моно-префикс.
<i>недо-</i>	51	100	88,24	9	17,65	8	15,68	82,35	84,32
<i>пре-</i>	71	98,59	97,18	24	33,8	23	32,34	66,2	67,66
<i>пред(о)-</i>	27	100	100	35	59,32	29	49,15	40,68	59,32
Среднее	49,67	99,53	95,14	22,67	36,92	20,00	32,39	63,08	70,43

Итак: а) перфективы с этими префиксами имеются (см. столбец «MAX» с абсолютными цифрами по тах-выборкам), б) среди перфективов с этими тремя префиксами значителен удельный вес как отперфективных дериватов (см. столбец «% СВ от СВ») — от 17,65 до 59,32 %, так и полипрефиксальных глаголов (см. столбец «% полипрефиксальных») — от 15,68 % до 49,15 %. При этом наибольшей склонностью к отперфективной деривации и полипрефиксальности отличаются *пред(о)-* перфективы.

В то же время: 1) в каждой из трех групп присутствуют образования неотперфективные (дериваты от имперфективов типа *недо-братъ*, *пре-клонить*, *пред-писать*); в группах *недо-* и *пре-* перфективов они преобладают (см. столбец «% СВ от HCB»); 2) в каждой из трех групп наличествуют монопрефиксальные дериваты (см. примеры выше) и они преобладают над полипрефиксальными (*недо-о-ценить*, *пре-воз-мочь*, *пред-на-чертать*), см. столбец «% монопрефиксальных»); 3) перфективы каждой из трех групп имперфективируются, причем с высоким уровнем регулярности (столбцы «% HCB₂ max», т. е. HCB₂ в MAC + Гул/Яндекс, и «% HCB₂ min», т. е. HCB₂ в MAC, см. табл. 1, а также табл. 2 ниже).

Приведенные данные и наблюдения дают основания полагать, что префиксы *недо-*, *пре-* и *пред(о)-* участвуют в приставочной деривации перфективов на общих основаниях, на следующем шаге включаясь в регулярный процесс суффиксальной имперфективации.

Принимая во внимание полученные данные и то обстоятельство, что перечень глагольных префиксов (21 единица) был получен эмпирическим путем в ходе корпусного исследования вторичной имперфективации префигированных перфективов, а также прошел

² «Perfectivization Law: Every verb that has been created by prefixation and has not undergone the subsequent imperfectivization is perfective».

апробацию, использовался в литературе и был назван в [Храковский 2015] «списком Янды-Горбовой», он был использован в рамках нашего проекта.

1.4. Коллекции выборок

Для каждой ПГ была создана коллекция выборок³, состоящая из:

1. Отыменной (не входит в тах-выборку);
2. Мах-выборки (исходная по МАС за вычетом отыменных; здесь мы следуем за решением из [Храковский 2018] об исключении отыменных глаголов из анализа, см. 2.3.1);
3. Специализированных (отперфективные глаголы, глаголы на *-и(зи)ровать*, СД);
4. Редуцированных (тах-выборка за вычетом каждой из специализированных по отдельности);
5. Min-выборки (равна максимальной за вычетом всех специализированных в совокупности).

Также были созданы выборки дериватов глаголов движения и глаголов с формантом *-(а)ну-*. Последние обсуждаются отдельно (см. раздел 2.3.5), однако следует иметь в виду, что оба указанных подмножества в min-выборках присутствуют.

2. Результаты исследования

2.1. Общие сведения

Табл. 2. (с. 97) представляет общие результаты, полученные нами в ходе исследования имперфективности ПГ⁴ русских глаголов.

Поясним устройство таблицы 2. 1-й столбец содержит префиксы, расположенные в алфавитном порядке. Далее (с совпадением заголовков) чередуются столбцы с данными по тах- и min-выборкам, которые различаются цветом заливки и названием выборок в последней строке (обзор выборок см. в 1.4; отметим, что различие данных тах- и min-выборки подтверждает влияние на общую картину особых групп глаголов, названных выше специализированными выборками). Столбцы, озаглавленные «в МАС», «в НКРЯ» и «в Гугл/Яндекс», содержат абсолютные количества префигированных форм НСВ₂ в соответствии с обозначенным источником языкового материала (уточним: «в НКРЯ» и «в Гугл/Яндекс» — это суммы количества НСВ₂ в МАС и НКРЯ и НСВ₂ в МАС и Рунете соответственно). Столбцы, озаглавленные «% в МАС», «% в НКРЯ» и «% в Гугл/Яндекс» содержат относительные количества. Строка «среднее» содержит среднее арифметическое по каждому столбцу, т. е. по 21 ПГ. Первая строка таблицы читается так: количество вторичных имперфективов с префиксом *в(о)-* по МАС в тах-выборке — 338 (92,6 % от всех *в(о)-*перфективов), в min-выборке — 289 (92,63 %); с учетом материала из НКРЯ: в тах-выборке — 351 (96,16 %), в min-выборке — 301 (97,46 %); с учетом материала из Рунета: в тах-выборке — 357 (97,81 %), в min-выборке — 305 (97,76 %). Заливка в этой и последующих таблицах служит исключительно для облегчения визуализации количественных данных.

³ В рамках пилотного исследования на материале *про-* и *у-*глаголов [Горбова 2019в] было замечено, что отдельные подгруппы приставочных перфективов обнаруживают большую или меньшую регулярность суффиксальной имперфективации. Именно по этой причине такие подмножества (отыменные, «отперфективные», дериваты от глаголов на *-и(зи)ровать* и т. п.) выделялись и анализировались отдельно, в целях верификации гипотез, связывающих специфику этих глагольных групп и регулярность суффиксальной имперфективации входящих в них глаголов.

⁴ В неоднозначных случаях наличие приставки определялось с опорой на [Кузнецова, Ефремова 1986].

Табл. 2 показывает, что уровень имперфективируемости приставочных глаголов при округлении до целых лежит в диапазоне от 77 % (через 83 %) до 92 % по тах-выборкам и от 80 % (через 87 %) до 94 % по min-выборкам (средние значения по всему объему материала, т. е. по 21 ПГ). Первые значения в каждом диапазоне (77 % и 80 %) соответствуют имперфективируемости, зафиксированной непосредственно в МАС, т. е. это конвенциональные НСВ₂, признанные словарем видовыми коррелятами для приставочных перфективов. Тем самым даже в рамках нормативного словаря суффиксальная имперфективация отвечает требованию регулярности словоизменительной категории по А. А. Зализняку, согласно которому необходимо, чтобы морфосинтаксическим механизмом были охвачены «все словоформы класса <...> (или по крайней мере подавляющее их большинство)» [Зализняк 2002: 25–26] (имеется в виду класс языковых единиц, равный сфере действия категории). Далее, средние значения (83 % и 87 %) суммарно дают НСВ₂ по МАС и по НКРЯ, а третьи (92 % и 94 %) — уровень имперфективируемости по сумме НСВ₂ из МАС и найденных в Рунете. Таким образом, при привлечении неконвенциональных, однако обнаруживаемых в НКРЯ и Рунете НСВ₂ уровень имперфективируемости вырастает, приближаясь к тотальному: в среднем 92 % по тах-выборкам и 94 % — по min-выборкам, достигая 100 % в двух случаях (*недо-* и *пред(о)-*глаголы) по тах-выборке и в четырех случаях (*до-*, *недо-*, *пре-* и *пред(о)-*глаголы) — по min-выборкам, что хорошо видно по табл. 3.

Таблица 3

**Имперфективируемость приставочных глаголов
(min-выборки, сортировка по возрастанию НСВ₂ в МАС и Гугл/Яндекс суммарно)**

	в МАС	% в МАС	в НКРЯ	% в НКРЯ	в Гугл/ Яндекс	% в Гугл/ Яндекс
<i>по-</i>	253	31,12	354	43,54	561	69
<i>из(о)-ис-</i>	358	68,32	400	76,33	453	86,45
<i>на-</i>	549	70,02	603	76,91	697	88,9
<i>с(о)-</i>	1040	75,2	1094	78,1	1257	90,89
<i>в(о)з(о)/с-</i>	250	66,11	288	76,19	344	91
<i>про-</i>	629	68,82	708	77,46	839	91,8
<i>за-</i>	1078	76,95	1177	84,01	1299	92,72
<i>вы-</i>	777	82,92	849	90,60	889	94,87
<i>пере-</i>	415	81,21	454	88,85	485	94,91
<i>от(о)-</i>	692	85,64	734	90,84	770	95,3
<i>о-/об(о)-</i>	1073	80,86	1158	87,26	1256	95,48
<i>у-</i>	778	85,87	801	88,41	875	96,58
<i>в(о)-</i>	289	92,63	301	96,47	305	97,76
<i>над(о)-</i>	39	86,66	45	100	44	97,77
<i>под(о)-</i>	406	95,53	418	98,35	418	98,35
<i>раз(о)-/рас-</i>	877	89,86	926	94,88	962	98,56
<i>при-</i>	544	90,97	571	95,49	593	99,16
<i>до-</i>	96	93,2	97	94,17	103	100
<i>недо-</i>	37	88,09	41	97,62	42	100
<i>пред(о)-</i>	24	100	24	100	24	100
<i>пре-</i>	46	97,87	47	100	47	100
Среднее	488,10	80,37	528,10	87,24	583,95	94,26

2.2. Полисемия и имперфективируемость

Одним из вопросов, возникающих при изучении имперфективируемости префигированных перфективов, является вопрос о корреляции между степенью полисемии в ПГ, выраженной индексом полисемичности, и уровнем имперфективируемости. Индексом полисемичности назовем отношение количества лексем к количеству вокабул.

Таблица 4

Полисемия в приставочных группах русского глагола

	вокабулы	лексемы	индекс полисемичности
<i>недо-</i>	44	51	1,16
<i>до-</i>	301	402	1,34
<i>из(о)-/ис-</i>	419	568	1,36
<i>по-</i>	1287	1748	1,36
<i>в(о)з(о)/с-</i>	344	475	1,38
<i>над(о)-</i>	34	47	1,38
<i>за-</i>	1449	2097	1,45
<i>в(о)-</i>	235	365	1,55
<i>о-/об(о)-</i>	934	1463	1,57
<i>на-</i>	892	1462	1,64
<i>вы-</i>	616	1019	1,65
<i>при-</i>	502	827	1,65
<i>пре-</i>	42	71	1,69
<i>под(о)-</i>	408	704	1,73
<i>пере-</i>	711	1240	1,74
<i>пред(о)-</i>	34	59	1,74
<i>раз(о)-/рас-</i>	835	1467	1,76
<i>от(о)-</i>	613	1088	1,78
<i>у-</i>	547	986	1,8
<i>про-</i>	773	1407	1,82
<i>с(о)-</i>	800	1592	1,99
Среднее	562,86	911,33	1,60

Прежде чем перейти к обсуждению представленных в табл. 4 данных, поясним и проиллюстрируем принципы работы с лексической семантикой. Поскольку источником для создания баз данных приставочных глаголов послужил МАС, разбивка на лексемы в точности соответствует выделенным в МАС значениям многозначного слова (вокабулы). Поиск НСВ₂ в НКРЯ и/или Рунете был нацелен именно на конкретную семантику приставочного перфектива как лексемы. Например, в МАС имеется вокабула *провонять* с двумя лексемами: 1. ‘Пропитаться неприятным запахом, стать вонючим’, 2. ‘Наполнить, пропитать неприятным запахом’. Обе лексемы не имеют НСВ₂ в МАС, однако обращение к НКРЯ

и Рунету позволило у каждой из них зафиксировать имперфективные формы (идентификация лексем осуществлялась авторами проекта), см. (1), (2).

- (1) *Вообще экипа nexus 1000 разочаровал пожелтением непонятным, как будто изнутри. А также своей вонючестью — на второй тренировке стал пахнуть, причем свитер тоже стал прованивать от него* (<https://icehockey360.ru>);
- (2) *Отправил шатающегося Мурзика на кухню — нечего мой диван своими мазями прованивать* [Елена Хаецкая. Синие стрекозы Вавилона / Обретение Энкиду (1997)].

Как видим, индекс полисемичности варьирует от 1,16 (*недо*-глаголы) до 1,99 (*со*(о)-глаголы), причем именно эти две полярные ПГ в наибольшей степени (на 0,17 в обоих случаях) отличаются от своих соседей. Выделим три диапазона ПГ по уровню полисемичности: низкий (1,16–1,38), средний (1,45–1,69) и высокий (1,73–1,99) уровень. Поскольку в литературе [Храковский 2018: 112–114] представлены наблюдения об отсутствии имперфективации у части лексем полисемичных вокабул, что естественным образом снижает уровень полексемно определенной имперфективированности, рабочей гипотезой являлось предположение о наличии обратной корреляции: чем выше в ПГ уровень полисемии, тем ниже уровень имперфективированности. Отметим, что именно для контроля данного фактора за основную единицу в рамках исследования принималась моносемичная лексема, а не полисемичная вокабула. Однако если сопоставить ранжированный по возрастанию индекса полисемичности перечень ПГ как с ранжированной по возрастанию имперфективированности *max*-выборкой (см. столбец «% Гугл/Яндекс» табл. 5, с. 101), так и с точно так же ранжированной *min*-выборкой, мы увидим, что попарные (не)совпадения (визуализированы цветом заливки) по двум перечням таковы: 6 на 15 и 8 на 13 соответственно.

Более частные наблюдения: из четырех ПГ со стопроцентной имперфективированностью по *min*-выборкам (*до*-, *недо*-, *пре*- и *пред*(о)-глаголы) только две (*недо*- и *до*-глаголы) имеют минимальное (и близкое к минимуму) значение индекса полисемичности (1,16 и 1,34), а еще две (*пре*- и *пред*(о)-глаголы) обладают скорее высокими значениями индекса (1,69 и 1,74). И напротив, *у*-глаголы с высоким индексом полисемичности (1,8) одновременно показывают высокий уровень имперфективированности (96,58 % по *min*-выборке).

Таким образом, гипотеза о корреляции между уровнем полисемии и степенью имперфективированности подтверждения на нашем материале не находит: степень полисемичности не оказывает сколько-нибудь существенного влияния на уровень имперфективированности.

2.3. Имперфективированность различных по происхождению подмножеств приставочных глаголов

Обратимся к выявленной зависимости имперфективированности префигурированного перфектива от его деривационной истории. Полученные данные дают основание говорить о том, что отыменность, «отперфективность» (образование приставочного перфектива от другого перфектива), образование от бесприставочного глагола с формативом *-и(зи)рова-* оказывают влияние на имперфективированность приставочного деривата. Рассмотрим эти случаи.

2.3.1. Имперфективированность отыменных приставочных перфективов

Приставочные перфективы отыменного происхождения, полученные на последнем шаге деривации от производящей именной основы (или, при неизбежном расширении понятия «отыменность», от адвербиальной основы), не вошли в основной корпус

Таблица 5

Сопоставление перечня приставочных групп, ранжированных по индексу полисемичности, с тах- и мип-выборками, ранжированными по уровню имперфективизуемости (для МАС и Гугл/Яндекс суммарно)

Мах-выборка	% в Гугл/ Яндекс	Мип-выборка	% в Гугл/ Яндекс	вокабулы	лексемы	индекс полисемичности
по-	65,5	по-	69	недо-	51	1,16
за-	80,01	из(о)-/ис-	86,45	до-	402	1,34
про-	80,6	на-	88,9	из(о)-/ис-	568	1,36
из(о)-/ис-	85,05	с(о)-	90,89	по-	1748	1,36
на-	85,09	в(о)з(о)/с-	91	в(о)з(о)/с-	475	1,38
от(о)-	86,67	про-	91,8	над(о)-	47	1,38
с(о)-	88,69	за-	92,72	за-	2097	1,45
в(о)з(о)/с-	90,94	вы-	94,87	в(о)-	365	1,55
пере-	93,71	пере-	94,91	о-/об(о)-	1463	1,57
о-/об(о)-	95,01	от(о)-	95,3	на-	1462	1,64
вы-	95,19	о-/об(о)-	95,48	вы-	1019	1,65
раз(о)-/рас-	96,25	у-	96,58	при-	827	1,65
у-	96,35	в(о)-	97,76	пре-	71	1,69
в(о)-	97,81	над(о)-	97,77	под(о)-	704	1,73
под(о)-	97,87	под(о)-	98,35	пере-	1240	1,74
над(о)-	97,87	раз(о)-/рас-	98,56	пред(о)-	59	1,74
до-	98,01	при-	99,16	раз(о)-/рас-	1467	1,76
пре-	98,59	до-	100	от(о)-	1088	1,78
при-	98,79	недо-	100	у-	986	1,8
недо-	100	пре-	100	про-	1407	1,82
пред(о)-	100	пред(о)-	100	с(о)-	1592	1,99
	91,81		94,26	Среднее	562,86	1,60
					911,33	

Таблица 6

**Отыменные приставочные перфективы,
ранжированные по их доле в исходной выборке**

	в МАС	% в МАС	в НКРЯ	% в НКРЯ	в Гугл/ Яндекс	% в Гугл/ Яндекс	Кол-во	Доля в ис- ходной выборке
<i>до-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>недо-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>пред(о)-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>в(о)з(о)/с-</i>	1	50	1	50	2	100	2	0,42
<i>на-</i>	8	88,89	8	88,89	8	88,89	9	0,6
<i>вы-</i>	8	100	8	100	8	100	8	0,77
<i>пере-</i>	10	100	10	100	10	100	10	0,8
<i>с(о)-</i>	46	79,31	47	81,03	56	98,28	58	1,09
<i>под(о)-</i>	6	66,67	8	88,89	9	100	9	1,26
<i>из(о)-/ис-</i>	9	100	9	100	9	100	9	1,56
<i>от(о)-</i>	19	100	19	100	19	100	19	1,71
<i>по-</i>	28	87,5	28	87,5	29	90,63	32	1,8
<i>раз(о)-/рас-</i>	27	96,43	27	96,43	28	100	28	1,87
<i>про-</i>	20	74,07	22	81,48	24	88,88	27	1,88
<i>над(о)-</i>	1	100	1	100	1	100	1	2,08
<i>за-</i>	42	70	44	73,33	56	93,3	60	2,78
<i>при-</i>	32	86,49	35	94,59	37	100	37	4,28
<i>в(о)-</i>	24	100	24	100	24	100	24	6,27
<i>у-</i>	109	93,97	112	95,55	112	95,55	116	10,53
<i>пре-</i>	16	100	16	100	16	100	16	18,39
<i>о-/об(о)-</i>	280	81,63	296	86,3	325	94,75	343	21,33
Среднее	38,11	87,50	39,72	90,45	42,94	97,24	44,89	4,41

материала. Они выявлялись по исходным выборкам приставочных глаголов, а затем изымались, после чего формировались т. н. тах-выборки. Причина в следующем: исследуется явление суффиксальной имперфективации, традиционно называемой в русской аспектологии вторичной (отсюда и НСВ₂), однако «вторичность» имеет смысл лишь на фоне «первичности» имперфектива, т. е. при условии наличия для НСВ₂ однокоренного имперфектива-симплекса (НСВ₁), как в рядах типа *пере-чит-ыва-ть* (НСВ₂) ← (*пере-чит-а-ть*, СВ) ← *чит-а-ть* (НСВ₁). Однако у перфективов типа *прошляпнуть*, *облесить*, *переиначить*, *обнаружить*, которые мы тестируем на способность образовывать НСВ₂ (*прошляпливать*, *облесивать/облесять*, *переиначивать*, *обнаруживать*), НСВ₁ нет и не было: имперфективы-симплексы **шляпнуть*, **лесить*, **иначить*, **на-ружить* в языке отсутствуют. По этой причине, т. е. вследствие невозможности говорить в подобных случаях о вторичной имперфективации в строгом смысле, мы (вслед

Таблица 7

Отыменные приставочные перфективы, ранжированные по реализованной имперфективируемости (суммарно МАС и Гугл/Яндекс)

	в МАС	% в МАС	в НКРЯ	% в НКРЯ	в Гугл/Яндекс	% в Гугл/Яндекс	Кол-во	Доля в исходной выборке
<i>до-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>недо-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>пред(о)-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>про-</i>	20	74,07	22	81,48	24	88,88	27	1,88
<i>на-</i>	8	88,89	8	88,89	8	88,89	9	0,6
<i>по-</i>	28	87,5	28	87,5	29	90,63	32	1,8
<i>за-</i>	42	70	44	73,33	56	93,3	60	2,78
<i>о-/об(о)-</i>	280	81,63	296	86,3	325	94,75	343	21,33
<i>у-</i>	109	93,97	112	95,55	112	95,55	116	10,53
<i>с(о)-</i>	46	79,31	47	81,03	56	98,28	58	1,09
<i>в(о)-</i>	24	100	24	100	24	100	24	6,27
<i>в(о)з(о)/с-</i>	1	50	1	50	2	100	2	0,42
<i>вы-</i>	8	100	8	100	8	100	8	0,77
<i>из(о)-/ис-</i>	9	100	9	100	9	100	9	1,56
<i>над(о)-</i>	1	100	1	100	1	100	1	2,08
<i>от(о)-</i>	19	100	19	100	19	100	19	1,71
<i>пере-</i>	10	100	10	100	10	100	10	0,8
<i>под(о)-</i>	6	66,67	8	88,89	9	100	9	1,26
<i>пре-</i>	16	100	16	100	16	100	16	18,39
<i>при-</i>	32	86,49	35	94,59	37	100	37	4,28
<i>раз(о)-/рас-</i>	27	96,43	27	96,43	28	100	28	1,87
Среднее	38,11	87,50	39,72	90,45	42,94	97,24	44,89	4,41

за решением в [Храковский 2018]) вывели эти глаголы за пределы основного корпуса исследуемого материала. Однако при несколько более широком понимании имперфективации окажется, что отыменные приставочные перфективы данному процессу подвергаются, причем при образовании от них НСВ₂ используется тот же самый суффиксальный показатель *-(ы/и)ва-*, реже *-а-*. Так что если условиться говорить не о вторичной имперфективации в узком смысле, а о суффиксальной имперфективации префигированных перфективов вообще, отыменные глаголы окажутся охваченными тем же самым процессом и появится возможность ставить вопрос об их имперфективируемости наряду с более строго понимаемой вторичной имперфективацией.

Рассмотрим отыменные перфективы с этой стороны, не забывая, однако, о том, что в тах-выборках эти подмножества не фигурируют. Начнем с общей картины имперфективируемости отыменных перфективов, см. табл. 6 выше (с. 102).

Как следует из представленных данных, три ПГ (с префиксами *до-*, *недо-* и *пред(о)-*) отыменных образований не содержат. Другими словами, 3 префикса из 21 отличаются минимальной склонностью к участию в вербализации именных (или адвербиальных) производящих основ. Далее следуют четыре группы (*в(о)з(о)/с-*, *на-*, *вы-*, *пере-*глаголы) с минимальным (менее 1 % — от 0,42 до 0,8 %) подмножеством отыменных лексем в исходной выборке. Потом идут группы с подмножествами отыменных лексем размером от 1 до 3 % исходной выборки (*с(о)-*, *под(о)-*, *из(о)-/ис-*, *от(о)-*, *по-*, *раз(о)-/рас-*, *про-*, *над(о)-*, *за-*). Оставшиеся ПГ оказываются довольно разнородными по доле отыменных лексем: здесь и *при-*глаголы с более чем 4 %, и *в(о)-*глаголы с более чем 6 %, а также *у-*глаголы с более чем 10 % отыменных образований в исходной выборке. Наконец, это группы-рекордсмены: *пре-*глаголы с более чем 18 % (причем все эти глаголы в количестве 16 лексем имеют конвенциональные — по МАС — имперфективы⁵) и *о-/об(о)-*глаголы с более чем 21 % отыменных дериватов в исходной выборке (280 из 343 лексем группы имеют соотнесительный НСВ₂ по МАС, что составляет 81,63 %).

Если обратиться к уровню имперфективируемости отыменных приставочных перфективов (столбец «% в Гугл/Яндекс» в табл. 7), то окажется, что ПГ с отыменными дериватами (ненулевые показатели в строках таблицы) обнаруживают достаточно высокий уровень имперфективируемости: от 89 % до 100 %, причем стопроцентная имперфективируемость имеется в 11 группах из 18.

Итак, полученные данные показывают, что отыменные по происхождению приставочные перфективы обладают повышенным уровнем имперфективируемости: 88 % по МАС, 91 % по МАС + НКРЯ, 97 % по МАС + Гугл/Яндекс (с учетом только тех групп, в которых отыменные образования имеются, см. среднее по столбцам «% в МАС», «% в НКРЯ», «% в Гугл/Яндекс» в табл. 7 выше, с. 103).

2.3.2. Имперфективируемость отперфективных глаголов

Отперфективные глаголы — еще одна специфическая группа префигированных перфективов, ставших объектом исследования. Их специфика заключается в том, что после применения к ним суффиксальной имперфективации образуются имперфективы, не являющиеся, строго говоря, вторичными, поскольку в деривационной истории такого образования формы первичного имперфектива, т. е. имперфектива-симплекса, никогда не было: ср. *пропускать*^{НСВ} ← *пропустить*^{СВ} ← *пустить*^{СВ}, *обдавать*^{НСВ} ← *обдать*^{СВ} ← *дать*^{СВ}. С другой стороны, среди результатов пилотного исследования в [Горбова 2019в] фигурировало наблюдение о том, что подмножества отперфективных перфективов в рамках ПГ отчетливо выделяются повышенным уровнем имперфективируемости, причем начиная уже с конвенциональных (по МАС) НСВ₂. Исключением стали отперфективные *по-*глаголы. Перейдем к данным об имперфективируемости отперфективных перфективов по всем ПГ.

Прежде всего отметим, что подмножества отперфективных перфективов имеются в каждой из 21 ПГ, см. столбец «Доля в тах-выборке» в табл. 8, где нули отсутствуют. По этому же столбцу видно, что при средней доле отперфективных перфективов в 13,9 % по отдельным ПГ их доля варьирует от 2,81 % (*из(о)-/ис-*глаголы) до 59,32 % (*пред(о)-*глаголы), причем последняя группа ярко выделяется на фоне остальных: предшествующее значение у *пре-*глаголов — 33,8 % (в табл. 8 выделены следующие диапазоны: менее 7, от 7 до 11, от 14 до 30, более 30).

Что касается первоначальных ожиданий относительно лучшей имперфективируемости отперфективных приставочных перфективов, сделанных в рамках пилотного анализа

⁵ Это следующие глаголы (для краткости приводим вокабулы): *превратить(ся)* — *превращать(ся)*, *превысить* — *превышать*, *прекратить(ся)* — *прекращать(ся)*, *преобразить(ся)* — *преобразовать(ся)*, *преобразовать(ся)* — *преобразовывать(ся)*, *препоясать(ся)* — *препоясывать(ся)*.

Таблица 8

Приставочные отперфективные глаголы, ранжированные по их доле в тах-выборках

	в МАС	% в МАС	в НКРЯ	% в НКРЯ	в Гугл/ Яндекс	% в Гугл/ Яндекс	Кол-во	Доля в тах- выборке	% в Гугл/ Яндекс	% в Гугл/ Яндекс
<i>из(о)-/ис-</i>	12	75	13	81,25	14	87,5	16	2,81	85,05	91,8
<i>до-</i>	13	86,66	13	86,66	14	93,33	15	3,73	98,01	90,89
<i>над(о)-</i>	0	0	1	50	2	100	2	4,26	97,87	94,87
<i>за-</i>	95	90,48	99	94,29	103	98,1	105	5,01	80,01	91
<i>на-</i>	67	88,16	70	92,11	71	93,42	76	5,2	85,09	92,72
<i>у-</i>	49	81,66	53	88,33	57	95	60	6,09	96,35	100
<i>о-/об(о)-</i>	84	83,17	86	85,15	90	89,01	101	6,9	95,01	95,3
<i>про-</i>	96	92,31	100	96,15	103	99,04	104	7,4	80,6	100
<i>вы-</i>	74	93,67	76	96,2	78	98,73	79	7,75	95,19	88,9
<i>с(о)-</i>	117	87,31	122	91,04	124	92,54	134	8,42	88,69	100
<i>раз(о)-/рас-</i>	122	85,5	119	90,84	127	96,95	131	8,93	96,25	100
<i>от(о)-</i>	98	89,09	103	93,63	102	92,72	110	10,11	86,67	95,48
<i>по-</i>	23	12,3	52	27,81	93	49,73	187	10,7	65,5	97,76
<i>в(о)-</i>	49	94,23	50	96,15	50	96,15	52	14,25	97,81	69
<i>пере-</i>	188	92,16	197	96,57	203	99,51	204	16,45	93,71	96,58
<i>недо-</i>	8	88,88	9	100	9	100	9	17,65	100	94,91
<i>под(о)-</i>	106	81,54	115	88,46	124	95,38	130	18,47	97,87	97,77
<i>в(о)з(о)/с-</i>	72	77,42	77	82,8	85	91,4	93	19,57	90,94	86,45
<i>при-</i>	144	81,82	157	89,2	172	97,73	176	21,28	98,79	99,16
<i>пре-</i>	22	91,66	22	91,66	23	95,83	24	33,8	98,59	98,35
<i>пред(о)-</i>	34	97,14	35	100	35	100	35	59,32	100	98,56
Среднее	70,14	79,53	74,71	86,59	79,95	93,43	87,76	13,72	91,81	94,26
									MAX	MIN

в [Горбова 2019в], то следует признать, что по результатам исследования в полном объеме, на 21 ПГ, они подтвердились. Сохранилось и особое положение *по-*глаголов с их исключительно низким на общем фоне уровнем имперфективируемости в 49,73 %, см. табл. 9 (с. 106). При этом отличия от общих результатов имперфективируемости ПГ, как по тах-выборкам, так и по min-выборкам, невелики.

Как можно видеть, в рамках отперфективных перфективов средний показатель имперфективируемости (столбец «% в Гугл/Яндекс») равен 93,43 %, аналогичный средний показатель тах-выборок — 91,81 %, а min-выборки — 94,26 %; т. е. в данном подмножестве этот показатель на 1,62 процентных пункта выше показателя тах-выборки и на 0,77 — ниже показателя min-выборки. В табл. 9, ранжированной по данным столбца «% в Гугл/Яндекс», хорошо видно особое положение отперфективных *по-*перфективов: 49,73 % при ближайшей позиции в 87,5 % (у *из(о)-/ис-*перфективов). Показательно также, что из 20

оставшихся (за вычетом *по*-глаголов) ПГ в 18-ти уровень имперфективируемости превышает 90 %, а в трех из них равен 100 %. И если изъять отперфективные *по*-перфективы с их необычно низким показателем, то среднее значение по оставшимся 20 группам будет равно 95,62 %, что превысит соответствующий средний показатель *min*-выборок на 1,36 процентных пункта (и окажется всего на 1,62 пункта ниже имперфективируемости отыменных перфективов, см. 2.3.1).

Таблица 9

Приставочные отперфективные глаголы, ранжированные по уровню имперфективируемости (суммарно МАС и Гугл/Яндекс), в сравнении с общими данными по *max*- и *min*-выборкам

	в МАС	% в МАС	в НКРЯ	% в НКРЯ	в Гугл/ Яндекс	% в Гугл/ Яндекс	Кол-во	Доля в <i>max</i> - выборке	% в Гугл/ Яндекс	% в Гугл/ Яндекс
<i>по</i> -	23	12,3	52	27,81	93	49,73	187	10,7	65,5	97,76
<i>из(о)-/ис-</i>	12	75	13	81,25	14	87,5	16	2,81	85,05	91,8
<i>о-/об(о)-</i>	84	83,17	86	85,15	90	89,01	101	6,9	95,01	95,3
<i>в(о)з(о)/с-</i>	72	77,42	77	82,8	85	91,4	93	19,57	90,94	86,45
<i>с(о)-</i>	117	87,31	122	91,04	124	92,54	134	8,42	88,69	100
<i>от(о)-</i>	98	89,09	103	93,63	102	92,72	110	10,11	86,67	95,48
<i>до</i> -	13	86,66	13	86,66	14	93,33	15	3,73	98,01	90,89
<i>на</i> -	67	88,16	70	92,11	71	93,42	76	5,2	85,09	92,72
<i>у-</i>	49	81,66	53	88,33	57	95	60	6,09	96,35	100
<i>под(о)-</i>	106	81,54	115	88,46	124	95,38	130	18,47	97,87	97,77
<i>пре-</i>	22	91,66	22	91,66	23	95,83	24	33,8	98,59	98,35
<i>в(о)-</i>	49	94,23	50	96,15	50	96,15	52	14,25	97,81	69
<i>раз(о)-/рас-</i>	122	85,5	119	90,84	127	96,95	131	8,93	96,25	100
<i>при-</i>	144	81,82	157	89,2	172	97,73	176	21,28	98,79	99,16
<i>за-</i>	95	90,48	99	94,29	103	98,1	105	5,01	80,01	91
<i>вы-</i>	74	93,67	76	96,2	78	98,73	79	7,75	95,19	88,9
<i>про-</i>	96	92,31	100	96,15	103	99,04	104	7,4	80,6	100
<i>пере-</i>	188	92,16	197	96,57	203	99,51	204	16,45	93,71	96,58
<i>над(о)-</i>	0	0	1	50	2	100	2	4,26	97,87	94,87
<i>недо-</i>	8	88,88	9	100	9	100	9	17,65	100	94,91
<i>пред(о)-</i>	34	97,14	35	100	35	100	35	59,32	100	98,56
Среднее	70,14	79,53	74,71	86,59	79,95	93,43	87,76	13,72	91,81	94,26
									MAX	MIN

Таким образом, можно констатировать, что отперфективные перфективы (кроме *по*-глаголов) демонстрируют повышенную имперфективируемость, чему можно предложить следующее объяснение.

- (3) При отсутствии у отперфективных глаголов исходного имперфектива-симплекса суффиксальная имперфективация является единственным способом образования имперфективной формы лексемы.

Очевидным образом здесь встает задача отдельного рассмотрения столь существенно отличающейся группы *по*-глаголов с целью объяснения явно специфического поведения этой группы по отношению к имперфективации. Полномасштабное решение этой задачи отложено на будущее, первое приближение к анализу специфики этой ПГ см. в [Чуйкова 2020].

2.3.3. Имперфективируемость приставочных глаголов на *-и(зи)ровать*

Одним из самых малочисленных и при этом наиболее специфическим по отношению к имперфективируемости подмножеством приставочных глаголов являются глаголы на *-и(зи)ровать*, представленные в табл. 10.

Таблица 10

Приставочные глаголы на *-и(зи)ровать*, ранжированные по количеству (абсолютные числа)

	в МАС	% в МАС	в НКРЯ	% в НКРЯ	в Гугл/ Яндекс	% в Гугл/ Яндекс	Кол-во	Доля в тах- выборке
<i>в(о)з(о)/с-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>до-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>из(о)-/ис-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>над(о)-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>недо-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>пре-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>пред(о)-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>при-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>в(о)-</i>	0	0	0	0	1	100	1	0,27
<i>у-</i>	0	0	0	0	2	100	2	0,2
<i>вы-</i>	0	0	1	33,33	3	100	3	0,3
<i>под(о)-</i>	3	50	3	50	6	100	6	0,85
<i>о-/об(о)-</i>	3	42,86	4	57,14	4	57,14	7	0,48
<i>по-</i>	0	0	0	0	2	16,66	12	0,69
<i>на-</i>	4	25	4	25	9	56,25	16	1,09
<i>раз(о)-/рас-</i>	6	35,29	7	41,18	17	100	17	1,16
<i>от(о)-</i>	5	20	7	28	24	96	25	2,3
<i>пере-</i>	13	40,63	15	46,88	31	96,88	32	2,58
<i>про-</i>	0	0	1	2,5	7	17,5	40	2,84
<i>за-</i>	12	18,18	13	19,7	45	68,18	66	3,15
<i>с(о)-</i>	5	6,66	9	12	31	41,33	75	4,71
Среднее	2,43	11,36	3,05	15,03	8,67	45,24	14,38	0,98

Как можно видеть, в шести ПГ глаголы на *-и(зи)ровать* отсутствуют: *из(о)-/ис-, над(о)-, недо-, пре-, пред(о)-, при-*глаголы. Еще в четырех — глаголы с формантом *-и(зи)рова-* имеются, однако с единичными вхождениями: *в(о)-, у-, вы-, под(о)-, о-/об(о)-*глаголы. Остальные ПГ включают в себя образования с указанным формантом в диапазоне от 12 до 75 единиц, причем в наибольшей степени они представлены в группах *за-* и *с(о)-*глаголов. Отметим также очень незначительную представленность глаголов на *-и(зи)ровать* (всего 12 единиц) среди *по-*глаголов, т. е. в одной из самых объемных ПГ (1749 *по-*глаголов по тах-выборке с долей *-и(зи)ровать* в 0,69 %), см. табл. 11.

Таблица 11

Приставочные глаголы на *-и(зи)ровать*, ранжированные по их доле в тах-выборке

	в МАС	% в МАС	в НКРЯ	% в НКРЯ	в Гугл/ Яндекс	% в Гугл/ Яндекс	Кол-во	Доля в тах- выборке
<i>в(о)з(о)/с-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>до-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>из(о)-/ис-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>над(о)-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>недо-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>пре-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>пред(о)-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>при-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>у-</i>	0	0	0	0	2	100	2	0,2
<i>в(о)-</i>	0	0	0	0	1	100	1	0,27
<i>вы-</i>	0	0	1	33,33	3	100	3	0,3
<i>о-/об(о)-</i>	3	42,86	4	57,14	4	57,14	7	0,48
<i>по-</i>	0	0	0	0	2	16,66	12	0,69
<i>под(о)-</i>	3	50	3	50	6	100	6	0,85
<i>на-</i>	4	25	4	25	9	56,25	16	1,09
<i>раз(о)-/рас-</i>	6	35,29	7	41,18	17	100	17	1,16
<i>от(о)-</i>	5	20	7	28	24	96	25	2,3
<i>пере-</i>	13	40,63	15	46,88	31	96,88	32	2,58
<i>про-</i>	0	0	1	2,5	7	17,5	40	2,84
<i>за-</i>	12	18,18	13	19,7	45	68,18	66	3,15
<i>с(о)-</i>	5	6,66	9	12	31	41,33	75	4,71
Среднее	2,43	11,36	3,05	15,03	8,67	45,24	14,38	0,98

Что касается специфики глаголов на *-и(зи)ровать* относительно имперфективируемости, то следует отметить, что наличие в основе приставочного глагола форманта *-и(зи)рова-* имперфективизацию существенно затрудняет. Объяснение этому с высокой степенью вероятности имеет морфонологическую природу: глаголы с многосложным формантом *-и(зи)рова-* не слишком охотно присоединяют суффикс имперфективации в дополнение

к этому сегменту основы. Однако у существенной части ПГ (8 из 21) суффиксальная имперфективация все же происходит, причем даже в части зафиксированных словарем конвенциональных форм (столбец «в МАС»). Уровень имперфективируемости приставочных глаголов на *-и(зи)ровать* представлен в табл. 12.

Таблица 12

Приставочные глаголы на *-и(зи)ровать*, ранжированные по уровню имперфективируемости (суммарно МАС и Гугл/Яндекс)

	в МАС	% в МАС	в НКРЯ	% в НКРЯ	в Гугл/ Яндекс	% в Гугл/ Яндекс	Кол-во	Доля в тах- выборке
<i>в(о)з(о)/с-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>до-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>из(о)-/ис-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>над(о)-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>недо-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>пре-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>пред(о)-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>при-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>по-</i>	0	0	0	0	2	16,66	12	0,69
<i>про-</i>	0	0	1	2,5	7	17,5	40	2,84
<i>с(о)-</i>	5	6,66	9	12	31	41,33	75	4,71
<i>на-</i>	4	25	4	25	9	56,25	16	1,09
<i>о-/об(о)-</i>	3	42,86	4	57,14	4	57,14	7	0,48
<i>за-</i>	12	18,18	13	19,7	45	68,18	66	3,15
<i>от(о)-</i>	5	20	7	28	24	96	25	2,3
<i>пере-</i>	13	40,63	15	46,88	31	96,88	32	2,58
<i>в(о)-</i>	0	0	0	0	1	100	1	0,27
<i>вы-</i>	0	0	1	33,33	3	100	3	0,3
<i>у-</i>	0	0	0	0	2	100	2	0,2
<i>раз(о)-/рас-</i>	6	35,29	7	41,18	17	100	17	1,16
<i>под(о)-</i>	3	50	3	50	6	100	6	0,85
Среднее	2,43	11,36	3,05	15,03	8,67	45,24	14,38	0,98

Как можно видеть, стопроцентная имперфективируемость достигается исключительно в случае ПГ с единичной — от 1 до 6 — представленностью глаголов на *-и(зи)ровать*, при единственном исключении: это *раз(о)-/рас-*глаголы, имеющие 17 соответствующих лексем при стопроцентной имперфективируемости (с постепенным повышением при подключении к отмеченным в МАС случаям вхождений из НКРЯ и Гугл/Ядекса, т. е. неконвенциональных НСВ₂ — с 35 % до 100 %).

Оставшиеся ПГ — с далеким от тотального уровнем имперфективируемости своих подмножеств с формативом *-и(зи)рова-* — могут быть разделены на три диапазона: с низким

(*по-* и *про-* глаголы с менее чем 20 %), со средним (*с(о)-*, *на-*, *за-* и *о-/об(о)-* глаголы — от 40 до 70 %) и с очень высоким, близким к тотальному, уровнем имперфективируемости (*от(о)-* и *пере-* глаголы — 96–97 %). В (4)–(6) приведены иллюстрации.

- (4) *И учреждению хорошо — так просто без увеличения зарплаты лишних два листа каждый редактор **отредактировывал**.* (proza.ru»2005/03/31-145)
- (5) *Минюст предлагает **перерегистрировывать** место жительства онлайн* (<https://shipovnik.ua/novosti/minyust-predlagaet-pereregistriruyivat-mesto-zhitelstva-onlayn>)
- (6) *Как правильно **сформулировать** мечты так, чтобы они уж точно сбывались?* (<http://archive.li/R1j4X>)

Итак, анализ имперфективируемости приставочных глаголов с формантом *-и(зи)рова* позволяет сделать вывод о том, что если, несмотря на морфонологические проблемы (длину словоформы), приставочная перфективация таких глаголов все же осуществляется, то перспективы имперфективации зависят от приставки. Явно невысоким уровнем имперфективации обсуждаемого подмножества глаголов отличаются префиксы *по-* и *про-*. Предположение о том, что это может быть связано с тем, что *по-* и *про-* являются показателями двух специфических, не связанных с телесизацией, СД (делимитативного и пердуративного), нуждается в отдельном анализе и верификации.

2.3.4. Имперфективируемость приставочных глаголов, относящихся к способам действия

Еще одно специфическое подмножество тах-выборки составляют глаголы, относящиеся к (морфемно характеризованным) СД. Согласно одному из определений, «[с]пособами глагольного действия принято называть различные типы семантических модификаций глагола, выраженные определенными формальными средствами» [Анна А. Зализняк и др. 2015: 110]⁶.

Поскольку формальным средством выражения подавляющего большинства перфективных СД является определенный префикс (в ряде случаев в комбинации с суффиксом), при изучении приставочных глаголов исследователь неизбежно сталкивается с феноменом СД. В [Горбова, Чуйкова 2020] было сделано предварительное наблюдение о сниженном уровне имперфективируемости префиксальных СД по сравнению с соответствующими данными по ПГ в целом. В табл. 13 приведен перечень СД, выделенных в рамках проекта. При его составлении использовались классификации, представленные в работах Анны А. Зализняк, И. Л. Микаэлян и А. Д. Шмелева [Анна А. Зализняк и др. 2015: 110–135] и М. А. Шелякина [2008: 141–167]. Решение о (не)включении в наш перечень тех СД, относительно которых в двух классификациях наблюдаются расхождения, принималось авторами исследования для каждого случая отдельно.

⁶ Авторы этого определения, обосновывая свой перечень СД в русском языке, помимо ссылок на имеющуюся традицию, отмечают, что не включают в перечень как «совсем малочисленные или плохо идентифицируемые классы», так и «весьма представительные классы, образуемые определенными значениями приставок», которые, на взгляд авторов, «несколько дальше отстоят от понятийной категории аспектуальности» [Там же: 111]. Сходные соображения при отборе подмножеств глаголов, характеризуемых единством морфологического показателя и привносимой этим показателем семантики, являющейся общей для данной группы и специфичной по отношению как к симплексам, так и к группам дериватов с другими формальными показателями, использовались и в нашем исследовательском проекте (см. пояснения к перечню СД после табл. 13).

Таблица 13

Приставочные группы и способы действия

Приставочная группа	Способ действия
<i>в(о)-</i>	нет
<i>вы-</i>	нет
<i>над(о)-</i>	нет
<i>над(о)-</i>	нет
<i>пре-</i>	нет
<i>пред(о)-</i>	нет
<i>с(о)-</i>	нет
<i>в(о)з(о)/с-</i>	(<i>в(о)з(о)/с-...-нуть</i>) делимитативный (<i>всплакнуть, взгрустнуть</i>)
<i>из(о)-/ис-</i>	(<i>из(о)-/ис-...-ся</i>) чрезмерно-кратный (<i>изголодаться, изленился</i>)
<i>о-/об(о)-</i>	дистрибутивно-суммарный (<i>обойти, опросить</i>)
<i>от(о)-</i>	финитивный (<i>отшуметь, отмучиться</i>)
<i>под(о)-</i>	аттенуативный (<i>подкрасить, подсократить</i>)
<i>при-</i>	аттенуативный (<i>припудрить, приоткрыть</i>)
<i>про-</i>	пердуративный (<i>просидеть, проработать</i>)
<i>у-</i>	(<i>у-...-ся</i>) чрезмерно-интенсивный (<i>убегаться, упахаться</i>)
<i>до-</i>	СД1: (<i>до-...-ся</i>) ДУРАТИВНО-НЕГАТИВНЫЙ (финально-отрицательный/длительно-усилительный) (<i>доиграться, долежаться</i>)
	СД2: КОМПЛЕТИВНЫЙ (финально-комплетивный/комплетивно-партиитивный/терминативно-локальный) (<i>долететь, дочитать, досыпать</i>)
<i>за-</i>	СД1: начинательный (<i>закричать, заплакать</i>)
	СД2: (<i>за-...-ся</i>) чрезмерно-длительный (<i>засидеться, залюбоваться</i>)
<i>на-</i>	СД1: кумулятивный (<i>накупить, наловить</i>)
	СД2: (<i>на-...-ся</i>) сатуративный/сативный (<i>наестся, наиграться</i>)
<i>пере-</i>	СД1: дистрибутивный (<i>перебить, перебудить</i>)
	СД2: репетитивный (<i>переоборудовать, перезаказать</i>)
<i>раз(о)-/рас-</i>	СД1: дистрибутивно-суммарный (<i>распихать, расивырать</i>)
	СД2: (<i>раз(о)-/рас-...(-ся)</i>) ингрессивно-интенсивный (<i>раскричаться, разволноваться</i>)
<i>по-</i>	СД1: аттенуативный (<i>пообождавать, попривыкнуть</i>)
	СД2: делимитативный (<i>погулять, поиграть</i>)
	СД3: дистрибутивный (<i>попрятаться, понаписать</i>)
	СД4: ингрессивный (<i>поплыть, помчаться, полюбить</i>)

Как видно по табл. 13, в составе 14 из 21 ПГ присутствует по крайней мере один СД, при этом пять ПГ (*до-*, *за-*, *на-*, *пере-*, *раз(о)-/рас-*) включают в себя по два СД и одна группа (*по-*перфективы) — четыре. Результирующий перечень СД состоит из 22 единиц. При этом за отдельный СД принимается определенная семантическая модификация глагола, выраженная отдельным формальным показателем, т. е., например, аттенуативный СД с префиксом *по-* и аттенуативный СД с *при-* считаются разными СД. В наш перечень не входят выделяемые в классификации Шелякина недостаточно-нормативный СД (с приставкой *недо-*) и проспективный СД (с приставкой *пред(о)-*), поскольку в этих случаях объем подмножества СД в каждой ПГ оказался бы равен *тах-выборке* (все глаголы с префиксами *недо-* и *пред(о)-* без исключения следовало бы включить в СД), а объем *min-выборки* — равным нулю, что было признано нецелесообразным. С другой стороны, в один СД объединялись те из выделявшихся в литературе в качестве различных СД множеств, которые обладают одним и тем же словообразовательным формантом (префиксом или циркумфиксом) и существенной близостью результирующей семантики. Так, в комплетивный СД были объединены различаемые в [Шелякин 2008] финально-комплетивный, комплетивно-партитивный и терминативно-локальный СД с префиксальным показателем *до-* (*долететь*, *дочитать*, *досыпать*), а два рассматриваемых [Там же] по отдельности СД с единым формальным показателем *до-...ся* (финально-отрицательный и длительно-усилительный: *доиграться* и *долежаться*) составили единый СД с условным названием *дуративно-негативный*.

Следует отметить, что доля относящихся к СД глаголов в составе ПГ (по *тах-выборкам*) варьирует в широких пределах: от 1,47 % до 61,94 %. При этом 21 из 22 СД формируют три основных диапазона, в каждый из которых входит по 7 СД: от 1,47 % до 4,95 %, от 9,61 % до 13,97 %, от 21,61 % до 32,65 %. Последний — комплетивный СД — выделяется на фоне остальных тем, что его доля в *тах-выборке* почти в два раза превышает соответствующий показатель предшествующего ему — делимитативного — СД.

В табл. 14 (с. 113) отражены данные об имперфективируемости СД, упорядоченных по возрастанию их доли в *тах-выборках*.

Что касается предварительного вывода о сниженном уровне имперфективируемости входящих в СД перфективов, то можно говорить о том, что в целом оно подтверждается. В то же время анализ показывает существенное различие уровней имперфективируемости СД по трем рассматриваемым источникам (МАС, НКРЯ, Рунет).

В табл. 15–17 (с. 114–116) приведены данные об имперфективируемости относящихся к СД глаголов на основании трех источников: МАС, НКРЯ и Рунета. Каждая таблица содержит информацию об уровне имперфективируемости в абсолютных и относительных числах по МАС (столбцы «в МАС» и «% в МАС»), по совокупным данным МАС и НКРЯ («в НКРЯ» и «% в НКРЯ») и по совокупным данным МАС и Рунета («в Гугл/Яндекс» и «% в Гугл/Яндекс»). СД в табл. 15–17 ранжированы по уровню имперфективируемости в трех источниках языкового материала соответственно. В последних двух столбцах каждой таблицы приводятся относительные числа имперфективируемости ПГ, включающих в себя СД с соответствующим префиксом, по одному из источников языкового материала⁷. Так, например, в табл. 15 СД ранжированы по МАС, а последние два столбца содержат данные об уровнях имперфективируемости ПГ в *тах-* и *min-выборках* также по МАС (из табл. 2). Средние показатели имперфективируемости *тах-* и *min-выборок* подсчитаны на основании данных 14 ПГ с СД (в случае, если ПГ включает в себя более одного СД, относительные числа имперфективируемости этой группы в двух последних столбцах повторены для каждого СД).

Согласно МАС, глаголы пяти СД — делимитативного на *в(о)з(о)/с-*, финитивного на *от(о)-*, аттенуативного на *по-*, дистрибутивного и ингрессивного на *по-* — не имеют

⁷ МАХ и MIN в последних двух столбцах таблиц 15–17 приводятся по данным 14 префиксальных групп, включающих в себя СД.

Таблица 14

СД, ранжированные по их доле в тах-выборках

	в МАС	% в МАС	в НКРЯ	% в НКРЯ	в Гутл/ Индекс	% в Гутл/ Индекс	Доля в МАХ- выборке
<i>во(з(о))с-</i> : делимитативный	0	0	2	28,57	5	71,43	1,47
<i>у-...-ся</i> : чрезмерно-интенсивный	8	44,44	9	50	16	88,88	1,83
<i>о-/об(о)-</i> : дистрибутивно-суммарный	24	77,42	29	93,55	30	96,77	2,12
<i>за-...-ся</i> : чрезмерно-длительный	26	50	30	57,69	44	84,62	2,48
<i>по-</i> : аттенуативный	0	0	11	17,74	30	48,39	3,54
<i>по-</i> : ингрессивный	0	0	9	13,04	26	37,68	3,95
<i>из(о)-ис-...-ся</i> : чрезмерно-кратный	8	28,57	10	35,71	16	57,14	4,95
<i>по-</i> : дистрибутивный	0	0	26	15,48	62	36,9	9,61
<i>до-...-ся</i> : ДУРАТИВНО-НЕГАТИВНЫЙ	21	53,8	23	56,4	37	94,87	9,7
<i>раз(о)-/рас-</i> : дистрибутивно-суммарный	141	89,81	150	96,82	154	98,09	10,7
<i>при-</i> : аттенуативный	72	77,42	78	83,87	89	95,7	11,25
<i>на-...-ся</i> : сатуративный/сативный	38	20,54	54	29,19	130	70,27	12,65
<i>от(о)-</i> : финитивный	0	0	25	17,24	47	32,41	13,31
<i>раз(о)-/рас-...(-ся)</i> : ингрессивно-интенсивный	74	36,1	116	56,59	169	82,44	13,97
<i>пере-</i> : репетитивный	235	87,69	245	91,42	267	99,63	21,61
<i>за-</i> : начинательный	11	2,29	43	8,96	190	39,58	22,89
<i>про-</i> : пердуративный	16	4,58	81	22,2	183	52,44	24,8
<i>под(о)-</i> : аттенуативный	149	81,87	160	87,91	177	97,25	25,85
<i>пере-</i> : дистрибутивный	174	53,7	221	68,21	274	84,57	26,13
<i>на-</i> : кумулятивный	257	61,93	280	67,47	347	83,61	28,39
<i>по-</i> : делимитативный	117	20,49	248	43,43	417	73,03	32,65
до-: КОМПЛЕТИВНЫЙ	229	91,97	234	93,37	244	97,99	61,94
Среднее:	72,73	40,12	94,73	51,58	134,27	73,80	15,72

СД, ранжированные по уровню имперфективности суммарно в МАС и НКРЯ

[illegible]

НСВ₂, еще два — начинательный на *за-* и пердуративный на *про-* — демонстрируют минимальный уровень имперфективируемости (ниже 5 %), см. третий столбец в табл. 15. К неимперфективируемым СД, согласно МАС, относятся в том числе делимитативы с префиксом *по-*, однако авторами исследования было принято решение считать результатом имперфективации делимитативов глаголы, относящиеся к прерывисто-смягчительному СД (*почитать* — *почитывать*); аргументы в пользу такого решения см. в [Пазельская, Татевосов 2008: 364; Федотов, Чуйкова 2013; Горбова 2019г]⁸. Следует отметить, что отсутствие конвенциональных НСВ₂ наблюдается для СД с префиксом *по-*, относящихся к ПГ с аномально низким общим уровнем имперфективируемости, и для СД, обозначающих одну из стадий ситуации (начало, середина, финал). Также можно обратить внимание на то, что сатуративный, чрезмерно-краткий, ингрессивно-интенсивный, чрезмерно-интенсивный, чрезмерно-длительный и длительно-усилительный СД, относящиеся (в терминологии [Шелякин 2008]) к группе терминативно-продолжительных и терминативно-интенсивных, компактно располагаются в центре табл. 15, демонстрируя «средние» показатели имперфективируемости среди всего множества СД и сниженный уровень имперфективируемости относительно *min-* и *max-*выборок. Что касается среднего уровня имперфективируемости всех СД в совокупности, то он оказывается значительно ниже средних показателей для *max-* и *min-*выборок ПГ (см. табл. 15 и табл. 2).

При привлечении к анализу неконвенциональных НСВ₂, зафиксированных в НКРЯ, и определении уровня имперфективируемости по суммарным данным МАС и НКРЯ можно отметить следующее. Несмотря на то, что список СД с наименьшими показателями имперфективируемости в целом не изменяется, теперь в нем отсутствуют подмножества с нулевым уровнем имперфективируемости. Из этого следует, что строгого запрета на имперфективацию членов СД не существует. То же, в частности, верно и для дистрибутивного СД, определяемого в [Татевосов 2013] как левопериферийный, что должно налагать запрет на вторичную имперфективацию. См., однако, (7) с НСВ₂ от лексемы *пострелять* 3 'Застрелить всех, многих; перестрелять' и (8) с НСВ₂ от лексемы *поворовать* 'Украсть постепенно все, многое или всех, многих'.

- (7) *Ничего не поделаешь, придется брать, иначе на будущий год в этих краях работать будет невозможно, обиду якуты не простят, не то, что тебя, всех геологов будут постреливать* [П. Ростин. Якуты // «Знание — сила», 2008].

⁸ Наиболее распространенные возражения против такого подхода связаны с указанием на то, что пары глаголов вида «делимитативный СД» — «прерывисто-смягчительный СД» не отвечают критерию (установления видовой парности) Маслова, а также с невозможностью обозначения единичной ситуации формой НСВ₂ (**Я одеваюсь, умываюсь, выбрасываю мусор, поджариваю сосиски, *посматриваю в окно — и тут слышу, что у меня телефон звонит*; благодарим анонимного рецензента за сформулированные возражения и этот пример). В ответ приведем следующие соображения. В фокусе нашего внимания находится не функционально устанавливаемая видовая парность (которая зачастую возникает в том числе между приставочным СВ и бесприставочным НСВ), а имперфективируемость, предполагающая образование НСВ₂ от префигурированного глагола СВ. Далее отметим, что акциональные характеристики НСВ₂ (как прямое следствие его морфемной структуры — одновременного наличия телисизирующего префикса и суффикса-имперфективатора) благоприятствуют выражению не единичной ситуации, а, напротив, итеративности. И появление возможности обозначать единичную ситуацию, ср. *Что ты там копаешься?* — *Шнурки зашнуровываю*, появляется, по-видимому, позже, чем исходная для вторичного имперфектива семантика итеративности. Именно исходная для суффикса *-(и/ы)ва-* итеративность и наблюдается в случае образования НСВ₂ от делимитатива. Так что композициональность семантики глаголов типа *по-чит-ыва-ть*, где префикс *по-* указывает на непродолжительность, а суффикс *-ыва-* выражает исходное для НСВ₂ значение многократности, представляется в данном случае достаточным аргументом в пользу признания «прерывисто-смягчительных» глаголов имперфективными формами *по-*делимитативов, образуемых суффиксальной имперфективацией.

- (8) *Поворачивают все что лежит и висит, как и бытовые вентиляторы, устанавливаемые на верхних этажах в каналах кухонь и с/у* (<https://www.domkontrol.ru/forum/viewtopic.php?f=2&t=10693>).

Наблюдается также существенное возрастание уровня имперфективируемости делимитативных *по*-глаголов: по МАС и НКРЯ он оказывается сопоставимым с общими показателями для ПГ по *тах*- и *min*-выборкам. При суммировании словарных данных и НСВ₂ из НКРЯ средний уровень имперфективируемости СД возрастает, однако остается значительно ниже средних показателей по *тах*- и *min*-выборкам.

Средний уровень имперфективируемости СД по суммарным данным МАС и Рунета также ниже, чем средний уровень в *тах*- и *min*-выборках по всем ПГ (напомним, что *тах*-выборки содержат в себе СД, а *min*-выборки этих подмножеств не имеют), см. табл. 17. Из 22 СД 17 демонстрируют более низкий уровень имперфективируемости, чем в *тах*-выборках (с учетом зафиксированных употреблений НСВ₂ в Гугл/Яндекс), и 19 — более низкий, чем в *min*-выборках соответствующих ПГ⁹. Это характерно для следующих СД: пердуративного (*присидеть*), чрезмерно-интенсивного (*ухохотаться*), дистрибутивного (*появнуть*: *все цветы появили*), аттенуативного (*поубавиться*), ингрессивного (*побежать*). На этом фоне особо выделяются СД с противоположным соотношением: превышением уровня имперфективируемости над средним в «своей» группе по *min*-выборкам. Это делимитативный (*постоять*, *помурлыкать*) — 73 % в СД и 69 % во всей группе, дистрибутивно-суммарный на *о*-/*об*(*о*)- (*обзвонить*, *объездить*) — 97 % и 96 %, репетитивный (*перебинтовать*, *передарить*) — 99,6 % и 94,9 %. Следовательно, сниженная имперфективируемость приставочных перфективов, относящихся к СД, должна быть оценена не как закон, а как (сильная) тенденция.

Отметим также, что при возрастании общего уровня имперфективируемости СД по мере привлечения данных НКРЯ и Рунета положение отдельных СД в ранжированных списках меняется несущественно: в каждой из табл. 15–17 выделяются более или менее совпадающие по составу группы СД, характеризующиеся низким, средним и высоким показателями имперфективируемости.

Особый интерес представляют случаи пересечения специализированных выборок с повышенным или сниженным уровнем имперфективируемости. Одним из таких случаев является одновременная отнесенность лексемы к подмножеству отперфективных глаголов, для которых, как было показано в 2.3.2, характерен повышенный уровень имперфективируемости, и к одному из СД. В частности, дериваты от перфективных основ содержат дистрибутивный СД с *по*- (*повытащить*, *повыскочить*), а также аттенуативные СД с *по*- (*поразвлечься*, *поусомниться*), *при*- (*приоткрыть*, *приубраться*) и *под*- (*подзаработать*, *подсократить*). Если дистрибутивный СД включает в себя дериваты как от перфективных, так и от имперфективных основ (с парами однокоренных синонимов: *повытащить* — *повытаскивать*, *повыскочить* — *повыскакивать*), то аттенуативный СД с *по*- включает в себя исключительно отперфективные лексемы [Анна А. Зализняк и др. 2015: 127]. К аттенуативному СД с префиксами *при*- и *под*- в рамках настоящего исследования было решено относить лексемы, образованные от перфективных и имперфективных основ (согласно определению из [Там же], в данный СД входят только глаголы, образованные от СВ, однако в [Шелякин 2008: 147–148] в качестве примеров аттенуативов приводятся глаголы, образованные как от СВ, так и от НСВ).

Проблема взаимного пересечения подмножеств приставочных глаголов со стороны влияния на их имперфективируемость будет рассмотрена на примере отперфективных дистрибутивов с префиксом *по*- и аттенуативов на *по*-, *при*-, *под*-.

В табл. 18 приводятся данные об имперфективируемости относящихся к СД отперфективных глаголов (блок «отперфективные & СД») в сопоставлении с аналогичными

⁹ Сопоставление с *min*-выборкой, как правило, более информативно, особенно для тех ПГ, в которых доля СД относительно высока, как, например, в делимитативном и кумулятивном СД.

данными специализированных выборок, в которые эти глагольные лексемы входят: отперфективные глаголы в рамках ПГ (блок «отперфективные», см. также табл. 10) и способ действия (блок «СД», см. также табл. 15–17). Табл. 18 содержит также информацию о доле относящихся к СД отперфективных глаголов в специализированных выборках. В строке «доля в СВ от СВ» приведены данные о доле отперфективных глаголов, относящихся к определенному СД, относительно всех отперфективных глаголов в рамках ПГ; в строке «доля в СД» — данные о доле отперфективных глаголов, относящихся к СД, среди всех глаголов данного СД. Поскольку доля перфективных глаголов в аттенуативном СД с префиксом *по-* составляет 100 %, т. е. данные в блоках «отперфективные & СД» и «СД» должны совпасть, сопоставление уровня имперфективируемости отперфективных членов СД и глаголов данного СД не проводится (столбец в блоке «СД» для аттенуативов с префиксом *по-* заполнен прочерками).

Таблица 18

**Имперфективируемость отперфективных глаголов,
относящихся к СД**

Способы действия	<i>по-</i> : дистрибутивный	<i>по-</i> : аттенуативный	<i>под-</i> : аттенуативный	<i>при-</i> : аттенуативный	
% в МАС	0	0	45,45	60	Отперфективные & СД
% в НКРЯ	1,64	17,74	72,73	72,5	
% в Гугл/Яндекс	22,95	48,39	93,94	92,5	
Доля в СВ от СВ	32,62	33,16	25,38	22,73	
% в МАС	12,3	12,3	81,54	81,82	Отперфективные
% в НКРЯ	27,81	27,81	88,46	89,2	
% в Гугл/Яндекс	49,73	49,73	95,38	97,73	
Доля в СД	36,31	100	18,13	43,01	
% в МАС	0	—	81,87	77,42	СД
% в НКРЯ	15,48	—	87,91	83,87	
% в Гугл/Яндекс	36,9	—	97,25	95,7	

Приведенные в табл. 18 данные позволяют сделать вывод, что принадлежность к СД снижает уровень имперфективируемости отперфективных глаголов (ср. числа в блоках «отперфективные & СД» и «отперфективные»). Интересно, что в подмножестве отперфективных глаголов в рамках СД (блок «отперфективные & СД») показатели имперфективируемости по всем трем источникам материала также оказываются ниже, чем в целом для данного СД (блок «СД»; при условии, что СД включает в себя дериваты и от перфективных, и от имперфективных основ). Данное наблюдение не согласуется с выводом о повышенной имперфективируемости отперфективных глаголов, в связи с чем встает вопрос о целесообразности отдельного рассмотрения пересечений специализированных подмножеств при оценке имперфективируемости входящих в них глаголов.

2.3.5. Имперфективируемость приставочных глаголов с суффиксальными показателями *-(а)ну-*

Еще одной специфической подгруппой приставочных глаголов, проанализированных со стороны имперфективируемости, являются префигированные семельфактивы с суффиксальным показателем *-(а)ну-*. Семельфактивом называется значение единичного кванта множественного (мультипликативного) акта и выражающий это значение глагол [Храковский 1989: 25; Плунгян 2011: 160; Горбова 2016: 73].

В [Горбова 2019б] была выдвинута гипотеза о неспособности этой подгруппы к образованию форм НСВ₂: «Имперфективироваться путем введения в основу суффикса *-ыва-/-ива-/-ва-* не могут (...) семельфактивы, имеющие собственные суффиксальные показатели *-ну-/-ану-*» [Там же: 248]. Это утверждение проверялось путем обращения к НКРЯ, в выдачах которого такие формы, действительно, не встретились. Таким образом, гипотеза подтвердилась; единственным доступным для глаголов этой подгруппы способом имперфективации оказывалось сопоставление с мультипликативами, равными им по сложности морфемного устройства: *зырк-а-ть* — *зырк-ну-ть* [Там же: 256]. Сходное наблюдение в еще более жесткой форме приводится в [Плунгян 2011], где семельфактивный формант *-ну-* называется «единственным русским глагольным показателем, который однозначно определяет совершенный вид глагольной словоформы» [Там же: 299].

Далее эти положения будут обсуждаться на основе совокупного материала МАС, НКРЯ и Рунета. Количественные данные по рассматриваемому списку префигированных перфективов на *-(а)ну-* (составленному на основе МАС)¹⁰ приведены в табл. 19.

Таблица 19

Приставочные глаголы с суффиксальным показателем *-(а)ну-*, ранжированные по количеству (абсолютные числа)

	Кол-во	% с <i>-(а)ну-</i>		Кол-во	% с <i>-(а)ну-</i>
<i>пред(о)-</i>	0	0	<i>под(о)-</i>	88	12,5
<i>недо-</i>	1	1,96	<i>о-/об(о)-</i>	93	6,36
<i>пре-</i>	1	1,4	<i>по-</i>	95	5,43
<i>над(о)-</i>	2	4,26	<i>пере-</i>	103	8,3
<i>до-</i>	27	6,72	<i>про-</i>	103	7,32
<i>из(о)-/ис-</i>	30	5,28	<i>вы-</i>	111	10,9
<i>в(о)-</i>	46	12,81	<i>от(о)-</i>	112	10,29
<i>на-</i>	57	3,9	<i>при-</i>	113	13,66
<i>у-</i>	61	6,19	<i>за-</i>	156	7,44
<i>в(о)з(о)/с-</i>	73	15,37	<i>с(о)-</i>	175	10,99
<i>раз(о)-/рас-</i>	84	5,32	Среднее	72,90	7,45

¹⁰ Кроме семельфактивов с показателем *-(а)ну-*, находящихся в семантическом соотношении с мультипликативами, множество перфективных глаголов с *-ну-* включает в себя также существенную долю дериватов от инхотативных «глаголов изменения состояния» (*завянуть* от *вянуть*, *примерзнуть* от *мерзнуть*, *отмокнуть* от *мокнуть*). Морфологическая «реакция» основ этих глаголов на суффиксальную имперфективацию аналогична таковой у семельфактивов: у НСВ₂ таких

Как следует из табл. 19, глаголы с формантом *-(а)ну-* отсутствуют в ПГ с префиксом *пред(о)-*; среди *недо-* и *пре-* глаголов они имеют исключительно единичные вхождения и по два вхождения — в группе *над(о)-* глаголов. Степень представленности префиксальных дериватов от перфективов с *-(а)ну-* в других группах лежит в диапазоне от 27 до 175 форм, где группы *до-* и *с(о)-* глаголов занимают, соответственно, нижнюю и верхнюю позицию.

Общая картина возможностей имперфективации приставочных дериватов от глаголов с *-(а)ну-*, полученная на основе материала МАС, НКРЯ и Рунета, представлена в табл. 20.

Таблица 20

Приставочные дериваты от глаголов с суффиксальным показателем *-(а)ну-*, ранжированные по количеству (относительные числа)

	в МАС	% в МАС	в НКРЯ	% в НКРЯ	в Гугл/ Яндекс	% в Гугл/ Яндекс	Кол-во	% с <i>-(а)ну-</i>
<i>пред(о)-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>пре-</i>	0	0	1	100	1	100	1	1,4
<i>недо-</i>	1	100	1	100	1	100	1	1,96
<i>на-</i>	57	83,82	59	86,76	62	91,18	57	3,9
<i>над(о)-</i>	0	0	1	50	2	100	2	4,26
<i>из(о)-/ис-</i>	24	80	25	83,33	24	80	30	5,28
<i>раз(о)-/рас-</i>	78	92,86	78	92,86	82	97,62	84	5,32
<i>по-</i>	40	42,11	62	65,26	75	78,95	95	5,43
<i>у-</i>	50	81,97	53	86,89	59	96,72	61	6,19
<i>о-/об(о)-</i>	63	67,79	67	72,04	76	81,72	93	6,36
<i>до-</i>	24	88,88	24	88,88	26	96,29	27	6,72
<i>про-</i>	88	85,44	95	92,23	99	96,12	103	7,32
<i>за-</i>	132	84,62	139	89,1	149	95,51	156	7,44
<i>пере-</i>	95	92,23	96	93,2	101	98,06	103	8,3
<i>от(о)-</i>	99	88,39	103	91,96	104	92,86	112	10,29
<i>вы-</i>	100	90,09	103	92,79	105	94,6	111	10,9
<i>с(о)-</i>	145	82,87	148	84,57	162	92,57	175	10,99
<i>под(о)-</i>	83	94,32	83	94,32	84	95,45	88	12,5
<i>в(о)-</i>	42	91,3	43	93,48	44	95,65	46	12,81
<i>при-</i>	95	84,07	101	89,38	110	97,35	113	13,66
<i>в(о)з(о)/с-</i>	50	68,49	54	73,97	62	84,93	73	15,37
Среднее	60,29	71,39	63,62	81,95	68	88,84	72,90	7,45

глаголов также отсутствует суффикс *-ну-* (*отмок-ну-ть* — *отмок-а-ть*). По этой причине все перфективы с показателем *-(а)ну-* вне привязки к их семантике и несмотря на различия в деривационной истории (приставочные семельфактивы отперфективны, а перфективы, образованные от глаголов «изменения состояния», неизменно образуются от основы НСВ₁) далее рассматриваются совокупно.

Отметим, что в целом наличие обсуждаемого показателя в основе глагола не запрещает (и существенно не ограничивает) его имперфективацию: так, она наблюдается в 20 из 20 ПГ, имеющих перфективы с *-(а)ну-*, в совокупно рассмотренном материале и в 18 из 20 — в материале из МАС, включающем конвенциональные («словарные») формы. Тем не менее в целях верификации обозначенной выше гипотезы интерес представляет не только уровень, но и способ имперфективации.

Рассмотрим оба показателя на примере групп, занимающих крайние позиции в табл. 21–24, где приводятся данные, ранжированные по возрастанию доли НСВ₂ в МАС; в суммарном материале МАС и НКРЯ; в суммарном материале МАС и Рунета соответственно.

Таблица 21

**Приставочные дериваты от глаголов с суффиксальным показателем *-(а)ну-*,
ранжированные по представленности НСВ₂ в МАС**

	в МАС	% в МАС	в НКРЯ	% в НКРЯ	в Гугл/ Яндекс	% в Гугл/ Яндекс	Кол-во	% с <i>-(а)ну-</i>
<i>над(о)-</i>	0	0	1	50	2	100	2	4,26
<i>пре-</i>	0	0	1	100	1	100	1	1,4
<i>пред(о)-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>по-</i>	40	42,11	62	65,26	75	78,95	95	5,43
<i>о-/об(о)-</i>	63	67,79	67	72,04	76	81,72	93	6,36
<i>в(о)з(о)/с-</i>	50	68,49	54	73,97	62	84,93	73	15,37
<i>из(о)-/ис-</i>	24	80	25	83,33	24	80	30	5,28
<i>у-</i>	50	81,97	53	86,89	59	96,72	61	6,19
<i>с(о)-</i>	145	82,87	148	84,57	162	92,57	175	10,99
<i>на-</i>	57	83,82	59	86,76	62	91,18	57	3,9
<i>при-</i>	95	84,07	101	89,38	110	97,35	113	13,66
<i>за-</i>	132	84,62	139	89,1	149	95,51	156	7,44
<i>про-</i>	88	85,44	95	92,23	99	96,12	103	7,32
<i>от(о)-</i>	99	88,39	103	91,96	104	92,86	112	10,29
<i>до-</i>	24	88,88	24	88,88	26	96,29	27	6,72
<i>вы-</i>	100	90,09	103	92,79	105	94,6	111	10,9
<i>в(о)-</i>	42	91,3	43	93,48	44	95,65	46	12,81
<i>пере-</i>	95	92,23	96	93,2	101	98,06	103	8,3
<i>раз(о)-/рас-</i>	78	92,86	78	92,86	82	97,62	84	5,32
<i>под(о)-</i>	83	94,32	83	94,32	84	95,45	88	12,5
<i>недо-</i>	1	100	1	100	1	100	1	1,96
Среднее	60,29	71,39	63,62	81,95	68	88,84	72,90	7,45

Табл. 21 показывает, что среди префиксальных дериватов от глаголов с суффиксом *-(а)ну-* с ненулевым и неединичным количеством имперфективируемость по МАС варьирует от 42,11 % (*по-*глаголы) до 94,32 % (*под(о)-*глаголы). При этом, в полном соответствии с характерной для зафиксированных в МАС конвенциональных форм картиной, ни в одном

из составляющих эту статистику случаев имперфективизация не происходит путем присоединения суффикса имперфективизации «поверх» семельфактивного показателя, т. е. случаев типа **от-прыг-н-ыва-ть* не зафиксировано.

Формы НСВ₂, таким образом, являются образованиями, равными соответствующим перфективам по количеству суффиксальных элементов (*подо-дви-ну-ть* — *подо-дви-а-ть*, *от-вис-ну-ть* — *от-вис-а-ть*), т. е. представляют собой результат присоединения суффикса имперфективизации *-(и/ы)ва-* к основе, предварительно лишенной назального суффикса *-(а)ну-* (вне зависимости от его семантики — семельфактивной или иной).

Таблица 22

Приставочные дериваты от глаголов с суффиксальным показателем *-(а)ну-*, ранжированные по сумме представленности НСВ₂ в МАС и НКРЯ

	в МАС	% в МАС	в НКРЯ	% в НКРЯ	в Гугл/ Яндекс	% в Гугл/ Яндекс	Кол-во	% с <i>-(а)ну-</i>
<i>пред(о)-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>над(о)-</i>	0	0	1	50	2	100	2	4,26
<i>по-</i>	40	42,11	62	65,26	75	78,95	95	5,43
<i>о-/об(о)-</i>	63	67,79	67	72,04	76	81,72	93	6,36
<i>в(о)з(о)/с-</i>	50	68,49	54	73,97	62	84,93	73	15,37
<i>из(о)-ис-</i>	24	80	25	83,33	24	80	30	5,28
<i>с(о)-</i>	145	82,87	148	84,57	162	92,57	175	10,99
<i>на-</i>	57	83,82	59	86,76	62	91,18	57	3,9
<i>у-</i>	50	81,97	53	86,89	59	96,72	61	6,19
<i>до-</i>	24	88,88	24	88,88	26	96,29	27	6,72
<i>за-</i>	132	84,62	139	89,1	149	95,51	156	7,44
<i>при-</i>	95	84,07	101	89,38	110	97,35	113	13,66
<i>от(о)-</i>	99	88,39	103	91,96	104	92,86	112	10,29
<i>про-</i>	88	85,44	95	92,23	99	96,12	103	7,32
<i>вы-</i>	100	90,09	103	92,79	105	94,6	111	10,9
<i>раз(о)-/рас-</i>	78	92,86	78	92,86	82	97,62	84	5,32
<i>пере-</i>	95	92,23	96	93,2	101	98,06	103	8,3
<i>в(о)-</i>	42	91,3	43	93,48	44	95,65	46	12,81
<i>под(о)-</i>	83	94,32	83	94,32	84	95,45	88	12,5
<i>пре-</i>	0	0	1	100	1	100	1	1,4
<i>недо-</i>	1	100	1	100	1	100	1	1,96
Среднее	60,29	71,39	63,62	81,95	68	88,84	72,90	7,45

Как следует из табл. 22, результаты, полученные на объединенном материале НКРЯ и МАС, не дают существенных отличий от данных, полученных только по МАС. Среди групп с неединичными употреблением приставочных дериватов от глаголов с суффиксами *-(а)ну-* наиболее низкую и наиболее высокую имперфективируемость по-прежнему

демонстрируют *по*-глаголы (65,26 %) и *под(о)*-глаголы (94,32 %). В среднем уровень имперфективируемости несколько повышается относительно данных, полученных исключительно из МАС: так, разница между уровнем имперфективируемости группы *по*-глаголов, занимающей самую низкую позицию в обоих списках, составляет 20 процентных пунктов; среднее по этим группам в МАС и НКРЯ также на 10 пунктов выше, чем в МАС (см. табл. 21).

В полном соответствии с тем, что было выявлено в более ранних исследованиях имперфективируемости и представлено в [Горбова 20196], материал НКРЯ не включает формы, где семельфактивный суффикс *-(а)ну-* сохранялся бы при образовании формы НСВ₂; единичные случаи (*встрепениваться*) объяснимы необходимостью устранения зияния между корнем и имперфективным суффиксом (на фоне наличия в НКРЯ формы *встрепетываться* это объяснение выглядит правдоподобным).

Таблица 23

Приставочные дериваты от глаголов с суффиксальным показателем *-(а)ну-*, ранжированные по сумме представленности НСВ₂ в МАС и Гугл/Яндекс

	в МАС	% в МАС	в НКРЯ	% в НКРЯ	в Гугл/ Яндекс	% в Гугл/ Яндекс	Кол-во	% с <i>-(а)ну-</i>
<i>пред(о)-</i>	0	0	0	0	0	0	0	0
<i>по-</i>	40	42,11	62	65,26	75	78,95	95	5,43
<i>из(о)-/ис-</i>	24	80	25	83,33	24	80	30	5,28
<i>о-/об(о)-</i>	63	67,79	67	72,04	76	81,72	93	6,36
<i>в(о)з(о)/с-</i>	50	68,49	54	73,97	62	84,93	73	15,37
<i>на-</i>	57	83,82	59	86,76	62	91,18	57	3,9
<i>с(о)-</i>	145	82,87	148	84,57	162	92,57	175	10,99
<i>от(о)-</i>	99	88,39	103	91,96	104	92,86	112	10,29
<i>вы-</i>	100	90,09	103	92,79	105	94,6	111	10,9
<i>под(о)-</i>	83	94,32	83	94,32	84	95,45	88	12,5
<i>за-</i>	132	84,62	139	89,1	149	95,51	156	7,44
<i>в(о)-</i>	42	91,3	43	93,48	44	95,65	46	12,81
<i>про-</i>	88	85,44	95	92,23	99	96,12	103	7,32
<i>до-</i>	24	88,88	24	88,88	26	96,29	27	6,72
<i>у-</i>	50	81,97	53	86,89	59	96,72	61	6,19
<i>при-</i>	95	84,07	101	89,38	110	97,35	113	13,66
<i>раз(о)-/рас-</i>	78	92,86	78	92,86	82	97,62	84	5,32
<i>пере-</i>	95	92,23	96	93,2	101	98,06	103	8,3
<i>над(о)-</i>	0	0	1	50	2	100	2	4,26
<i>пре-</i>	0	0	1	100	1	100	1	1,4
<i>недо-</i>	1	100	1	100	1	100	1	1,96
Среднее	60,29	71,39	63,62	81,95	68	88,84	72,90	7,45

Табл. 23 показывает, что в суммарном материале по МАС и Гугл/Яндекс уровень имперфективируемости несколько возрастает по сравнению с двумя рассмотренными выше

типами материала. Наиболее низкий уровень имперфективируемости (среди неединично представленных групп) по-прежнему обнаруживают *по*-глаголы, однако уровень имперфективируемости здесь, с подключением Рунета, достигает уже 78,95 %. Наиболее высокий уровень имперфективируемости показывают *пере*-глаголы (98,06 %). Наконец, средний уровень имперфективируемости по всем ПГ превышает соответствующую долю в суммарном материале МАС и НКРЯ на 6,9 процентных пунктов (с учетом групп с нулевыми и единичными показателями).

Кроме тенденции к повышению доли фиксируемых в материале Рунета форм НСВ₂, внимание на себя обращает также морфологическая структура этих форм. Так, здесь впервые появляются единичные случаи вхождения суффикса *-(и/ы)ва-* в основу с сохранением в ней семельфактивного форманта, как в (9), (10).

Таблица 24

Сопоставление имперфективируемости *-(а)ну*-подгрупп с общим уровнем имперфективируемости соответствующих ПГ (по *tin*-выборкам), сортировка по алфавиту

	% в МАС	% в МАС	% в НКРЯ	% в НКРЯ	% в Гугл/ Яндекс	% в Гугл/ Яндекс
<i>в(о)-</i>	91,3	31,12	93,48	43,54	95,65	69
<i>в(о)з(о)/с-</i>	68,49	68,32	73,97	76,33	84,93	86,45
<i>вы-</i>	90,09	70,02	92,79	76,91	94,6	88,9
<i>до-</i>	88,88	75,2	88,88	78,1	96,29	90,89
<i>за-</i>	84,62	66,11	89,1	76,19	95,51	91
<i>из(о)-ис-</i>	80	68,82	83,33	77,46	80	91,8
<i>на-</i>	83,82	76,95	86,76	84,01	91,18	92,72
<i>над(о)-</i>	0	82,92	50	90,60	100	94,87
<i>недо-</i>	100	81,21	100	88,85	100	94,91
<i>о-/об(о)-</i>	67,79	85,66	72,04	90,85	81,72	95,3
<i>от(о)-</i>	88,39	80,86	91,96	87,26	92,86	95,48
<i>пере-</i>	92,23	85,87	93,2	88,41	98,06	96,58
<i>по-</i>	42,11	92,63	65,26	96,47	78,95	97,76
<i>под(о)-</i>	94,32	86,66	94,32	100	95,45	97,77
<i>пре-</i>	0	95,53	100	98,35	100	98,35
<i>пред(о)-</i>	0	89,86	0	94,88	0	98,56
<i>при-</i>	84,07	90,97	89,38	95,49	97,35	99,16
<i>про-</i>	85,44	93,2	92,23	94,17	96,12	100
<i>раз(о)-/рас-</i>	92,86	88,09	92,86	97,62	97,62	100
<i>с(о)-</i>	82,87	97,87	84,57	100	92,57	100
<i>у-</i>	81,97	100	86,89	100	96,72	100
Среднее	71,39	80,37	81,95	87,24	88,84	94,26
	"-(а)ну-"	MIN	"-(а)ну-"	MIN	"-(а)ну-"	MIN

- (9) *А дети все всегда облизывают и тащат в рот* [<http://baliforum.ru/index.php/topic,1569.0.html>].
- (10) *Но недавно приснился сон, начало не особо важно, какие-то как вызовы духов не знаю, короче, я начинаю очинаться в другом теле в другой личине, забывая при этом свою жизнь и свои воспоминания* [<http://filens.info/forum/index.php?topic=14950.0>].

Образование формы *очинаться* из (10) можно, как и в приведенном выше случае с *встрепенываться*, объяснить фонотактическими причинами; однако это объяснение трудно распространить на *облизывать* в (9), выпадение носового форманта в котором не привело бы к возникновению зияния. Таким образом, можно говорить о наличии исключительных (окказиональных, неконвенциональных) случаев допущения глаголами на *-(а)ну*-присоединения суффикса *-(и/ы)ва-* без вытеснения из основы назального показателя.

В табл. 24 (с. 125) приводятся сведения об уровне имперфективируемости ПГ в выборках глаголов с *-(а)ну-* и в *min*-выборках соответственно.

Как следует из табл. 24, в выборках глаголов с формантом *-(а)ну-* в среднем наблюдается более низкий уровень имперфективируемости, чем в *min*-выборках по соответствующим ПГ. В зависимости от источника материала, разница может составлять от 5,42 процентных пунктов (по Гугл/Яндекс) до 8,98 (по МАС). Важно отметить, что в отдельных случаях (например, у *раз(о)-/рас-*глаголов по МАС, у *в(о)-*глаголов по Гугл/Яндекс) соотношение может быть и обратным.

Итак, присутствие в основе приставочного перфектива назального суффикса *-(а)ну-* в общем случае понижает вероятность имперфективации и, за редкими исключениями, запрещает один из главных ее механизмов: присоединение форманта *-(и/ы)ва-* к имеющейся основе.

Тем не менее отмеченные единичные случаи реализации в разговорной речи суффиксальной имперфективации приставочных семельфактивов (шире — глаголов с суффиксом *-(а)ну-*) «поверх» (и при сохранении в основе) назального суффикса являются любопытным явлением, свидетельством унификации имперфективации и, возможно, первым признаком замены имеющегося механизма суффиксальной имперфективации *-(а)ну-*глаголов, с «вытеснением» одного суффикса другим, на иной механизм, предполагающий присутствие обоих суффиксов: показателя семельфактива (или омонимичного ему инхотативного *-ну-*) на первом месте после корня, и показателя имперфектива — на втором.

3. Итоги и выводы

Резюмируем полученные результаты.

I. Суффиксальной имперфективации подвержены русские глаголы, префигированные одним или более чем одним префиксом из перечня: *в(о)-, в(о)з(о)/с-, вы-, до-, за-, из(о)-/ис-, на-, над(о)-, недо-, о-/об(о)-, от(о)-, пере-, по-, под(о)-, пре-, пред(о)-, при-, про-, раз(о)/с-, с(о)-, у-*.

II. Уровень имперфективируемости русских префигированных глаголов при округлении до целых лежит в диапазоне от 77 % до 92 % по *тах*-выборкам и от 80 % до 94 % по *min*-выборкам (приведены средние значения по всем ПГ). Тем самым можно с уверенностью утверждать, что суффиксальная имперфективация даже в рамках нормативного словаря (77 % и 80 %) отвечает требованию регулярности словоизменительной категории по А. А. Зализняку, согласно которому необходимо, чтобы морфосинтаксическим механизмом были охвачены «все словоформы класса ⟨...⟩ (или по крайней мере подавляющее их большинство)» [Зализняк 2002: 25–26], а с учетом корпусных данных и данных Рунета (92 % и 94 %) соответствие требованию регулярности становится очевидным.

III. Корреляции между уровнем полисемии в ПГ глаголов и степенью имперфективируемости не выявлено: степень многозначности не оказывает сколько-нибудь существенного влияния на имперфективируемость префигированных глаголов.

IV. Отыменные (и отадвербиальные) по происхождению приставочные перфективы обладают повышенным уровнем имперфективируемости (средние значения по ПГ с наличием таких образований: 88 % по МАС, 91 % по МАС + НКРЯ, 97 % по МАС + Рунет).

V. Отперфективные перфективы (кроме *по*-глаголов) демонстрируют более высокую по сравнению со средним уровнем в ПГ имперфективируемость. Возможное объяснение: при отсутствии у отперфективных глаголов исходного имперфектива-симплекса суффиксальная имперфективация — единственный способ сформировать имперфективную форму лексемы.

VI. Приставочные перфективы на *-и(зи)рова-* имеются далеко не в каждой ПГ: в 10 ПГ (по МАС) они отсутствуют; это эквивалентно утверждению, что глаголы с компонентом *-и(зи)рова-* префигируются не любым из доступных глаголу префиксов. Приставочные перфективы на *-и(зи)рова-* составляют специфическую группу со сниженной имперфективируемостью в нормативном словаре и компенсирующим ростом уровня имперфективации в НКРЯ и/или Рунете по всем ПГ, кроме групп с префиксами *по-* и *про-*. Рабочая гипотеза для будущих исследований: причиной может быть делимитативная и пердуративная (непредельная — без кульминации) семантика дериватов с этими префиксами.

VII. В рамках СД, имеющих префиксальный (или циркумфиксальный) словообразовательный показатель, при учете материала из НКРЯ и Рунета отсутствуют подмножества с нулевым уровнем имперфективируемости; следовательно, строгого запрета на имперфективацию тех или иных СД не существует. При этом нужно признать, что в целом уровень имперфективируемости в рамках СД остается ниже средних показателей по *max-* и *min-*выборкам соответствующих ПГ. Из 22 рассмотренных СД 17 демонстрируют более низкий уровень имперфективируемости по сравнению с *max-*выборками и 19 — по сравнению с *min-*выборками соответствующих ПГ. Однако в трех СД соотношение обратное (уровень имперфективируемости СД выше среднего уровня в «своей» группе по *min-*выборкам): делимитативный на *по-* (*постоять*, *помурлыкать*) — 73 % в СД и 69 % во всей группе, дистрибутивно-суммарный на *об(о)-* (*обзвонить*, *объездить*) — 97 % и 96 % и репетитивный с *пере-* (*перебинтовать*, *передарить*) — 99,6 % и 94,9 %. Следовательно, сниженная имперфективируемость приставочных перфективов, относящихся к СД, имеет признаки (сильной) тенденции, но не закона.

VIII. Относительно имперфективируемости подмножеств глаголов с формантом *-(а)ну-* получен следующий результат: в среднем в них наблюдается более низкий уровень имперфективируемости, чем в *min-*выборках. Подтверждено, что описанное в литературе явление присутствует в основе приставочного перфектива семельфактивного суффикса *-(а)ну-* в общем случае понижает вероятность имперфективации глагола и запрещает один из главных ее механизмов: присоединение форманта *-(и/ы)ва-* к имеющейся основе без каких-либо изменений в ней (изъятия материала). Однако в материалах из Рунета (разговорной речи) зафиксированы единичные случаи реализации суффиксальной имперфективации приставочных семельфактивов «поверх» *-(а)ну-*: *очи-н-а-ться*, *облиз-н-ыва-ться*. Эти находки особенно любопытны, поскольку являются свидетельством унификации имперфективации, признаком замены имеющегося механизма суффиксальной имперфективации семельфактивов с «вытеснением» одного суффикса другим (*мах-ну-ть* и *мах-а-ть*) на новый механизм, предполагающий одновременное присутствие двух суффиксов: показателя семельфактива (или инхоатива) на первом после корня месте и имперфектива — на втором.

Полученные результаты в своей совокупности подтверждают описательную адекватность двухкомпонентной модели, трактующей русский вид как словоизменительную категорию с единственным механизмом формообразования — суффиксальной имперфективацией — в рамках сферы действия, ограниченной приставочными глаголами (первый компонент), и с акциональностью как основой и объяснением имперфективного (реже — перфективного) функционирования глаголов-симплексов (второй компонент).

Результаты исследования имперфективируемости русских приставочных глаголов сопоставимы с результатами других исследовательских проектов. В частности, они

коррелируют с выводами масштабного диахронического корпусного исследования биимперфективных троек в польском и чешском языках (на примере одной из них — эквивалента русск. *делить*^{IPFV1} — *разделить*^{PFV} — *разделять*^{IPFV2}) в [Wiemer et al. 2020]. Особенно значим наиболее существенный вывод исследования, сводимый к несовпадению и даже к дополнительной дистрибуции функций двух имперфективов видовой тройки: первичных имперфективов-симплексов ($HCB_1 = IPFV_1$) и префигированных вторичных имперфективов ($HCB_2 = IPFV_2$): «[t]he distribution of canonical functions of the IPFV aspect clearly tends toward complementary sharework between $IPFV_1$ and $IPFV_2$, which to some extent supports the ‘division of labour’ hypothesis between two IPFV stems [...] we at least observed a clear split between the stative function and the rest (in favor of $IPFV_1$), and this lends support to the assumption that the two IPFV stems tend toward complementary distribution among canonical aspect functions» [Ibid.: 261]. Данный вывод соотносится с отмечаемой нами особой ролью суффиксальной имперфективации, связывающей перфектив и имперфектив приставочного глагола (*разделить*^{CB} → *разделять*^{HCB2}), верифицируя ее словоизменительную сущность и подтверждая ключевую роль механизма имперфективации в двухкомпонентной модели русского (шире — славянского) вида.

Примечательным является также корпусное исследование на материале русского глагола другого коллектива, представленное в [Eckhoff et al. 2017]. Основной вывод авторов сводится к тому, что наиболее характерными (прототипическими) представителями перфективов являются перфективы префигированные, а представителями имперфективов — имперфективы вторичные (т. е. также префигированные): «[t]he prefixed perfectives tend also to have grammatical profiles most characteristic of perfective verbs, while secondary imperfectives have grammatical profiles most characteristic of imperfective verbs. These two classes of verbs clearly behave as prototypes for the two aspects» [Ibid.: 873]. Другими словами, префигированный СВ и HCB_2 оказываются ядерными, или прототипическими, представителями видовой оппозиции, что замечательным образом коррелирует с выводом нашего исследования о высокой степени регулярности имперфективации приставочных перфективов и предлагаемом взгляде на этот морфологический процесс как на словоизменительный механизм видообразования.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

- Кузнецова, Ефремова 1986 — Кузнецова А. И., Ефремова Т. Ф. *Словарь морфем русского языка*. М.: Русский язык, 1986.
 МАС — *Словарь русского языка*. Т. 1–4 / Под ред. А. П. Евгеньевой. 2-е изд. М., 1981–1984.
 НКРЯ — *Национальный корпус русского языка*. <http://www.ruscorpora.ru>.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Апресян 2006 — Апресян Ю. Д. Основания системной лексикографии. *Языковая картина мира и системная лексикография*. Апресян Ю. Д. (отв. ред.). М.: Языки славянской культуры, 2006, 33–162. [Apresjan Yu. D. Foundations of systemic lexicography. *Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya*. Apresjan Yu. D. (ed.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2006, 33–162.]
 Горбова 2015 — Горбова Е. В. Видообразование русского глагола: префиксация и/или суффиксация? *Вопросы языкознания*, 2015, 1: 7–38. [Gorbova E. V. Aspectual formation of Russian verb: prefixation and/or suffixation? *Voprosy Jazykoznanija*, 2015, 1: 7–38.]
 Горбова 2016 — Горбова Е. В. Русские семельфактивы и непрототипическая алломорфия. *Russian Linguistics*, 2016, 40(1): 57–78. [Gorbova E. V. Russian semelfactives and non-prototypical allomorphy. *Russian Linguistics*, 2016, 40(1): 57–78.]
 Горбова 2017 — Горбова Е. В. *Грамматическая категория аспекта и контекст*. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2017. [Gorbova E. V. *Grammaticheskaya kategoriya aspekta i kontekst* [The grammatical category of aspect and the context]. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2017.]

- Горбова 2019а — Горбова Е. В. Двухкомпонентная модель русского вида: положения, предсказания, подтверждения. *Славистика*, 2019, 1: 45–61. [Gorbova E. V. A two-component model of Russian aspect: Statements, predictions, confirmations. *Slavistika*, 2019, 1: 45–61.]
- Горбова 2019б — Горбова Е. В. Имперфективация перфективных способов действия русского глагола. *Język i metoda*, 2019, 6: 243–257. [Gorbova E. V. The imperfectivization of perfective Aktionsarten of Russian verb. *Język i metoda*, 2019, 6: 243–257.]
- Горбова 2019в — Горбова Е. В. Имперфективируемость русских приставочных перфективов (на примере *про-* и *у-*глаголов). *Вопросы языкознания*, 2019, 1: 58–74. [Gorbova E. V. Imperfectivability of Russian prefixal perfectives (the case of *pro-* and *u-*verbs). *Voprosy Jazykoznanija*, 2019, 1: 58–74.]
- Горбова 2019г — Горбова Е. В. К ограничению на имперфективацию: имперфективируются ли русские глаголы перфективных способов действия? *Сборник статей к 85-летию В. С. Храковского*. Герасимов Д. В., Дмитренко С. Ю., Заика Н. М. (ред.). М.: Языки славянской культуры, 2019, 98–115. [Gorbova E. V. Towards the restriction on imperfectivization: are Russian verbs of perfective modes of action imperfectivizing? *Sbornik statei k 85-letiju V. S. Khrakovskogo*. Gerasimov D. V., Dmitrenko S. Yu., Zaika N. M. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2019, 98–115.]
- Горбова, Чуйкова 2020 — Горбова Е. В., Чуйкова О. Ю. Способы действия русского глагола и вторичная имперфективация (на примере приставочных групп глаголов на *по-*, *про-*, *у-*). *Взаимодействие аспекта со смежными категориями. Материалы VII Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов*. СПб.: Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2020, 136–148. [Gorbova E. V., Chuikova O. Iu. Aktionsarten and the secondary imperfectivization (the case of *po-*, *pro-* and *u-*verbs). *Vzaimodeistvie aspekta so smezhnymi kategoriyami. Materialy VII Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov*. St. Petersburg: Herzen Univ. Press, 2020, 136–148.]
- Зализняк 2002 — Зализняк А. А. «Русское именное словоизменение» с приложением избранных работ по русскому языку и общему языкознанию, М.: Языки славянской культуры, 2002. [Zaliznyak A. A. «Russkoe imennoe slovoizmenenie» s prilozheniem izbrannykh rabot po sovremennomu russkomu yazyku i obshchemu yazykoznaniiu [Russian Nominal Inflection with selected works on Modern Russian and general linguistics]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2002.]
- Анна Зализняк и др. 2015 — Зализняк Анна А., Микаэлян И. Л., Шмелев А. Д. *Русская аспектология: в защиту видовой пары*. М.: Языки славянской культуры, 2015. [Zaliznyak Anna A., Mikaelyan I. L., Shmelev A. D. *Russkaya aspektologiya: v zashchitu vidovoi pary* [Russian aspectology: In defense of the aspectual pair]. Moscow: Yazyki Slavyanskoi Kul'tury, 2015.]
- Пазельская, Татевосов 2008 — Пазельская А. Г., Татевосов С. Г. Отглагольное имя и структура русского глагола. *Исследования по глагольной деривации*. Плунгян В. А., Татевосов С. Г. (отв. ред.). М.: Языки славянских культур, 2008, 348–379. [Pazel'skaya A. G., Tatevosov S. G. Deverbal noun and structure of Russian verb. *Issledovaniya po glagol'noi derivatsii*. Plungian V. A., Tatevosov S. G. (eds.). Moscow: Yazyki Slavyanskikh Kul'tur, 2008, 348–379.]
- Плунгян 2011 — Плунгян В. А. *Введение в грамматическую семантику: грамматические значения и грамматические системы языков мира*. М.: РГГУ, 2011. [Plungian V. A. *Vvedenie v grammaticheskuyu semantiku: grammaticheskie znacheniya i grammaticheskie sistemy yazykov mira* [Introduction to grammatical semantics: Grammatical meanings and grammatical systems of the world's languages]. Moscow: Russian State Univ. for the Humanities, 2011.]
- Смит 1998 — Смит К. С. Двухкомпонентная теория вида. *Типология вида: проблемы, поиски, решения*. Черткова М. Ю. (отв. ред.). М.: Языки русской культуры, 1998, 404–422. [Smith C. S. A two-component theory of aspect. *Tipologiya vida: problemy, poiski, resheniya*. Chertkova M. Yu. (ed.). Moscow: Yazyki Russkoi Kul'tury, 1998, 404–422.]
- Татевосов 2013 — Татевосов С. Г. Множественная префиксация и ее следствия (Заметки о физиологии русского глагола). *Вопросы языкознания*, 2013, 3: 42–89. [Tatevosov S. G. Polyprefixation and its consequences (Notes on the physiology of the Russian verb). *Voprosy Jazykoznanija*, 2013, 3: 42–89.]
- Федотов, Чуйкова 2013 — Федотов М. Л., Чуйкова О. Ю. К определению аспектуального значения лимитатива и вопросу об особенностях «делимитативной» деривации русского глагола. *Из прошлого в будущее. Сборник статей и воспоминаний к 100-летию проф. Ю. С. Маслова*. Грехова Е. И. (ред.). СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2013, 153–203. [Fedotov M. L., Chuikova O. Iu. On the definition of the aspectual meaning of the limitative and peculiarities of the “delimitative” derivation of Russian verb]. Grekhova E. I. (ed.). *Iz proshlogo v budushchee. Sbornik statei i vospominanii k 100-letiju prof. Yu. S. Maslova*. St. Petersburg: St. Petersburg State Univ. Press, 2013, 153–203.]

- Храковский 1989 — Храковский В. С. (отв. ред.). *Типология итеративных конструкций*. Л.: Наука, 1989. [Xrakovskij V. S. (ed.). *Tipologiya iterativnykh konstruksii* [Typology of iterative constructions]. Leningrad: Nauka, 1989.]
- Храковский 2015 — Храковский В. С. Категория вида в русском языке: болевые точки. *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития. Сб. статей V Международной конференции Комиссии по аспектологии Международного комитета славистов*. Китадзэ М. (сост.). Киото: Tanaka Print, 2015, 306–318. [Xrakovskij V. S. Kategoriya vida v russkom yazyke: bolevye tochki [The category of aspect in Russian: Problematic issues]. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i stsenarii diakhronicheskogo razvitiya. Sbornik statei V Mezhdunarodnoi konferentsii Komissii po aspektologii Mezhdunarodnogo komiteta slavistov*. Kitajo M. (comp.). Kyoto: Tanaka Print, 2015: 306–318.]
- Храковский 2018 — Храковский В. С. И опять о «болевых» точках категории вида. *Вопросы языкознания*, 2018, 1: 105–118. [Xrakovskij V. S. Aspect's "sore points" revisited once more. *Voprosy Jazykoznanija*, 2018, 1: 105–118.]
- Чуйкова 2020 — Чуйкова О. Ю. Об особенностях вторичной имперфективации глаголов с префиксом *по-* в русском языке. *Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии: По материалам ежегодной международной конференции «Диалог»*, 2020, 19(26): 160–176. [Chuiikova O. Iu. On the secondary imperfectivization of *po-*perfectives in Russian. *Computational linguistics and intellectual technologies. Papers from the Annual International Conf. "Dialogue"*, 2020, 19(26): 160–176.]
- Шелякин 2008 — Шелякин М. А. *Категория аспектуальности русского глагола*. М.: УРСС, 2008. [Shelyakin M. A. *Kategoriya aspektual'nosti russkogo glagola* [The category of aspectuality of Russian verb]. Moscow: URSS, 2008.]
- Eckhoff et al. 2017 — Eckhoff H. M., Janda L. A., Lyashevskaya O. Predicting Russian aspect by frequency across genres. *Slavic and East European Journal*, 2017, 61(4): 844–875.
- Janda, Korba 2008 — Janda L. A., Korba J. Beyond the pair: Aspectual clusters for learners of Russian. *Slavic and East European Journal*, 2008, 52(2): 254–270.
- Smith 1997 — Smith C. *The parameter of aspect*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 1997.
- Wiemer et al. 2020 — Wiemer B., Wrzesień-Kwiatkowska J., Wyroślak P. How morphologically related synonyms come to make up a paradigm. *Russian Linguistics*, 2020, 44: 231–266.
- Zalizniak 2017 — Zalizniak Anna A. Russian prefixed verbs of motion revisited. *Zeitschrift für Slawistik*, 2017, 62(1): 1–28.

Получено / received 31.12.2020

Принято / accepted 26.01.2021

Morphology and word order in Slavic languages: Insights from annotated corpora

© 2021

Yan Jianwei^aLiu Haitao^{a, b, @}^aZhejiang University, Hangzhou, China;^bGuangdong University of Foreign Studies, Guangzhou, China; htliu@163.com

Abstract: Slavic languages are generally assumed to possess rich morphological features with free syntactic word order. Exploring this complexity trade-off can help us better understand the relationship between morphology and syntax within natural languages. However, few quantitative investigations have been carried out into this relationship within Slavic languages. Based on 34 annotated corpora from Universal Dependencies, this paper paid special attention to the correlations between morphology and syntax within Slavic languages by applying two metrics of morphological richness and two of word order freedom, respectively. Our findings are as follows. First, the quantitative metrics adopted can well capture the distributions of morphological richness and word order freedom of languages. Second, the metrics can corroborate the correlation between morphological richness and word order freedom. Within Slavic languages, this correlation is moderate and statistically significant. Precisely, the richer the morphology, the less strict the word order. Third, Slavic languages can be clustered into three sub-groups based on classification models. Most importantly, ancient Slavic languages are characterized by richer morphology and more flexible word order than modern ones. Fourth, as two possible disturbing factors, corpus size does not greatly affect the results of the metrics, whereas corpus genre does play an important part in the measurements of word order freedom. Specifically, the word order of formal written genres tends to be more rigid than that of informal written and spoken ones. Overall, based on annotated corpora, the results verify the negative correlation between morphological richness and word order rigidity within Slavic languages, which might shed light on the dynamic relations between morphology and syntax of natural languages and provide quantitative instantiations of how languages encode lexical and syntactic information for the purpose of efficient communication.

Keywords: corpus linguistics, language complexity, linguistic typology, morphology, quantitative linguistics, Slavic, word order

For citation: Yan J., Liu H. Morphology and word order in Slavic languages: Insights from annotated corpora. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 4: 131–159.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.4.131-159

Морфология и порядок слов в славянских языках: исследование на материале аннотированных корпусов

Янь Цзяньвэй^aЛю Хайтао^{a, б, @}

^aЧжэцзянский университет, Ханчжоу, Китай; ^бГуандунский университет иностранных языков и внешней торговли, Гуанчжоу, Китай; htliu@163.com

Аннотация: Известно, что славянские языки обладают богатой морфологией, а также свободным порядком слов. Исследование взаимосвязи этих двух характеристик важно для понимания соотношения между морфологией и синтаксисом в естественных языках. Однако количественных

исследований этого вопроса на славянском материале существует немного. В данной статье на материале 34 аннотированных корпусов из Universal Dependencies исследуется корреляция между морфологией и синтаксисом в славянских языках с использованием двух метрик богатства морфологии и двух метрик свободы порядка слов. Результаты заключаются в следующем. Во-первых, принятые количественные метрики хорошо отражают связь между морфологическим богатством и свободой порядка слов в языках. Во-вторых, метрики подтверждают наличие корреляции между морфологическим богатством и свободой порядка слов (чем богаче морфология, тем менее строгий порядок слов). В славянских языках эта корреляция является умеренной и статистически значимой. В-третьих, славянские языки можно разделить на три подгруппы на основе классификационных моделей. В частности, древние славянские языки характеризуются более богатой морфологией и более гибким порядком слов, чем современные. В-четвертых, было установлено, что размер корпуса не сильно влияет на результаты анализа, но преобладающий в корпусе жанр имеет большое значение при измерении свободы порядка слов — а именно, порядок слов в формальных письменных текстах является более жестким, чем в неформальных письменных и в устных текстах. В целом анализ аннотированных корпусов подтверждает корреляцию между морфологическим богатством и свободой порядка слов в славянских языках, что может помочь нам в понимании динамических связей между морфологией и синтаксисом естественных языков и послужить квантитативной иллюстрацией того, как языки кодируют лексическую и синтаксическую информацию для эффективной коммуникации.

Ключевые слова: квантитативная лингвистика, корпусная лингвистика, лингвистическая типология, морфология, порядок слов, славянские языки, языковая сложность

Для цитирования: Yan J., Liu H. Morphology and word order in Slavic languages: Insights from annotated corpora. *Voprosy Jazykoznanija*, 2021, 4: 131–159.

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.4.131-159

1. Introduction

Plenty of linguists hold the “negative correlation hypothesis” or the “complexity trade-off hypothesis”, which states that different components of human language (e.g., phonology, morphology, syntax, and semantics) are negatively correlated in terms of complexity (e.g., [Shosted 2006; Fenk-Oczlon, Fenk 2014; Coloma 2017]). In other words, if one component of a language is very sophisticated, another component of that language tends to be simplified. For example, Fenk-Oczlon and Fenk [2014] reported significant negative cross-linguistic correlations between syllable complexity and number of syllables per clause and per word, and an almost significant negative correlation between syllable complexity and number of morphological cases. Coloma [2017] examined the interrelationship among three components, phoneme per syllable, syllable per word, and word per clause, and found that they are negatively correlated between themselves, supporting the possible existence of complexity trade-offs. Shosted [2006] investigated the correlation between phonology and morphology, and found that the correlation is slightly positive but statistically insignificant. These studies on different levels provided a window into how human beings encode linguistic information, thus enriching our understanding of the dynamic relations of different components of human language.

When it comes to the correlation between the components of morphology and syntax, one commonly made cross-linguistic generalization is that languages with rich case-marking tend to have more freedom of word order than the languages without [Sapir 1921; Jakobson 1936; McFadden 2003]. Some studies have also proposed metrics or ways to quantify or explain this correlation. For instance, Sinnemäki [2014] tested whether complexity in case marking correlates with simplicity in word order cross-linguistically, and the results showed that languages with a lot of variety in case marking tend to have less variety in word order patterns and this correlation is strong in terms of the inventory of linguistic units and constructions. In addition, Koplenig et al. [2017] investigated the statistical trade-off between word order and word structure

of almost 1,200 different languages based on the metric of entropy, and found that when less information is carried by word structure, more information has to be conveyed by word order. Also, based on word order entropy, one of the findings of Levshina [2019: 562] is that some morphologically rich European VO and OV languages “tend to have high entropy of head-dependent orders”. Moreover, McFadden [2003] explained the correlation between word order and morphology from the perspectives of language use, language acquisition, and language change. However, special attention still needs to be granted to the distinctive features of the Slavic group with more comprehensive and interpretable metrics.

Slavic languages are characterized as being morphologically conservative with rich fusional morphology and syntactically salient with so-called free word order [Comrie, Corbett (eds.) 1993: 6–7; Klein et al. (eds.) 2018]. As synthetic languages, they allow one word ending to express several categories at once, which makes them typically fusional or inflectional. In contrast, analytic languages, such as Chinese and Vietnamese, contain very little inflection and rely instead on features like word order to convey grammatical information. Meanwhile, English is often considered as one of the most analytic Indo-European languages though it is traditionally analyzed as a fusional one. Although a number of theoretical studies, computational research, and translational practices suggest that the free word order of Slavic languages may be correlated with their rich morphological features (e.g., [Gulordava, Merlo 2015; Maučec, Brest 2019]), the empirical investigations of this correlation and its ongoing changes within this language group are still rare.

Also, the emergence of large-scale annotated corpora (or treebanks) [Hajič 1998; Abeillé (ed.) 2003] and quantitative indicators paves the way for this study. On the one hand, annotated corpora are becoming a new linguistic resource for typological studies. There are already many quantitative studies based on treebanks, attempting to unveil the typological features of languages, e.g. [Liu 2010; Futrell et al. 2015; Alzetta et al. 2019]. Results based on annotated corpora are more profound and thorough, since they can better reflect the unique features of intra-linguistic variation [Levshina 2019], and conclusions drawn are based on “language sample used in practice instead of just on some simple sentences collected for the study” [Liu 2010: 1568]. On the other hand, the field of typology has a long history of adopting quantitative indicators to characterize linguistic features (e.g., [Greenberg 1960; 1963]). Also, quantitative metrics, combined with statistical measures, can better uphold the validity of the results. As put by Plungian [2018: 11], without statistics, the language system can generally not be fully understood, and statistics plays an essential role in linguistics of the 21st century. Hence, by adopting different metrics at each linguistic level, we aimed to quantify the correlation between morphological richness and word order freedom within the Slavic language group based on large-scale annotated corpora.

To this end, we employed 34 annotated corpora with morphological and syntactic annotations, which represent 13 Slavic and four non-Slavic languages (Vietnamese, Classical Chinese, Standard Chinese, and English). The reason why we adopted non-Slavic languages is that they range from typical analytic (Vietnamese, Classical Chinese), highly analytic (Standard Chinese) to a moderately analytic, but still the most analytic among Indo-European languages (English). We expect that the measured results of these languages also scatter consecutively in the typological continuum, and the comparison across Slavic and non-Slavic can better present the features of Slavic languages under discussion. Meanwhile, two metrics of morphological richness and two of word order freedom were adopted, and the correlations of the four metrics were also presented. The reason for choosing more than one indicator is to ensure the reliability of our measurements. Based on the prior introspective intuition and general quantitative findings mentioned above, we expect Slavic languages to conform to the typological generalization of “negative correlation”. Moreover, we conducted a cluster analysis of Slavic languages to verify the robustness of the measures. In doing so, we hope that, based on four indicators, the analysis of the correlation between the morphological and the syntactic levels can better describe the linguistic characteristics of the Slavic languages, thus bringing new insights into the research of related languages and of how lexical and syntactic information is encoded.

Specifically, the research questions in this paper are as follows.

Question 1: Are the values of different indicators based on annotated corpora reliable to reflect the morphological richness and word order freedom of languages?

Question 2: Are the morphological richness and word order freedom of languages positively correlated? Can we see any variation of morphological richness and word order freedom within Slavic languages? If there is variation, does the well-known correlation hold?

Question 3: Where do languages (or subgroups) end up in the two-dimensional space? Are there any differences between modern and ancient Slavic languages?

Question 4: Are there any possible factors related to specific corpora that might have effects on the results of the metrics of morphological richness and word order freedom?

2. Materials and methods

2.1. Materials

In the current study, we adopted all Slavic treebanks in UD 2.5 [Zeman et al. 2019],¹ 24 treebanks in total, involving 13 Slavic languages, i.e., Belarusian (one treebank), Bulgarian (one treebank), Croatian (one treebank), Czech (five treebanks), Old Church Slavonic (one treebank), Old Russian (two treebanks), Polish (three treebanks), Russian (four treebanks), Serbian (one treebank), Slovak (one treebank), Slovenian (two treebanks), Ukrainian (one treebank) and Upper Sorbian (one treebank). Besides, we employed ten treebanks² of four non-Slavic languages for comparison, i.e., Standard Chinese (three treebanks), Classical Chinese (one treebank), English (five treebanks), and Vietnamese (one treebank). Altogether, 34 treebanks of 17 languages are used in this study. The details on the treebanks are shown in **Appendix A**.

All treebanks are annotated in CoNLL-U format according to dependency grammar [Tesnière 1959; 2015; Mel'čuk 1988] to describe linguistic relations of elements, i.e., the head and the dependent within sentences [Heringer 1993; Hudson 1995; Jiang, Liu (eds.) 2018]. To be specific, ten fields are annotated, i.e., ID (word index of the dependent), FORM, LEMMA, UPOS, XPOS (language-specific POS tag), FEATS (morphological features), HEAD (word index of the head), DEPREL (dependency relation), DEPS (enhanced dependency descriptions) and MISC (other miscellaneous annotation).³ **Table 1** (p. 135) is a simplified CoNLL-U version of an example sentence.

2.2. Methods

Four metrics are used in this study, namely, moving-average morphological richness (MAMR), moving-average mean size of paradigm (MAMSP), cosine similarity (COSS), and word order entropy (ENTR). The first two are used to measure morphological richness, and the other two are used to measure word order freedom. On the one hand, these four measures can make full use of the annotated corpora; on the other hand, they are computable and interpretable.

¹ For more information, see <https://universaldependencies.org/>.

² We adopted all treebanks of Standard Chinese, Classical Chinese, English and Vietnamese in UD 2.5, except four of them, i.e., Chinese-HK (no annotation of LEMMA), Chinese-PUD (no annotation of LEMMA), English-ESL (no annotation of FORM and LEMMA), English-Pronouns (no declarative sentences with complete S/V/O combinations).

³ For more information, see <https://universaldependencies.org/format.html>.

Table 1

Simplified CoNLL-U version of the sentence *You like apples, he likes apples, she likes apples, and I like apples*

ID	FORM	LEMMA	UPOS	XPOS	FEATS	HEAD	DEPREL	DEPS	MISC
1	You	you	PRON	PRP	-	2	nsubj	NA	NA
2	like	like	VERB	VBP	-	0	root	NA	NA
3	apples	apple	NOUN	NNS	-	2	obj	NA	SpaceAfter=No
4	,	,	PUNCT	,	-	2	punct	NA	NA
5	he	he	PRON	PRP	-	6	nsubj	NA	NA
6	likes	like	VERB	VBZ	-	2	parataxis	NA	NA
7	apples	apple	NOUN	NNS	-	6	obj	NA	SpaceAfter=No
8	,	,	PUNCT	,	-	2	punct	NA	NA
9	she	she	PRON	PRP	-	10	nsubj	NA	NA
10	likes	like	VERB	VBZ	-	2	parataxis	NA	NA
11	apples	apple	NOUN	NNS	-	10	obj	NA	SpaceAfter=No
12	,	,	PUNCT	,	-	15	punct	NA	NA
13	and	and	CCONJ	CC	-	15	cc	NA	NA
14	I	I	PRON	PRP	-	15	nsubj	NA	NA
15	like	like	VERB	VBP	-	2	conj	NA	NA
16	apples	apple	NOUN	NNS	-	15	obj	NA	SpaceAfter=No
17	.	.	PUNCT	.	-	2	punct	NA	NA

2.2.1. Morphological richness

Moving-average morphological richness (MAMR) [Čech, Kubát 2018] is a measure that builds on the wordform vocabulary richness and the lemma vocabulary richness. Therefore, to explain how MAMR is calculated, we should first understand the calculation of vocabulary richness. Type-token ratio (TTR) is the most commonly used measure of vocabulary richness, and it is defined as vocabulary size divided by the text length. Besides, to minimize the influence of corpus size, Covington and McFall [2010] proposed to calculate TTR using a moving window to obtain moving average type-token ratio (MATTR). It is defined as:

$$MATTR(W)_{wordform} = \frac{\sum_{i=1}^{N-W+1} F_i}{W(N-W+1)}.$$

In this formula, N represents the number of tokens in a corpus, which can be divided into overlapped sub-corpora of the same token size or so-called “windows” with randomly chosen token size W ($W < N$). Typically, the windows are moved forward one step at a time. F_i is the number of word types (distinct word forms) in each window. Hence, the $MATTR(W)_{wordform}$ is the mean of a series of TTRs based on word forms for all windows.

Similarly, MATTR based on word lemmas can be defined as:

$$MATTR(W)_{lemma} = \frac{\sum_{i=1}^{N-W+1} L_i}{W(N-W+1)}.$$

Again, N represents the size of a corpus, W the window size W ($W < N$), and L_i the number of distinct lemmas in each window. Hence, the $MATTR(W)_{lemma}$ is the mean of a series of TTRs based on word lemma for all windows.

For example, the length (the number of tokens) of the example sentence in **Table 1** *You like apples, he likes apples, she likes apples, and I like apples* is 13 ($N = 13$) (We exclude punctuations during calculations). If a window size of 4 tokens ($W = 4$) is adopted, we obtain 10 windows — *you like apples he* | *like apples he likes* | *apples he likes apples* | *he likes apples she* | *likes apples she likes* | *apples she likes apples* | *she likes apples and* | *likes apples and I* | *apples and I like* | *and I like apples*. Then, according to the FORM field of **Table 1**, the numbers of distinct word forms in these 10 windows are 4 (*you, like, apples, he*), 4 (*like, apples, he, likes*), 3 (*apples, he, likes*), 4 (*he, likes, apples, she*), 3 (*likes, apples, she*), 3 (*apples, she, likes*), 4 (*she, likes, apples, and*), 4 (*likes, apples, and, I*), 4 (*apples, and, I, like*), and 4 (*and, I, like, apples*). Then, the $MATTR(4)_{wordform}$ of the sequence can be calculated as:

$$MATTR(W)_{wordform} = \frac{\sum_{i=1}^{N-W+1} F_i}{W(N-W+1)} = \frac{4+4+3+4+3+3+4+4+4+4}{4(13-4+1)} = 0.925.$$

Also, as shown in the LEMMA field of **Table 1**, we can obtain 10 windows of word lemmas, i.e., *you like apple he* | *like apple he like* | *apple he like apple* | *he like apple she* | *like apple she like* | *apple she like apple* | *she like apple and* | *like apple and I* | *apple and I like* | *and I like apple*. Then the numbers of distinct word lemmas in these 10 windows are 4 (*you, like, apple, he*), 3 (*like apple he*), 3 (*apple he like*), 4 (*he, like, apple, she*), 3 (*like apple she*), 3 (*apple she like*), 4 (*she, like, apple, and*), 4 (*like, apple, and, I*), 4 (*apple, and, I, like*) and 4 (*and, I, like, apple*). Hence, we can compute the $MATTR(4)_{lemma}$ of the sequence as follows:

$$MATTR(W)_{lemma} = \frac{\sum_{i=1}^{N-W+1} L_i}{W(N-W+1)} = \frac{4+3+3+4+3+3+4+4+4+4}{4(13-4+1)} = 0.9.$$

Accordingly, by definition, the MAMR of a sentence or a corpus can be calculated from the difference between the MATTR computed in word forms and the MATTR computed in lemmas [Čech, Kubát 2018]:

$$MAMR(W) = MATTR(W)_{wordform} - MATTR(W)_{lemma},$$

namely,

$$MAMR(W) = \frac{\sum_{i=1}^{N-W+1} F_i}{W(N-W+1)} - \frac{\sum_{i=1}^{N-W+1} L_i}{W(N-W+1)}.$$

Thus, the MAMR of the example sentence is $0.925 - 0.9 = 0.025$. The greater the difference, the higher the morphological richness of a sentence, text or corpus [Čech, Kubát 2018]. Previously, Čech and Kubát [2018] empirically showed the effectiveness of MAMR in genre classification. The present study aims to explore its applicability in the context of typological research.

In this study, we used a standard window size of 500 words ($W = 500$) following Covington and McFall [2010], and calculate the values of $MATTR(500)_{wordform}$ and $MATTR(500)_{lemma}$ using the MATTR software Version 2.0.⁴ Specifically, the $MATTR(500)_{wordform}$ and $MATTR(500)_{lemma}$ for each language are calculated based on the FORM and LEMMA extracted from the UD treebanks, as shown in **Table 1**.

⁴ For more information, see <http://ai1.ai.uga.edu/caspr/>.

The other metric used in this paper to calculate morphological richness was proposed by Xanthos and Gillis [2010]. It defines the morphological richness in terms of an average number of distinct inflected word forms per lemma, a simple version of the mean size of paradigm (MSP).⁵ The algorithm is:

$$MSP = \frac{F}{L}.$$

In this formula, F and L represent the number of distinct inflected word forms and the number of distinct lemmas, respectively, in a sentence or a corpus. Thus, considering the example sentence *You like apples, he likes apples, she likes apples, and I like apples*, the number of distinct inflected word forms is 8 ($F = 8$) (*you, he, she, I, and, like, likes, apples*) and the number of the root lexicons or distinct lemmas is 7 ($L = 7$) (*you, he, she, I, and, like, apple*). Thus, $MSP = 8 \div 7 \approx 1.14$.

In addition, the normalized MSP (NMSP) algorithm and robust MSP (RMSP) algorithms were also proposed [Xanthos et al. 2011; Xanthos, Gillis 2010; Xanthos, Guex 2015], aimed to reduce the influence of sample size and compensate for MSP's dependence on lexematic diversity.

In this paper, to be consistent with the first morphological measure (MAMR), we modified the MSP algorithm into the moving-average MSP (MAMSP). Also, instead of merely considering verbs and nouns in a corpus as Xanthos and Gillis [2010] did, we took all POS as observations when calculating MAMSP since inflectional languages (especially Slavic languages) also have extensive case systems for pronouns, adjectives, and determiners, etc. The formula of MAMSP is as follows:

$$MAMSP(W) = \frac{\sum_{i=1}^{N-W+1} \frac{F_i}{L_i}}{N - W + 1}.$$

N represents the number of tokens in a corpus, W the window size ($W < N$), F_i the number of distinct word forms in each window, and L_i the number of distinct word lemmas in each window. Take the example sentence for instance. When we adopt a moving window of 4 tokens ($W = 4$), 10 windows can be obtained. Based on **Table 1**, the numbers of distinct word forms in these 10 windows are 4, 4, 3, 4, 3, 3, 4, 4, 4, 4, and those of distinct lemmas are 4, 3, 3, 4, 3, 3, 4, 4, 4, 4. Then, the MSPs of all 10 windows are 4/4, 4/3, 3/3, 4/4, 3/3, 3/3, 4/4, 4/4, 4/4, and 4/4, respectively. Thus, the MAMSP of the example sentence is:

$$MAMSP(4) = \frac{\sum_{i=1}^{N-W+1} \frac{F_i}{L_i}}{N - W + 1} = \frac{\frac{4}{4} + \frac{4}{3} + \frac{3}{3} + \frac{4}{4} + \frac{3}{3} + \frac{3}{3} + \frac{4}{4} + \frac{4}{4} + \frac{4}{4} + \frac{4}{4}}{13 - 4 + 1} \approx 1.03.$$

The higher the value of MAMSP, the more complex the morphology of the language under investigation. Previously, empirical studies [Xanthos, Gillis 2010; Xanthos et al. 2011; Xanthos, Guex 2015] reported the effectiveness of MSP in reflecting morphological richness development in language acquisition. This study aims to investigate the applicability of modified MSP (MAMSP) in typological research.

Based on the FORM and LEMMA fields extracted from the UD treebanks, we likewise adopted a standard window size of 500 ($W = 500$) to compute MAMSP by a self-written R script.

⁵ Size of paradigm refers to how many distinct word forms a lexeme has. For example, Sanskrit *a*-stem noun *dev-* 'god' has eight singular forms, viz., *dev-as*, *dev-a*, *dev-am*, *dev-ena*, *dev-āya*, *dev-āt*, *dev-asya*, and *dev-e* [Whitney 1889].

2.2.2. Word order freedom

Kuboň et al. [2016] compared four methods for calculating word order freedom based on the probabilities of the six variants of S/V/O word orders in corpora (SVO, OVS, VSO, VOS, SOV and OSV). It was found that “the phenomenon of word order freedom can be quantified practically by any reasonably selected measure” [Ibid.: 17]. Out of the four metrics in Kuboň et al. [2016], we adopted the third and the fourth ones, namely, the cosine similarity and the word order entropy. This is because that the first one, max–min distance (the maximal probability minus the minimal probability among the six variants), only considered the difference between the maximum and the minimum variants, ignoring the other four variants. The second metric, the standard Euclidean distance, is very similar to the third one.

The cosine similarity (COSS), which measures the similarity of two vectors, is widely used in information retrieval [Muflikhah, Baharudin 2009; Li, Han 2013]. In word order freedom calculation, it measures the distances between the actual probability of each S/V/O variant and the “ideal vector” with the equal frequency distribution of all six variants (i.e., $100\% / 6 \approx 0.1667$) [Kuboň et al. 2016]. The algorithm is as follows:

$$COSS = \frac{\sum_{i=1}^n P(x_i) \times P(y_i)}{\sqrt{\sum_{i=1}^n P(x_i)^2} \times \sqrt{\sum_{i=1}^n P(y_i)^2}}.$$

In this formula, the symbol $P(x_i)$ represents the probability or the relative frequency of each word-order variant in a given language and $P(y_i)$ is the “ideal vector” (0.1667) with equal distribution of frequencies. The values of COSS are increasing with the growth of word order freedom [Kuboň et al. 2016]. For example, if the word-order distribution for language *A* is SVO (30 %), OVS (20 %), VSO (10 %), VOS (15 %), SOV (15 %), and OSV (10 %), then its cosine similarity is:

$$\begin{aligned} COSS(A) &= \frac{0.3 \times 0.1667 + 0.2 \times 0.1667 + 0.1 \times 0.1667 + 0.15 \times 0.1667 + 0.15 \times 0.1667 + 0.1 \times 0.1667}{\sqrt{0.3^2 + 0.2^2 + 0.1^2 + 0.15^2 + 0.15^2 + 0.1^2} \times \sqrt{0.1667^2 + 0.1667^2 + 0.1667^2 + 0.1667^2 + 0.1667^2 + 0.1667^2}} \\ &\approx 0.9245. \end{aligned}$$

Similarly, the probabilities of the six S/V/O word-order variants in the example sentence from **Table 1** (we denote it as *B*) are SVO (100 %), OVS (0 %), VSO (0 %), VOS (0 %), SOV (0 %), and OSV (0 %), then:

$$COSS(B) = \frac{1 \times 0.1667}{\sqrt{1^2} \times \sqrt{0.1667^2 + 0.1667^2 + 0.1667^2 + 0.1667^2 + 0.1667^2 + 0.1667^2}} \approx 0.4083.$$

Since the value of $COSS(A)$ is larger than that of $COSS(B)$, the word order of language *A* is freer than that of language *B* (our example sentence).

Finally, entropy (ENTR) is adopted as the second metric to measure the degree of word order freedom. Defined as a measure for the choice associated with symbols in strings [Shannon 1948], entropy is widely used in linguistic studies (e.g., [Chen et al. 2016; Bentz et al. 2017; Gutierrez-Vasques, Mijangos 2018]). The formula is as follows:

$$ENTR = - \sum_{i=1}^n P(x_i) \times \ln P(x_i).$$

Here, $\ln$ stands for natural logarithm. The values $P(x_i)$ in this formula are the probabilities of the six word-order variants. The entropy is maximal for the equal distribution of probabilities and

minimal for a language system that has only one acceptable word-order variant [Kuboň et al. 2016]. Thus, the higher the entropy for a particular language, the higher its degree of word order freedom.

Then the word order entropy of language *A* (SVO (30 %), OVS (20 %), VSO (10 %), VOS (15 %), SOV (15 %) and OSV (10 %)) is:

$$ENTR(A) = -(0.3 \times \ln(0.3) + 0.2 \times \ln(0.2) + 0.1 \times \ln(0.1) + 0.15 \times \ln(0.15) + 0.15 \times \ln(0.15) + 0.1 \times \ln(0.1)) \approx 1.7127.$$

Similarly, the word order entropy of the example sentence in **Table 1** (SVO (100 %), OVS (0 %), VSO (0 %), VOS (0 %), SOV (0 %) and OSV (0 %)) is:

$$ENTR(B) = -(1 \times \ln(1)) = 0.$$

The value of $ENTR(A)$ is larger than that of $ENTR(B)$; thus, the word order of language *A* is freer than that of language *B*.

As stated in [Kuboň et al. 2016: 13], “a typical mutual position of a subject, a predicate and an object constitute one of the basic typological characteristic[s] of a natural language” and “a combination of too many language phenomena in complicated sentences” might bias the final results; hence, we only focused on the order of the core arguments and verb (S, V, O) for the calculation of COSS and ENTR. Moreover, to avoid possible influence caused by different proportions of non-declarative sentences (i.e., imperative, interrogative and exclamative sentences) in 34 treebanks, we only focused on the declarative sentences in the current study. Therefore, technically, we first extracted all declarative sentences from the 34 treebanks by a self-written Perl script. Then, following the methods of Bonfante et al. [2018] and Courtin [2018: 36–40], we extracted the relative frequencies (or probabilities) of the six S/V/O word-order variants in the 34 treebanks based on the fourth column (UPOS) and the eighth column (DEPREL) in **Table 1** by specific extraction patterns of Grew. The examples of extraction patterns for SVO and VSO are given below.⁶

SVO Pattern:

```
pattern { V [upos=VERB]; V -[nsubj|csubj]-> S; V -[obj|iobj|xcomp|ccomp]-> O; S << V; V << O; S << O }
```

VSO Pattern:

```
pattern { V [upos=VERB]; V -[nsubj|csubj]-> S; V -[obj|iobj|xcomp|ccomp]-> O; V << S; S << O; V << O }
```

The other four extraction patterns are similar, and the resulting probabilities of all six variants of order of the subject, object and predicate verb, and numbers of declarative sentences are shown in **Appendix B**. Finally, based on the results, we can calculate the values of COSS and ENTR by a self-written R script.

To summarize, the correlations between morphological richness and word order freedom in Slavic languages are quantified by computable and comprehensive measures based on annotated corpora. At the operational level, MAMR is computed using MATTR software, and MAMSP, COSS, and ENTR are computed using self-written R scripts.

3. Results and discussion

Section 3.1 examines the reliability of the metrics adopted in reflecting morphological complexity and word order freedom, respectively. Then, **Section 3.2** first investigates the correlations between morphological richness and word order freedom to test whether the measures adopted

⁶ For more information on the extraction patterns of Grew, see <https://grew.fr/>.

Figure 1 shows that the relationship between MAMR and MAMSP fits the regression line well. Moreover, the Spearman's rank correlation coefficient between MAMR and MAMSP is positive, strong, and statistically significant: $\rho = 0.95$, $p < 0.001$.⁷ It suggests that the two measures are homogeneous and consistent in reflecting the morphological richness of the language under discussion. Meanwhile, the Slavic group does exhibit more complex morphological features or a higher degree of morphological complexity [Comrie, Corbett (eds.) 1993] with relatively high values of MAMR and MAMSP. Compared with prior attempts to quantify the morphological complexity of Slavic languages, such as investigations based on plain texts [Popescu, Altmann 2008; Kelih 2010] or network parameters [Liu, Xu 2012; Liu, Cong 2013], the empirical results based on the FORM and LEMMA retrieved from annotated corpora can also provide new insights into approaching the concept of morphological richness properly.

We then calculated the values of COSS and ENTR, two measures of word order freedom. The results are shown in **Appendix D**.

As mentioned in **Section 2**, the higher values of COSS and ENTR correspond to the higher degree of word order freedom of the language in question. **Appendix D** shows that the COSS and ENTR values of Vietnamese, Chinese, and English are always smaller than those of Slavic languages. It suggests that Vietnamese, Chinese and English are less flexible than Slavic languages in terms of word order. Also, we drew a scatterplot with a regression line to visualize the relationship between COSS and ENTR, as shown in **Figure 2**.

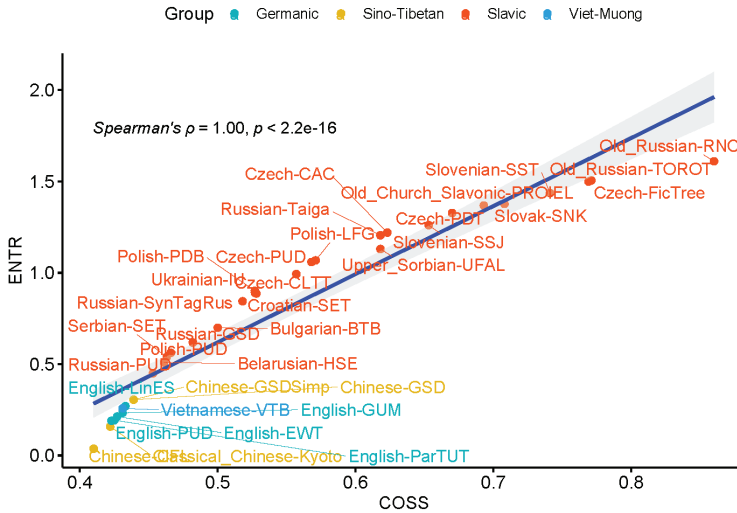

Figure 2. Scatterplot of COSS and ENTR with a regression line

Figure 2 shows that the regression line can well fit the relationship between COSS and ENTR, and the Spearman's rank correlation coefficient between COSS and ENTR is also positive, strong, and statistically significant, $\rho = 1.00$, $p < 0.001$. It indicates that the two metrics are

⁷ Spearman's rank correlation, a nonparametric measure of the strength and direction of correlation that exists between two variables, was adopted here since the data violate the assumptions of Pearson product-moment correlation. We owe this point to Prof. Laura A. Janda. Conventionally, the closer the ρ (Spearman's ρ) value to 1, the stronger the correlation. If the ρ value is equal to or greater than 0.7 or smaller than -0.7 , the correlation is considered to be strong. If the ρ value is between 0.3 and 0.7 or between -0.3 and -0.7 , it is moderate. If the ρ value is between 0 and 0.3 or 0 and -0.3 , the correlation is weak.

homogeneous and reliable in capturing the degree of word order freedom of languages concerned. Meanwhile, Slavic languages are generally more flexible than Vietnamese, Chinese and English in terms of syntactic features [Comrie, Corbett (eds.) 1993]. Previously, based on entropy conditioned by unordered dependency graphs, Futrell et al. [2015] proposed a reasonable metric and applied it successfully to a collection of UD treebanks of 34 languages to demonstrate the negative correlation between word order freedom and the morphological richness; and later their findings were corroborated and further nuanced by Koplenig et al. [2017] and Levshina [2019]. In addition to one metric on entropy, the current study, by contrast, endeavored to capture the notion of word order freedom with two metrics, viz., word order entropy and cosine similarity. Both metrics are consistent with each other as discussed above, and more importantly, based on the validity of the measures, we would also pay special attention to one specific language group in the following discussions.

To summarize, based on information retrieved from large-scale annotated corpora, the morphological and syntactic metrics adopted in this study are computable, understandable, and can well capture the internal structures of human languages.

3.2. Correlation between morphological richness and word order freedom

In this section, we examine the correlations between morphological complexity and word order freedom across Slavic and non-Slavic languages first, then within Slavic ones.

We plotted the scatterplot matrix of the two morphological richness metrics and two word order freedom metrics, as shown in **Figure 3**.

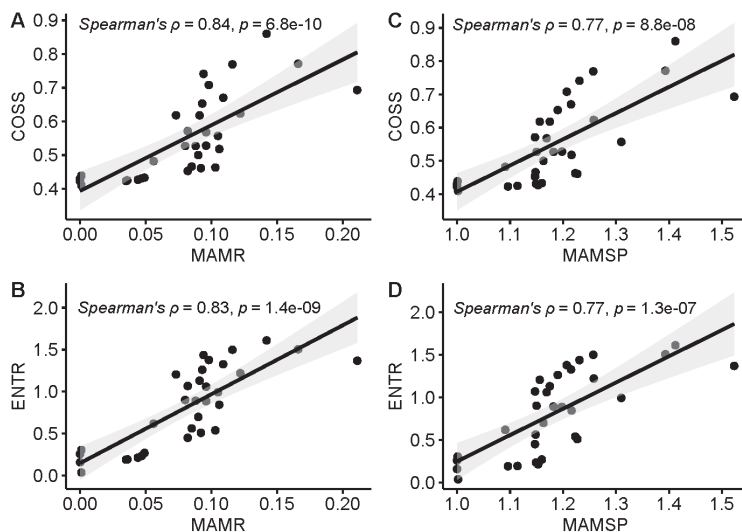

Figure 3. Scatterplot correlation matrix of MAMR vs. COSS, MAMR vs. ENTR, MAMSP vs. COSS, and MAMSP vs. ENTR with regression lines⁸

⁸ As suggested by one of the three reviewers, an alternative way to present the multiple correlations of all four metrics is a correlogram with regression lines. That means we can combine **Figure 1, 2 and 3** into one figure. However, we aimed to corroborate the reliability and consistency of the measures within domains first (i.e., morphology and syntax) (as shown in **Section 3.1**) and then the correlation across

Figure 3 shows that the correlations between morphological richness and word order freedom are all positive, strong, and statistically significant. Take plot A as an example. The Spearman's rank correlation coefficient between MAMR (one of the two measures of morphological complexity) and COSS (one of the two measures of word order freedom) is positive, $\rho = 0.84$, $p < 0.001$. It is also true for the other three panels. Specifically, the ρ values for the other three correlations are 0.83, 0.77, and 0.77, respectively, and their p -values are all statistically significant ($p < 0.001$). It suggests that as the morphological complexity of languages increases, their word order becomes freer or less rigid, which is consistent with the “complexity trade-off hypothesis”. Hence, the statistical results provide empirical evidence for the qualitative hypothesis about morphology and syntax of languages [Sapir 1921; Jakobson 1936; McFadden 2003].

Moreover, taking **Figure 3 (A)** as an example, we plotted a scatterplot of MAMR and COSS with treebanks labels, as shown in **Figure 4**, to better observe the distribution of specific treebanks.

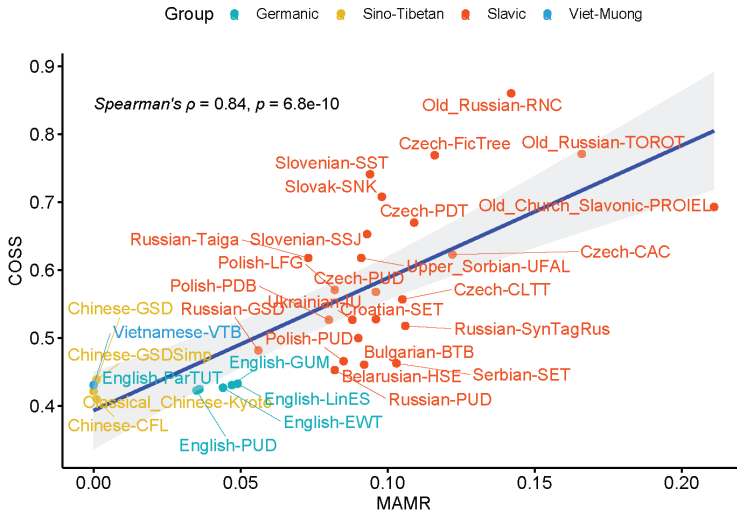

Figure 4. Scatterplot of MAMR and COSS with a regression line

Figure 4 further shows how typical analytic, highly analytic, the most analytic among Indo-European languages, and typical fusional Slavic treebanks scatter in the two-dimensional space, confirming that Vietnamese, Chinese and English treebanks do have a lower degree of morphological complexity and lower flexibility of word order than Slavic ones.

Combined with the findings in **Section 3.1**, the results here show that the metrics adopted are plausible to quantify the correlations between word order and morphology. It demonstrates that these metrics can be used to prove the “negative correlation hypothesis”, which paves the way for the following examination of the correlations between morphological complexity and word order freedom within Slavic languages.

We plotted the scatterplot matrix of the four metrics within Slavic languages, as shown in **Figure 5**.

domains (i.e., whether word order correlates with morphological richness) (as shown in **Section 3.2**); Moreover, if we adopted a correlogram, the data points in the correlogram would not be labelled with treebank names, which, as suggested by our reviewer, may lead to difficulties in making detailed discussions. Hence, we presented the correlations within domains in **Figure 1** and **Figure 2**, and then across domains in **Figure 3** separately.

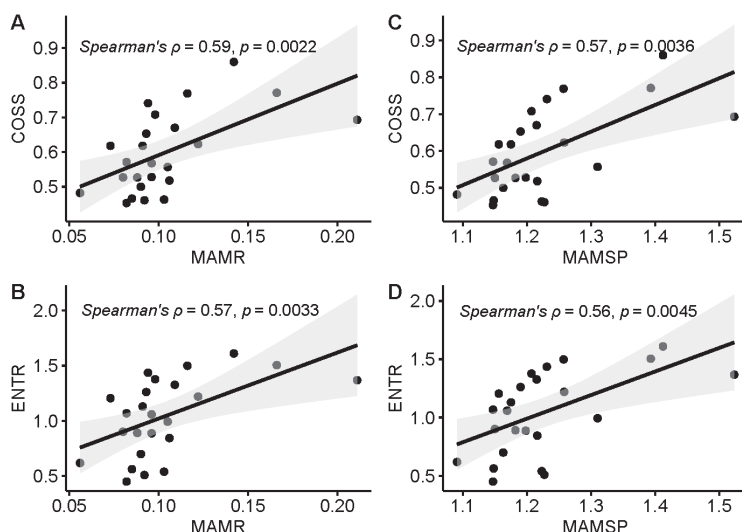

Figure 5. Scatterplot correlation matrix of MAMR vs. COSS, MAMR vs. ENTR, MAMSP vs. COSS, and MAMSP vs. ENTR with regression lines within Slavic languages

Figure 5 shows that the correlations between morphological richness and word order freedom within Slavic languages are also positive, moderate, and statistically significant. The Spearman's rank correlation coefficients between MAMR and COSS, MAMR and ENTR, MAMSP and COSS, and MAMSP and ENTR are 0.59, 0.57, 0.57, and 0.56, respectively.⁹ It suggests that the “complexity trade-off hypothesis” still holds as far as only Slavic languages are considered, which further corroborates the negative correlation between morphology and syntax of Slavic languages [Comrie, Corbett (eds.) 1993: 6–7; Klein et al. (eds.) 2018].

Moreover, the Slavic treebanks adopted in the current study fall into 3 subgroups, the East branch (Russian, Belarusian, and Ukrainian), the West branch (Polish, Czech, Slovak, and Upper Sorbian), and the South branch (Bulgarian, Slovenian, Croatian, and Serbian), respectively.¹⁰ The other two languages, Old Church Slavonic and Old Russian,¹¹ are considered here separately as ancient Slavic languages.

⁹ When we focus on the modern Slavic languages only, the Spearman's rank correlations between MAMR and COSS, MAMR and ENTR, MAMSP and COSS, and MAMSP and ENTR are all positive and moderate, though they are not statistically significant (the ρ and p values for the these four correlations are $\rho = 0.43$, $p = 0.051$; $\rho = 0.40$, $p = 0.071$; $\rho = 0.39$, $p = 0.079$, and $\rho = 0.37$, $p = 0.095$). The insignificance of these correlations shows that modern Slavic languages are more closely connected with each other than ancient ones.

¹⁰ According to Janda [2006: 415], and Sussex and Cubberley [2006: 2–6], modern Slavic languages can be divided into three subgroups: (1) the East branch, consisting of Russian, Belarusian, and Ukrainian; (2) the West branch, consisting of Polish, Czech, Slovak, and Sorbian; and (3) the South branch, consisting of Bulgarian, Macedonian, Slovenian, Bosnian, Croatian, and Serbian.

¹¹ Being the oldest attested Slavic language, Old Church Slavonic dates from the 10th or 11th century, and is now primarily used for religious purposes [Lunt 2001]. Together with Proto-Slavic, Old Church Slavonic is fundamentally important for the understanding of the modern Slavic languages [Sussex, Cubberley 2006: 2–6]. Old Russian, also known as Old East Slavic (or Common East Slavic), was used from the 10th to 15th centuries by the East Slavs. It finally developed into the Russian, Belarusian, Ukrainian and Rusyn languages, etc. [Krause, Slocum 2020].

For a better presentation of the correlations within Slavic languages, we took **Figure 5 (A)** as an example and plotted the correlation between MAMR and COSS with treebank labels, as shown in **Figure 6**.

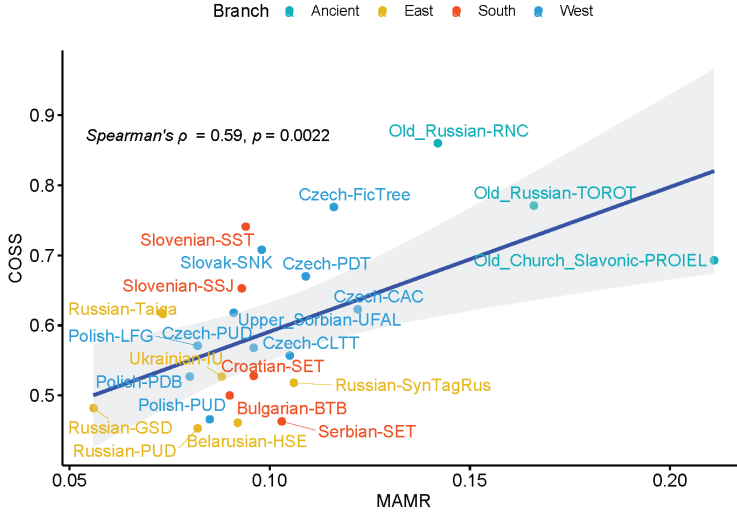

Figure 6. Scatterplot of MAMR and COSS with a regression line within Slavic languages

Figure 6 shows that, along with the regression line, the East branch (yellow dots) tends to appear on the bottom-left corner of the figure, then the South (red) and the West (blue), and finally the ancient languages (green) on the top-right. It is also true for the other three pairs of metrics, i.e., MAMR and ENTR, MAMSP and COSS, and MAMSP and ENTR. The results show that generally, the East, South and West branches of modern Slavic languages demonstrate their particular features with different levels of morphological richness and word order freedom, though the separation between these three branches is not sharp and clear-cut enough. In contrast, the distinctive features of the ancient Slavic languages emerge when compared with the modern ones.

To be specific, in terms of morphological features, the treebanks of Old_Church_Slavonic-PROIEL (a sample of Old Church Slavonic), Old_Russian-TOROT (a sample of Old Russian and Middle Russian) and Old_Russian-RNC (a sample of Middle Russian) have higher MAMR values than the three groups of modern Slavic languages do. It indicates a more complex morphological structure of old Slavic languages or a decreasing trend of the morphological features from ancient to modern ones. Smetonienė [2019] once compared the Slavic loan nouns from Petkevičius' Catechism with their equivalents in Slavic languages of the relevant period and found that patterns of morphological integration can function as an indication of Slavic language origin and development. Results here may provide another angle into the morphological changes of Slavic languages.

When it comes to word order, Old_Russian-RNC and Old_Russian-TOROT own the highest COSS values, and the COSS value of Old_Church_Slavonic-PROIEL ranks fifth among all treebanks. It means that the ancient Slavic languages are also likely to have a more flexible word order. The majority of prior studies on the Slavic word order system paid much attention to the discrete classification of word order types to cluster languages (e.g., [Zimmerling 2012]). In this study, we quantified the word order freedom continuously, and the results, as shown in **Figure 6**, can well reflect the stricter word order of the modern languages and freer word order of the ancient ones.

Results show that although the correlation between morphology and syntax within Slavic languages is not as high as that of all sample treebanks, it is still moderate and significant, confirming

the typological generalization of “negative correlation”. Put differently, the morphological richness of Slavic languages decreases as the syntactic structure becomes more rigid. Moreover, the ancient Slavic languages are characterized as being morphologically richer and syntactically more flexible than modern ones.

3.3. Language clustering within Slavic languages

A further concern would be whether the morphological and syntactic metrics in the current study can well cluster Slavic languages into subgroups. To adopt at least one metric of morphological complexity and one of word order freedom, respectively, nine different combinations of these four indicators can be obtained, i.e., (1) MAMR and COSS; (2) MAMR and ENTR; (3) MAMR, COSS and ENTR; (4) MAMSP and COSS; (5) MAMSP and ENTR; (6) MAMSP, COSS and ENTR; (7) MAMR, MAMSP and COSS; (8) MAMR, MAMSP and ENTR; (9) MAMR, MAMSP, COSS and ENTR.

We took these nine combinations as inputs for Agglomerative Clustering Analysis with Euclidean distance. The values of the correlation coefficient produced are (1) 0.65, (2) 0.74, (3) 0.73, (4) 0.57, (5) 0.66, (6) 0.65, (7) 0.78, (8) 0.69 and (9) 0.65, respectively, showing that the cluster trees generated can well reflect the relationship under discussion. It is noteworthy that four among nine combinations, viz., (2) MAMR and ENTR; (3) MAMR, COSS and ENTR; (8) MAMR, MAMSP and ENTR; and (9) MAMR, MAMSP, COSS, and ENTR, can cluster Slavic languages ideally. Moreover, the ancient Slavic languages are always clustered together for all nine combinations. We took the combination (9) as an example in **Figure 7**.

Cluster Dendrogram

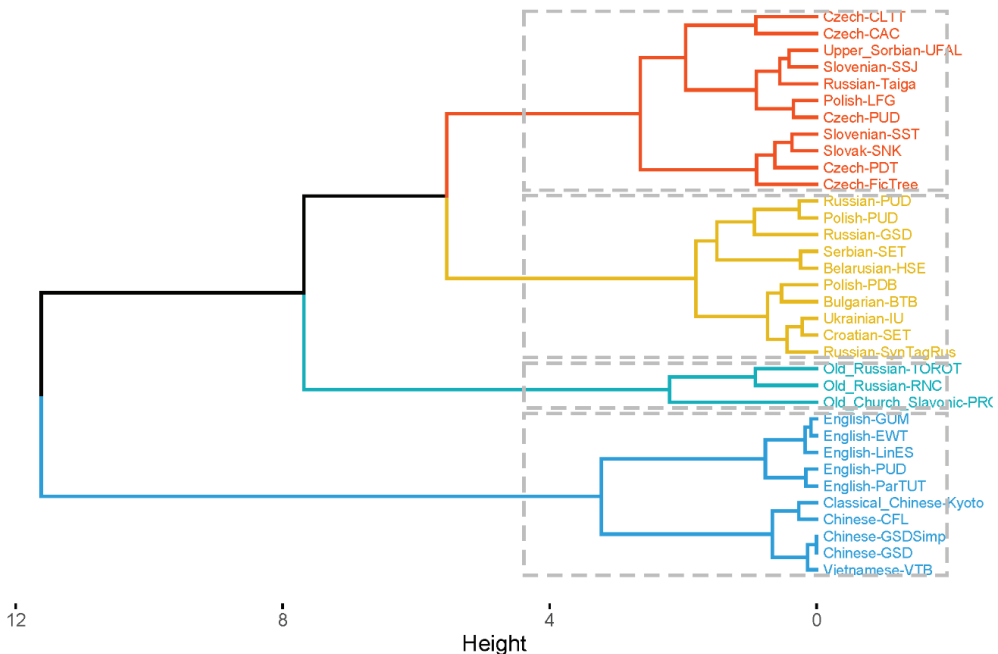

Figure 7. Cluster dendrogram based on MAMR, MAMSP, COSS, and ENTR

Figure 7 shows that the classification model can accurately distinguish Slavic languages from non-Slavic ones (the blue subset). Moreover, the ancient Slavic languages (the green subset: Old_Russian-TOROT, Old_Russian-RNC, and Old_Church_Slavonic-PROIEL) show their uniqueness in the dendrogram, clustering into one category.

In this regard, Liu and Cong [2013] once reported favorable clustering results of 12 Slavic languages based on 15 network parameters of 12 parallel novels. Similarly, though with four parameters and unparalleled materials, results here are generally satisfactory. To be specific, the 11 modern Slavic languages in **Figure 7** are subdivided into the red subset and the yellow subset. The red subset includes all four West Slavic languages, namely, all five treebanks of Czech, the only treebank of Upper Sorbian, one treebank of Polish (the other two are grouped into the East), and the only treebank of Slovak. Meanwhile, the yellow subset includes all three East Slavic languages, i.e., the only treebank of Belarusian, the only treebank of Ukrainian, and three treebanks of Russian (the other one is grouped into the West). Besides, the South branch is mixed into the East and West ones (specifically, one treebank of Croatian, one treebank of Serbian, and one treebank of Bulgarian are grouped into the East branch; two treebanks of Slovenian are grouped into the West).

One interesting question then may arise: Why are ancient Slavic languages, i.e., Old Church Slavonic (a South Slavic liturgical and literary language [Sussex, Cubberley 2006: 2]) and Old Russian (a common parent to the East Slavic languages [Krause, Slocum 2020]), so close to each other? As suggested by Trubetzkoy [1927] and Durnovo [1932], the underlying reason might be that they are variants of one single language, “Late Common Slavic”, and their similarities far outweigh their differences. As Lunt [1987: 134] stated, “the differences between standard early Russian and Old Church Slavonic, though striking, simply do not justify the sort of linguistic distance scholars have posited”. Precisely, the rich inflectional system of Old Church Slavonic generally “coincides with” that of Old Russian, and the exceptions are “surprisingly minor” [Lunt 1987: 148]. In fact, Old Church Slavonic and Old Russian shared virtually all morphological elements [Lunt 1987: 136]. This might explain why the MAMR and MAMSP values of Old Church Slavonic and Old Russian in **Appendix C** are so close to each other and why they are clustered together in **Figure 7** from the morphological perspective.

As for their similarities in terms of the “free word order”, the word “free” means that the position of an element within a sentence is not directly determined by its syntactic function [Mathesius 1942; Firbas 1992: 118]. Although logically, there are six different permutations of subject, object and verb, the Slavic languages are generally classified as free SVO languages [Siewierska, Uhlířová 1998: 107; Dryer 2013]. As put by Plungian [2018: 10–11], all diachronic processes revolve around the frequency of linguistic forms. The relative frequency in **Appendix B** shows that within this dominant SVO order, the ancient Slavic languages exhibit lower proportions of SVO structures (Old_Church_Slavonic-PROIEL — 54.50 %, Old_Russian-RNC — 29.00 %, Old_Russian-TOROT — 45.80 %) and more balanced proportions of other five S/V/O combinations than modern ones (the average SVO proportion of modern Slavic is 70.88 % and the other five S/V/O combinations are rare). The average proportion of SVO structures of the ten non-Slavic treebanks (Vietnamese, Chinese and English) is 95.35 %. Therefore, it not only confirms that ancient Slavic languages share great similarities regarding the flexibility of word order (this is also consistent with the COSS and ENTR values in **Appendix D**), but also demonstrates a tendency of Slavic languages towards strict SVO languages diachronically. Thus, this explains why the Old Church Slavonic and Old Russian are grouped into one subset in **Figure 7** in terms of word order.

Another noteworthy aspect is that the diachronic changes of morphological richness and word order seem to be dynamically adapted with each other. Specifically, with losses of morphological features, modern Slavic languages are becoming more rigid in terms of syntactic word order. Koplenig et al. [2017: 4] once suggested that the trade-offs between morphology and syntax can theoretically be credited as a reflection of the least effort principle [Zipf 1965] or be understood under the framework of synergetic linguistics [Köhler 1987; 2005], indicating that human

beings tend to encode linguistic information efficiently. In this case, if a modern Slavic language uses more fixed word order to convey grammatical relationships, then human cognitive capacity would be overloaded to encode too many morphological rules in word structure; Conversely, when the constraint on word order is more flexible, more cognitive efforts can be spared to encode more information in morphological features. Hence, our empirical results might provide another evidence to this assumption of efficient communication from a diachronic perspective.

To summarize, based on the metrics of morphological richness and word order freedom, subgroups of Slavic languages can be well clustered. More importantly, the dynamic relations between morphological and syntactic features might shed new light on how language evolved diachronically and how human beings encode linguistic information for efficient communication. In all, the results confirm the applicability of morphological and syntactic metrics in language clustering.

3.4. Possible factors that might influence the quantitative results

Finally, it is still of great interest to investigate whether the corpus size (or text size) and corpus genre (or text type) would affect our quantitative results. For example, why are the treebanks Polish-LFG and Russian-Taiga located in different clusters with respect to other Polish and Russian treebanks in **Figure 7**? Due to the limitations of linguistic materials,¹² the effects of corpus size was investigated by subsetting all treebanks into individual sub-corpora, and the effects of corpus genre by delving into two specific treebanks.

First, we will focus on the possible disturbing effects of corpus size. Since the token count of the smallest corpus among our 34 corpora is 6339, we subsetting all 34 corpora cumulatively into sub-corpora with 5000 tokens as steps (5000, 10 000, 15 000, 20 000, ... 95 000, 100 000). We then computed the MAMR and MAMSP values for each sub-corpus ($W = 500$) to compare with the MAMR and MAMSP values of the whole treebanks. Taking the MAMR value of each sub-corpus as an example, we plotted a line chart of all 34 treebanks, as shown in **Figure 8** (p. 149).

Figure 8 shows that the MAMR values of all sub-corpora are generally similar to the MAMR values of the entire treebanks, especially when the token size reaches 50 000. Moreover, to test whether there exists significant difference between MAMRs of different token sizes, we followed Wang and Liu [2017] by generating two linear regression models. The first one was fitted with MAMR and token size as the dependent and independent variables, respectively. The model is not significant ($F = 0.07094$, $df_1 = 1$, $df_2 = 456$, $p = 0.7901 > 0.05$, adjusted $R^2 = -0.002037$).¹³ The second model predicts MAMRs from token sizes with interaction with different treebanks. It is highly significant ($F = 2842$, $df_1 = 67$, $df_2 = 390$, $p = 2.2\text{e-}16 < 0.0001$, adjusted $R^2 = 0.9976$). A likelihood ratio test between these two models shows that the regression model with the interaction of treebanks is significantly different from the model without it ($p < 0.0001$). It shows that differences of MAMRs between treebanks are statistically significant, and the effect of the correlation between MAMRs and the interaction between token sizes and treebanks is strong

¹² On the one hand, the tokens of the corpora under investigation range from 6339 (Chinese-CFL) to 1 285 509 (Czech-PDT) (see **Appendix A**), and the numbers of declarative sentences of the corpora range from 412 (Chinese-CFL) to 84 884 (Czech-PDT) (see **Appendix B**); on the other hand, the genres of the corpora cover wiki, blog, nonfiction, social, news, spoken, reviews, legal, medical, web, grammar-examples, the Bible, and so on. Hence, it is impossible to adopt corpora of the same size with the same genre for the research topic of the current study.

¹³ Adjusted R^2 is an important indicator in a significance test of linear regression models. In accordance with Gries [2013: 265], “ R^2 is adjusted such that you incur a slight penalty for every predictor included in your model”.

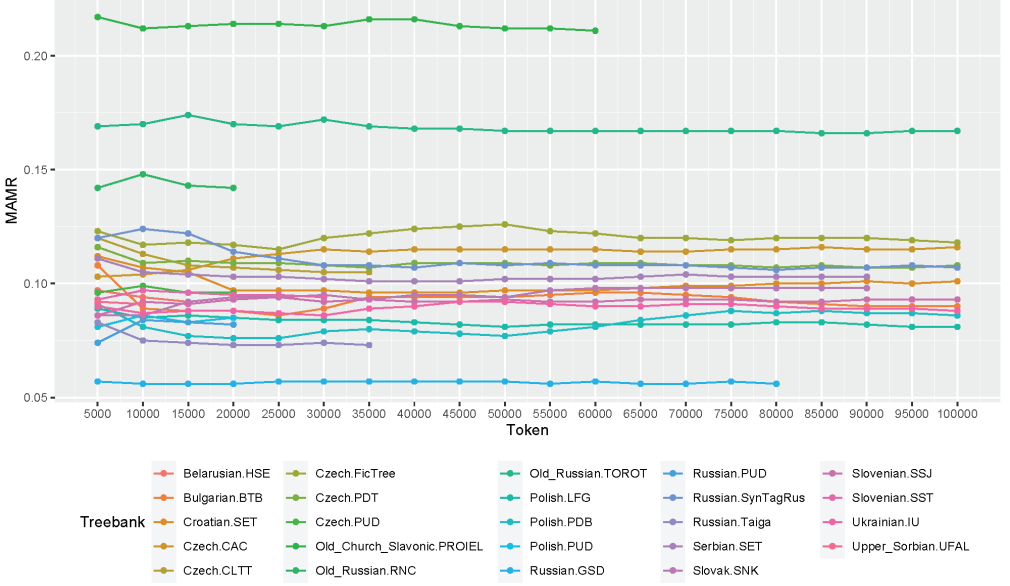

Figure 8. MAMR values of 34 treebanks with different token sizes ($5000 \leq \text{Token} \leq 100\,000$)

(adjusted $R^2 = 0.9976$), whereas the effect of the correlation between MAMRs and token size is trivial (adjusted $R^2 = 0.002037$). It is also true for the measurements of MAMSP. Specifically, the differences of MAMSPs between treebanks are statistically significant, and the effect of the correlation between MAMSPs and the interaction between token sizes and treebanks is strong ($F = 1254$, $df_1 = 67$, $df_2 = 390$, $p = 2.2e-16 < 0.05$, adjusted $R^2 = 0.9946$), whereas the effect of the correlation between MAMSPs and token size is small ($F = 0.02776$, $df_1 = 1$, $df_2 = 456$, $p = 0.8678 > 0.05$, adjusted $R^2 = -0.002132$). The results suggest that different treebanks affect the MAMR and MAMSP values to a large degree, and the token sizes have little effects.

Similarly, we subsetting all 34 corpora cumulatively into sub-corpora with 400 sentences as steps (400, 800, 1200, 1600, ... 7600, 8000) since the sentence number of the smallest corpus among all 34 corpora is 412. We then computed the COSS and ENTR values of each sub-corpus. We found that the COSS value of sub-corpus is generally similar to the COSS of the whole treebank when the sentence number reaches 4000. Moreover, based on regression models, it can also be found that the differences of COSSs between treebanks are statistically significant, and the effect of the correlation between COSSs and the interaction between sentence numbers and treebanks is strong ($F = 953.5$, $df_1 = 67$, $df_2 = 352$, $p = 2.2e-16 < 0.05$, adjusted $R^2 = 0.9935$), but the effect of the correlation between COSSs and sentence number is extremely small ($F = 7.709$, $df_1 = 1$, $df_2 = 418$, $p = 0.005741 > 0.05$, adjusted $R^2 = 0.01576$). Also, the differences of ENTRs between treebanks are statistically significant, and the effect of the correlation between ENTRs and the interaction between sentence numbers and treebanks is strong ($F = 1018$, $df_1 = 67$, $df_2 = 352$, $p = 2.2e-16 < 0.05$, adjusted $R^2 = 0.9939$), whereas the effect of the correlation between ENTRs and sentence number is trivial ($F = 10.75$, $df_1 = 1$, $df_2 = 418$, $p = 0.001131 > 0.05$, adjusted $R^2 = 0.02274$). The results suggest that the values of COSS and ENTR are affected by the treebanks to a large extent. In contrast, sentence numbers have little effect on the COSS and ENTR values.

Therefore, we can see that corpus size in tokens or sentences does not greatly affect the indicators adopted. It might be related to the fact that we have adopted the moving-window operation and the relative-frequency operation (cf. **Methods**) to minimize the effects of corpus size.

Now we will focus on the possible disturbing effects of corpus genre (text type). We will consider Polish-LFG and Russian-Taiga treebanks to discuss the effects of genre on the results of the quantitative metrics.¹⁴

In **Appendices C and D**, it can be found that the morphological richness metrics (MAMR and MAMSP) for Polish-LFG (ranked second among three Polish treebanks in terms of MAMR and ranked third in terms of MAMSP) and Russian-Taiga (ranked third among four Russian treebanks in terms of MAMR and ranked second in terms of MAMSP) are similar to those of other Polish and Russian treebanks. However, the COSS and ENTR values of Polish-LFG and Russian-Taiga are the highest among all Polish and Russian treebanks, respectively. Do the effects of genre contribute to this phenomenon? We computed the COSS and ENTR values of each genre of Polish-LFG, as shown in **Table 2**.

Table 2

COSS and ENTR values of different genres in the Polish-LFG treebank

Genre	COSS	Sentences	Genre	ENTR	Sentences
Legal	0.505	11	Legal	0.530	11
News	0.558	6 090	Academic	0.994	48
Academic	0.560	48	News	1.004	6 090
Fiction	0.562	6 215	Fiction	1.020	6 215
Nonfiction	0.572	1 105	Nonfiction	1.086	1 105
Blog	0.593	121	Blog	1.087	121
Spoken Media	0.660	105	Spoken Media	1.149	105
Social	0.695	374	Social	1.400	374
Spoken Prepared	0.741	263	Spoken Prepared	1.419	263
Spoken Conversational	0.779	581	Spoken Conversational	1.455	581
Whole treebank	0.571	14 913	Whole treebank	1.068	14 913

Table 2 shows that the COSS values of formal written genres (legal, news, academic, fiction, nonfiction) in Polish-LFG are generally approximant or below the COSS value of the whole treebank. In contrast, those of informal written genre (blog) or spoken genres (spoken media, social, spoken prepared, spoken conversational) are generally above the COSS of the whole treebank. It is also true for ENTR values. The results indicate that formal written genres are prone to demonstrate fixed syntactic structures, whereas informal written and spoken genres are likely to allow more flexibility in terms of word order.

As we can see in **Appendix A**, the other two Polish treebanks (Polish-PDB and Polish-PUD) are generally composed of formal written genres (one is composed of fiction, news, nonfiction; and the other of news and wiki). Hence, it is the factor of genre that renders Polish-LFG different from the other Polish treebanks, as shown in **Figure 7**.

Similarly, we also examined the syntactic features of each genre of Russian-Taiga in **Table 3**.

¹⁴ Among all 34 treebanks, three treebanks (i.e., Belarusian-HSE, Polish-LFG and Russian-Taiga) are annotated with comments like “# genre = news”, which makes it possible to extract sub-corpora of specific genres from these treebanks. However, the Belarusian-HSE treebank is too small (11 250 tokens, 617 sentences), not to mention the fact that it needs to be divided into four different genres. Hence, we focused on Polish-LFG and Russian-Taiga to investigate the possible effects of corpus genre on quantitative metrics.

Table 3

COSS and ENTR values of different genres in the Russian-Taiga treebank

Genre	COSS	Sentences	Genre	ENTR	Sentences
News	0.438	15	News	0.257	15
Social	0.569	1 846	Social	1.046	1 846
Poetry	0.707	785	Poetry	1.384	785
Whole treebank	0.618	2 646	Whole treebank	1.205	2 646

Table 3 shows that, as a formal written genre, the news genre in Russian-Taiga has fixed word order with extremely low COSS and ENTR values (although the sentence number of this genre is small). The genre “social”, as a spoken genre, does show its flexible syntax. Finally, being a written genre, poetry is featured by greater word order flexibility, though. It is consistent with the prior finding that “their [poetries’] forms of language are similar to the spoken language and their syntax is flexible as they permit themselves considerable freedom in word order for different purposes” [Nofal 2014: 283]. Therefore, the overwhelming proportion of social and poetry genres in the Russian-Taiga treebank results in high indicators of word order freedom. This makes it different from the other three Russian treebanks (Russian-GSD, Russian-PUD, Russian-SynTagRus), classified into a different cluster, as shown in **Figure 7**.

Hence, based on the treebanks Polish-LFG and Russian-Taiga, we investigated the effects of corpus genre on our quantitative measures. It was found that genres do not significantly affect morphological metrics, but they tend to do so with regard to syntactic indicators. Generally, formal written genres tend to have more fixed word order, while informal and spoken ones are likely to be more syntactically flexible. However, due to the limited genre annotation of the treebanks, we only examined two treebanks in this section. The findings above are interesting and worthy of further investigations.

4. Conclusion

This study adopts 24 treebanks of 13 Slavic languages in UD 2.5 database as the research object, and ten treebanks of typical analytic languages (Vietnamese, Classical Chinese), a highly analytic language (Standard Chinese) and the most analytic among Indo-European languages (English) as comparative materials. It investigates the correlation between morphological richness and word order freedom within Slavic languages and its possible implications.

Based on four quantitative metrics, morphological and syntactic features are extracted and quantified from annotated corpora. The statistical results show that the indicators adopted are consistent and reliable. Moreover, it can be found that the well-known “trade-off hypothesis” holds within Slavic languages, viz., the morphological richness and the rigidity of word order in Slavic languages are negatively related. Besides, we also examined the clustering of Slavic languages based on the above indicators from a practical perspective. It was found that the combination of morphological and syntactic metrics can differentiate the Slavic languages from the non-Slavic ones. More importantly, the ancient Slavic languages demonstrate morphological and syntactic characteristics which clearly distinguish them from the modern ones. The diachronic changes of morphological richness and word order might reflect how human beings encode linguistic information morphologically and syntactically. Finally, we also investigated the effects of two factors on the values of quantitative metrics. It was found that the corpus size does not have a great effect on the indicators used in this study. In contrast, the corpus genre might greatly affect the syntactic indicators, viz., the more formal the genre is, the more fixed the word order.

This study provides evidence for the “negative correlation hypothesis” or the “complexity trade-off hypothesis”. With special attention paid to Slavic languages, it examines the correlation between morphological typology and word order typology, applies quantitative metrics to an annotated database, provides insights into adopting treebanks as resources for typological research, shedding new light on how natural languages encode lexical and syntactic information for efficient communication.

For future studies, paralleled corpora with more balanced genre distribution, covering more levels of the language are highly desirable to uncover the dynamic relations of different components of human languages.

Appendix A: Information on language groups, text types (or genres), and token counts of the treebanks

#	Treebank	Group	Text Type	Tokens
1	Belarusian-HSE	Slavic	fiction, legal, news, nonfiction	11 250
2	Bulgarian-BTB	Slavic	fiction, legal, news	134 091
3	Chinese-CFL	Sino-Tibetan	learner-essay	6 339
4	Chinese-GSD	Sino-Tibetan	wiki	106 226
5	Chinese-GSDSimp	Sino-Tibetan	wiki	106 203
6	Classical_Chinese-Kyoto	Sino-Tibetan	nonfiction	74 770
7	Croatian-SET	Slavic	news, web, wiki	175 244
8	Czech-CAC	Slavic	legal, medical, news, nonfiction, reviews	434 256
9	Czech-CLTT	Slavic	legal	31 106
10	Czech-FicTree	Slavic	fiction	135 261
11	Czech-PDT	Slavic	news, nonfiction, reviews	1 285 509
12	Czech-PUD	Slavic	news, wiki	15 986
13	English-EWT	Germanic	blog, email, reviews, social	224 964
14	English-GUM	Germanic	academic, fiction, news, nonfiction, spoken, web, wiki	88 128
15	English-LinES	Germanic	fiction, nonfiction, spoken	82 712
16	English-ParTUT	Germanic	legal, news, wiki	43 837
17	English-PUD	Germanic	news, wiki	18 725
18	Old_Church_Slavonic-PROIEL	Slavic	bible	57 563
19	Old_Russian-RNC	Slavic	legal, nonfiction	15 762
20	Old_Russian-TOROT	Slavic	legal, nonfiction	149 780
21	Polish-LFG	Slavic	fiction, news, nonfiction, social, spoken	105 147
22	Polish-PDB	Slavic	fiction, news, nonfiction	292 133
23	Polish-PUD	Slavic	news, wiki	15 731
24	Russian-GSD	Slavic	wiki	79 875

#	Treebank	Group	Text Type	Tokens
25	Russian-PUD	Slavic	news, wiki	16 378
26	Russian-SynTagRus	Slavic	fiction, news, nonfiction	904 227
27	Russian-Taiga	Slavic	news, poetry, social	32 182
28	Serbian-SET	Slavic	news	85 333
29	Slovak-SNK	Slavic	fiction, news, nonfiction	86 913
30	Slovenian-SSJ	Slavic	fiction, news, nonfiction	122 072
31	Slovenian-SST	Slavic	spoken	28 026
32	Ukrainian-IU	Slavic	blog, email, fiction, grammar-examples, legal, news, reviews, social, web, wiki	98 974
33	Upper_Sorbian-UFAL	Slavic	nonfiction, wiki	9 175
34	Vietnamese-VTB	Viet-Muong	news	37 431

Appendix B: Probability (or relative frequency) of S/V/O word order combinations and numbers of declarative sentences in the treebanks

#	Treebank	SVO	SOV	VSO	OSV	OVS	VOS	Sentences
1	Belarusian-HSE	0.884	0.028	NA	0.023	0.051	0.014	617
2	Bulgarian-BTB	0.807	0.061	0.002	0.008	0.106	0.016	10 382
3	Chinese-CFL	0.995	0.003	NA	0.003	NA	NA	412
4	Chinese-GSD	0.929	0.028	NA	0.043	NA	NA	4 981
5	Chinese-GSDSimp	0.929	0.028	NA	0.043	NA	NA	4 981
6	Classical_Chinese-Kyoto	0.968	0.026	NA	0.006	NA	NA	15 115
7	Croatian-SET	0.764	0.072	0.014	0.058	0.073	0.019	8 866
8	Czech-CAC	0.630	0.058	0.077	0.032	0.132	0.071	24 440
9	Czech-CLTT	0.717	0.024	0.099	0.037	0.102	0.022	1 125
10	Czech-FicTree	0.457	0.191	0.045	0.085	0.147	0.075	10 990
11	Czech-PDT	0.570	0.083	0.068	0.042	0.169	0.069	84 884
12	Czech-PUD	0.705	0.085	0.057	0.033	0.085	0.035	985
13	English-EWT	0.954	NA	0.001	0.038	0.004	0.003	14 404
14	English-GUM	0.947	0.001	0.001	0.047	0.003	0.001	5 106
15	English-LinES	0.942	0.002	0.001	0.044	0.008	0.003	4 867
16	English-ParTUT	0.959	0.002	0.001	0.035	NA	0.002	2 046
17	English-PUD	0.964	NA	0.001	0.023	0.004	0.008	986
18	Old_Church_Slavonic-PROIEL	0.545	0.109	0.107	0.041	0.043	0.155	6 335

#	Treebank	SVO	SOV	VSO	OSV	OVS	VOS	Sentences
19	Old_Russian-RNC	0.290	0.301	0.110	0.175	0.049	0.075	583
20	Old_Russian-TOROT	0.458	0.131	0.181	0.045	0.066	0.118	16 942
21	Polish-LFG	0.700	0.078	0.031	0.031	0.086	0.073	14 913
22	Polish-PDB	0.767	0.046	0.031	0.024	0.067	0.065	20 574
23	Polish-PUD	0.875	0.011	0.031	0.009	0.039	0.035	987
24	Russian-GSD	0.841	0.010	0.006	0.026	0.099	0.018	5 004
25	Russian-PUD	0.899	0.008	0.009	0.018	0.059	0.008	987
26	Russian-SynTagRus	0.780	0.042	0.010	0.041	0.089	0.038	57 496
27	Russian-Taiga	0.635	0.137	0.060	0.067	0.069	0.032	2 646
28	Serbian-SET	0.878	0.018	0.014	0.030	0.053	0.006	4 308
29	Slovak-SNK	0.518	0.152	0.035	0.053	0.184	0.057	9 721
30	Slovenian-SSJ	0.585	0.113	0.035	0.076	0.167	0.024	7 661
31	Slovenian-SST	0.485	0.178	0.055	0.137	0.121	0.024	2 886
32	Ukrainian-IU	0.766	0.069	0.013	0.055	0.068	0.030	6 424
33	Upper_Sorbian-UFAL	0.622	0.162	0.141	0.012	0.046	0.017	641
34	Vietnamese-VTB	0.948	0.018	0.000	0.027	NA	0.007	2 783

Appendix C: Values of two metrics of morphological richness for each treebank

Treebank	MAMR	Group	Treebank	MAMSP	Group
Old_Church_Slavonic-PROIEL	0.211	Slavic	Old_Church_Slavonic-PROIEL	1.523	Slavic
Old_Russian-TOROT	0.166	Slavic	Old_Russian-RNC	1.412	Slavic
Old_Russian-RNC	0.142	Slavic	Old_Russian-TOROT	1.393	Slavic
Czech-CAC	0.122	Slavic	Czech-CLTT	1.310	Slavic
Czech-FicTree	0.116	Slavic	Czech-CAC	1.258	Slavic
Czech-PDT	0.109	Slavic	Czech-FicTree	1.257	Slavic
Russian-SynTagRus	0.106	Slavic	Slovenian-SST	1.231	Slavic
Czech-CLTT	0.105	Slavic	Belarusian-HSE	1.227	Slavic
Serbian-SET	0.103	Slavic	Serbian-SET	1.223	Slavic
Slovak-SNK	0.098	Slavic	Russian-SynTagRus	1.216	Slavic
Croatian-SET	0.096	Slavic	Czech-PDT	1.215	Slavic
Czech-PUD	0.096	Slavic	Slovak-SNK	1.207	Slavic
Slovenian-SST	0.094	Slavic	Croatian-SET	1.198	Slavic
Slovenian-SSJ	0.093	Slavic	Slovenian-SSJ	1.190	Slavic

Treebank	MAMR	Group	Treebank	MAMSP	Group
Belarusian-HSE	0.092	Slavic	Ukrainian-IU	1.182	Slavic
Upper_Sorbian-UFAL	0.091	Slavic	Upper_Sorbian-UFAL	1.175	Slavic
Bulgarian-BTB	0.090	Slavic	Czech-PUD	1.169	Slavic
Ukrainian-IU	0.088	Slavic	Bulgarian-BTB	1.163	Slavic
Polish-PUD	0.085	Slavic	English-LinES	1.160	Germanic
Polish-LFG	0.082	Slavic	Russian-Taiga	1.156	Slavic
Russian-PUD	0.082	Slavic	English-EWT	1.153	Germanic
Polish-PDB	0.080	Slavic	Polish-PDB	1.150	Slavic
Russian-Taiga	0.073	Slavic	English-GUM	1.149	Germanic
Russian-GSD	0.056	Slavic	Polish-PUD	1.148	Slavic
English-LinES	0.049	Germanic	Russian-PUD	1.147	Slavic
English-GUM	0.047	Germanic	Polish-LFG	1.147	Slavic
English-EWT	0.044	Germanic	English-ParTUT	1.114	Germanic
English-ParTUT	0.036	Germanic	English-PUD	1.096	Germanic
English-PUD	0.035	Germanic	Russian-GSD	1.091	Slavic
Chinese-CFL	0.001	Sino-Tibetan	Chinese-CFL	1.002	Sino-Tibetan
Chinese-GSD	0.001	Sino-Tibetan	Chinese-GSDSimp	1.001	Sino-Tibetan
Chinese-GSDSimp	0.001	Sino-Tibetan	Chinese-GSD	1.001	Sino-Tibetan
Classical_Chinese-Kyoto	0.000	Sino-Tibetan	Vietnamese-VTB	1.000	Viet-Muong
Vietnamese-VTB	0.000	Viet-Muong	Classical_Chinese-Kyoto	1.000	Sino-Tibetan

(Note: Ranked in descending order according to the MAMR and MAMSP values.)

Appendix D: Values of two metrics of word order freedom for each treebank

Treebank	COSS	Group	Treebank	ENTR	Group
Old_Russian-RNC	0.860	Slavic	Old_Russian-RNC	1.610	Slavic
Old_Russian-TOROT	0.771	Slavic	Old_Russian-TOROT	1.505	Slavic
Czech-FicTree	0.769	Slavic	Czech-FicTree	1.499	Slavic
Slovenian-SST	0.741	Slavic	Slovenian-SST	1.436	Slavic
Slovak-SNK	0.708	Slavic	Slovak-SNK	1.377	Slavic
Old_Church_Slavonic-PROIEL	0.693	Slavic	Old_Church_Slavonic-PROIEL	1.368	Slavic
Czech-PDT	0.670	Slavic	Czech-PDT	1.327	Slavic
Slovenian-SSJ	0.653	Slavic	Slovenian-SSJ	1.261	Slavic

Treebank	COSS	Group	Treebank	ENTR	Group
Czech-CAC	0.623	Slavic	Czech-CAC	1.220	Slavic
Upper_Sorbian-UFAL	0.618	Slavic	Russian-Taiga	1.205	Slavic
Russian-Taiga	0.618	Slavic	Upper_Sorbian-UFAL	1.130	Slavic
Polish-LFG	0.571	Slavic	Polish-LFG	1.068	Slavic
Czech-PUD	0.568	Slavic	Czech-PUD	1.059	Slavic
Czech-CLTT	0.557	Slavic	Czech-CLTT	0.993	Slavic
Croatian-SET	0.528	Slavic	Polish-PDB	0.901	Slavic
Ukrainian-IU	0.527	Slavic	Ukrainian-IU	0.891	Slavic
Polish-PDB	0.527	Slavic	Croatian-SET	0.887	Slavic
Russian-SynTagRus	0.518	Slavic	Russian-SynTagRus	0.844	Slavic
Bulgarian-BTB	0.500	Slavic	Bulgarian-BTB	0.699	Slavic
Russian-GSD	0.482	Slavic	Russian-GSD	0.618	Slavic
Polish-PUD	0.466	Slavic	Polish-PUD	0.562	Slavic
Serbian-SET	0.463	Slavic	Serbian-SET	0.539	Slavic
Belarusian-HSE	0.461	Slavic	Belarusian-HSE	0.509	Slavic
Russian-PUD	0.453	Slavic	Russian-PUD	0.450	Slavic
Chinese-GSDSimp	0.439	Sino-Tibetan	Chinese-GSDSimp	0.305	Sino-Tibetan
Chinese-GSD	0.439	Sino-Tibetan	Chinese-GSD	0.305	Sino-Tibetan
English-LinES	0.433	Germanic	English-LinES	0.270	Germanic
Vietnamese-VTB	0.431	Viet-Muong	Vietnamese-VTB	0.258	Viet-Muong
English-GUM	0.431	Germanic	English-GUM	0.234	Germanic
English-EWT	0.427	Germanic	English-EWT	0.213	Germanic
English-ParTUT	0.425	Germanic	English-ParTUT	0.193	Germanic
English-PUD	0.423	Germanic	English-PUD	0.190	Germanic
Classical_Chinese-Kyoto	0.422	Sino-Tibetan	Classical_Chinese-Kyoto	0.158	Sino-Tibetan
Chinese-CFL	0.410	Sino-Tibetan	Chinese-CFL	0.037	Sino-Tibetan

(Note: Ranked in descending order according to the COSS and ENTR values.)

REFERENCES

- Abeillé (ed.) 2003 — Abeillé A. (ed.). *Treebanks: Building and using parsed corpora*. Dordrecht: Kluwer Academic Publ., 2003.
- Alzetta et al. 2019 — Alzetta C., Dell'Orletta F., Montemagni S., Venturi G. Inferring quantitative typological trends from multilingual treebanks. A case study. *Lingue e linguaggio*, 2019, XVIII(2): 209–242.
- Bentz et al. 2017 — Bentz C., Alikaniotis D., Cysouw M., Ferrer-i-Cancho R. The entropy of words. Learnability and expressivity across more than 1000 languages. *Entropy*, 2017, 19(6): 1–32.
- Bonfante et al. 2018 — Bonfante G., Guillaume B., Perrier G. *Application of graph rewriting to natural language processing*. Hoboken (NJ): John Wiley & Sons Inc., 2018.

- Čech, Kubát 2018 — Čech R., Kubát M. Morphological richness of text. *Taming the corpus: From inflection and lexis to interpretation*. Fidler M., Cvrček V. (eds.). Cham: Springer, 2018, 63–77. DOI: 10.1007/978-3-319-98017-1_4.
- Chen et al. 2016 — Chen R., Liu H., Altmann G. Entropy in different text types. *Digital scholarship in the humanities*, 2016, 32(3): 528–542.
- Coloma 2017 — Coloma G. The existence of negative correlation between linguistic measures across languages. *Corpus Linguistics and Linguistic Theory*, 2017, 13(1): 1–26.
- Comrie, Corbett (eds.) 1993 — Comrie B., Corbett G. G. (eds.). *The Slavonic languages*. London: Routledge, 1993.
- Courtin 2018 — Courtin M. *Mesures de distances syntaxiques entre langues à partir de treebanks*. Paris: Université Paris III — Sorbonne Nouvelle, 2018.
- Covington, McFall 2010 — Covington M. A., McFall J. D. Cutting the Gordian knot: The moving-average type-token ratio (MATTR). *Journal of Quantitative Linguistics*, 2010, 17(2): 94–100.
- Dryer 2013 — Dryer M. S. Order of subject, object and verb. *The world atlas of language structures online*. Dryer M. S., Haspelmath M. (eds.). Leipzig: Max Planck Institute for Evolutionary Anthropology, 2013. <http://wals.info/chapter/81> (accessed 12 April 2020).
- Durnovo 1932 — Дурново Н. Н. К вопросу о времени распада общеславянского языка. [Durnovo N. N. On the time of the split of Common Slavic.] *Sborník prací I. sjezdu slovanských filologů v Praze*, 1932, 514–526.
- Fenk-Oczlon, Fenk 2014 — Fenk-Oczlon G., Fenk A. Complexity trade-offs do not prove the equal complexity hypothesis. *Poznań Studies in Contemporary Linguistics*, 2014, 50(2): 145–155.
- Firbas 1992 — Firbas J. *Functional sentence perspective in written and spoken communication*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 1992.
- Futrell et al. 2015 — Futrell R., Mahowald K., Gibson E. Quantifying word order freedom in dependency corpora. *Proc. of the 3rd International Conf. on Dependency Linguistics (Depling 2015)*. Nivre J., Hajičová E. (eds.). Uppsala: Uppsala Univ., 2015, 91–100.
- Greenberg 1960 — Greenberg J. H. A quantitative approach to the morphological typology of language. *International Journal of American Linguistics*, 1960, 26(3): 178–194.
- Greenberg 1963 — Greenberg J. H. Some universals of grammar with particular reference to the order of meaningful elements. *Universals of language*. Greenberg J. H. (ed.). Cambridge (MA): MIT Press, 1963, 73–113.
- Gries 2013 — Gries S. T. *Statistics for linguistics with R*. Berlin: De Gruyter, 2013.
- Gulordava, Merlo 2015 — Gulordava K., Merlo P. diachronic trends in word order freedom and dependency length in dependency-annotated corpora of Latin and Ancient Greek. *Proc. of the 3rd International Conf. on Dependency Linguistics (Depling 2015)*. Nivre J., Hajičová E. (eds.). Uppsala: Uppsala Univ., 2015, 121–130.
- Gutierrez-Vasques, Mijangos 2018 — Gutierrez-Vasques X., Mijangos V. Comparing morphological complexity of Spanish, Otomi and Nahuatl. *Proc. of the Workshop on Linguistic Complexity and Natural Language Processing*. Becerra-Bonache L., Jiménez-López M. D., Martín-Vide C., Torrens-Urrutia A. (eds.). Santa Fe (NM): Association for Computational Linguistics, 2018, 30–37.
- Hajič 1998 — Hajič J. Building a syntactically annotated corpus: The Prague dependency treebank. *Issues of valency and meaning*. Hajičová E. (ed.). Prague: Charles Univ. Press, 1998, 106–132.
- Heringer 1993 — Heringer H. J. Dependency syntax: Basic ideas and the classical model. *Syntax: An international handbook of contemporary research*. Vol. 1. Jacobs J., von Stechow A., Sternefeld W., Vennemann T. (eds.). Berlin: Walter de Gruyter, 1993, 298–316.
- Hudson 1995 — Hudson R. Measuring syntactic difficulty. Ms., 1995. <https://dickhudson.com/wp-content/uploads/2013/07/Difficulty.pdf>.
- Jakobson 1936 — Jakobson R. Beitrag zur allgemeinen Kasuslehre: Gesamtbedeutungen der russischen Kasus. *Travaux du Cercle Linguistique de Prague*, 1936, 4: 240–288.
- Janda 2006 — Janda L. A. Slavic languages. *Encyclopedia of language and linguistics*. Brown K. (ed.). Amsterdam: Elsevier, 2006, 415–418.
- Jiang, Liu (eds.) 2018 — Jiang J., Liu H. (eds.). *Quantitative analysis of dependency structures*. Berlin: De Gruyter, 2018.
- Kelih 2010 — Kelih E. The type-token relationship in Slavic parallel texts. *Glottometrics*, 2010, 20: 1–11.
- Klein et al. (eds.) 2018 — Klein J., Joseph B., Fritz M. (eds.). *Handbook of comparative and historical Indo-European linguistics*. Berlin: De Gruyter Mouton, 2018.
- Köhler 1987 — Köhler R. System theoretical linguistics. *Theoretical Linguistics*, 1987, 14(2–3): 241–258.

- Köhler 2005 — Köhler R. Synergetic linguistics. *Quantitative linguistics: An international handbook*. Köhler R., Altmann G., Piotrowski R. G. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2005, 760–774.
- Koplenig et al. 2017 — Koplenig A., Meyer P., Wolfer S., Müller-Spitzer C. The statistical trade-off between word order and word structure: Large-scale evidence for the principle of least effort. *PLOS ONE*, 2017, 12(3): e0173614.
- Krause, Slocum 2020 — Krause T. B., Slocum J. Online lessons at the Linguistics Research Center at the University of Texas at Austin: Old Russian. 2020.
- Kuboň et al. 2016 — Kuboň V., Lopatková M., Hercig T. Searching for a measure of word order freedom. *Proc. of the 16th ITAT Conf. Information Technologies — Applications and Theory (Tatranské Matliare, 2016)*. Brejová B. (ed.). CreateSpace Independent Publishing Platform, 2016, 11–17. <http://ceur-ws.org/Vol-1649/11.pdf>.
- Levshina 2019 — Levshina N. Token-based typology and word order entropy: A study based on Universal Dependencies. *Linguistic Typology*, 2019, 23(3): 533–572.
- Li, Han 2013 — Li B., Han L. Distance weighted cosine similarity measure for text classification. *Intelligent Data Engineering and Automated Learning — IDEAL 2013*. Yin H., Tang K., Gao Y., Klawonn F., Lee M., Li B., Weise Th., Yao X. (eds.). Berlin: Springer, 2013, 611–618.
- Liu 2010 — Liu H. Dependency direction as a means of word-order typology: A method based on dependency treebanks. *Lingua*, 2010, 120(6): 1567–1578.
- Liu, Cong 2013 — Liu H., Cong J. Language clustering with word co-occurrence networks based on parallel texts. *Chinese Science Bulletin*, 2013, 58(10): 1139–1144.
- Liu, Xu 2012 — Liu H., Xu C. Quantitative typological analysis of Romance languages. *Poznań Studies in Contemporary Linguistics*, 2012, 48(4): 597–625.
- Lunt 1987 — Lunt H. G. On the relationship of Old Church Slavonic to the written language of early Rus'. *Russian Linguistics*, 1987, 11(2/3): 133–162.
- Lunt 2001 — Lunt H. G. *Old Church Slavonic grammar*. New York: Mouton de Gruyter, 2001.
- Mathesius 1942 — Mathesius V. Ze srovnávacích studií slovosledných. *Časopis pro moderní filologii*, 1942, 28: 181–190, 302–307.
- Maučec, Brest 2019 — Maučec M. S., Brest J. Slavic languages in phrase-based statistical machine translation: A survey. *Artificial Intelligence Review*, 2019, 51(1): 77–117.
- McFadden 2003 — McFadden T. On morphological case and word-order freedom. *Proc. of the 29th Annual Meeting of the Berkeley Linguistics Society. General session and parasession on phonetic sources of phonological patterns: Synchronic and diachronic explanations*. Nowak P. M., Yoquelet C., Mortensen D. (eds.). Berkeley (CA): Sheridan Books, 2003, 295–306.
- Mel'čuk 1988 — Mel'čuk I. *Dependency syntax: Theory and practice*. Albany (NY): State Univ. of New York Press, 1988.
- Muflikhah, Baharudin 2009 — Muflikhah L., Baharudin B. Document clustering using concept space and cosine similarity measurement. *ICCTD 2009 — 2009 International Conf. on Computer Technology and Development*. Jusoff H. K., Othman M., Xie Y. (eds.). Institute of Electrical and Electronic Engineers, 2009, 58–62.
- Nofal 2014 — Nofal K. H. Syntactic deviations / stylistic variants in poetry: Chaucer and T. S. Eliot as models. *International Journal of English Language and Literature Studies*, 2014, 3(4): 283–310.
- Plungian 2018 — Плунгян В. А. Лингвистика в XXI веке: проблемы, перспективы, точки роста. *Слово.ру: Балтийский акцент*, 2018, 9(1): 7–12. [Plungian V. A. Linguistics in the 21st century: Problems, Prospects, and Growth Points. *Slovo.ru: Baltic Accent*, 2018, 9(1): 7–12.]
- Popescu, Altmann 2008 — Popescu I.-I., Altmann G. Hapax legomena and language typology. *Journal of Quantitative Linguistics*, 2008, 15(4): 370–378.
- Sapir 1921 — Sapir E. *Language: An introduction to the study of speech*. New York: Harcourt, Brace, 1921.
- Shannon 1948 — Shannon C. E. A mathematical theory of communication. *Bell System Technical Journal*, 1948, 27(4): 623–656.
- Shosted 2006 — Shosted R. K. Correlating complexity: A typological approach. *Linguistic Typology*, 2006, 10(1): 1–40.
- Siewierska, Uhlířová 1998 — Siewierska A., Uhlířová L. An overview of word order in Slavic languages. *Constituent order in the languages of Europe*. Siewierska A. (ed.). Berlin: Mouton de Gruyter, 1998, 105–150.
- Sinnemäki 2014 — Sinnemäki K. Complexity trade-offs: A case study. *Measuring grammatical complexity*. Newmeyer F. J., Preston L. B. (eds.). New York: Oxford Univ. Press, 2014, 179–201.

- Smetonienė 2019 — Smetonienė A. Patterns of morphological integration of Slavic loan nouns in Petkevičius' Catechism (1598) as an indication of their origin and chronology. *Studia z Filologii Polskiej i Słowiańskiej*, 2019, 54. DOI: 10.11649/sfps.1766.
- Sussex, Cubberley 2006 — Sussex R., Cubberley P. *The Slavic languages*. Cambridge: Cambridge Univ. Press, 2006.
- Tesnière 1959 — Tesnière L. *Éléments de la syntaxe structurale*. Paris: Klincksieck, 1959.
- Tesnière 2015 — Tesnière L. *Elements of structural syntax*. Transl. from French by Osborne T., Kahane S. Amsterdam: John Benjamins, 2015.
- Trubetzkoy 1927 — Трубецкой Н. С. *К проблеме русского самопознания*. Париж: Евразийское книгоизд-во, 1927. [Trubetzkoy N. S. *K probleme russkogo samopoznaniya* [On the problem of Russian self-awareness]. Paris: Eurasian Publishing House, 1927.]
- Wang, Liu 2017 — Wang Y., Liu H. The effects of genre on dependency distance and dependency direction. *Language Sciences*, 2017, 59(866): 135–147.
- Whitney 1889 — Whitney W. D. *Sanskrit Grammar*. Cambridge (MA): Harvard Univ. Press, 1889.
- Xanthos, Gillis 2010 — Xanthos A., Gillis S. Quantifying the development of inflectional diversity. *First Language*, 2010, 30(2): 175–198.
- Xanthos, Guex 2015 — Xanthos A., Guex G. On the robust measurement of inflectional diversity. *Recent contributions to quantitative linguistics*. Tuzzi A., Benešová M., Macutek J. (eds.). Berlin: De Gruyter Mouton, 2015, 241–254.
- Xanthos et al. 2011 — Xanthos A., Laaha S., Gillis S., Stephany U., Aksu-Koç A., Christofidou A., Gagarina N., Hrzica G., Ketrez F. N., Kilani-Schoch M. et al. On the role of morphological richness in the early development of noun and verb inflection. *First Language*, 2011, 31(4): 461–479.
- Zeman et al. 2019 — Zeman D., Nivre J., Abrams M., Aepli N., Agić Ž., Ahrenberg L., Aleksandravičiūtė G., Antonsen L., Aplonova K., Aranzabe M. J. et al. Universal Dependencies 2.5. Universal Dependencies Consortium, 2019. <https://lindat.mff.cuni.cz/repository/xmlui/handle/11234/1-3105>.
- Zimmerling 2012 — Циммерлинг А. В. Системы порядка слов в славянских языках. *Вопросы языкознания*, 2012, 5: 3–37. [Zimmerling A. V. Word-order systems in Slavic languages. *Voprosy Jazykoznanija*, 2012, 5: 3–37.]
- Zipf 1965 — Zipf G. K. *Human behavior and the principle of least effort: An introduction to human ecology*. New York: Hafner Publishing Company, 1965.

[Рец. на: / Review of:] **I. Roberts. *Parameter hierarchies and Universal Grammar*. Oxford: Oxford University Press, 2019. 736 p. ISBN 978-0198804635.**

Ирина Сергеевна Бурукина

Венгерский исследовательский центр лингвистики; Университет имени Лоранда Этвёша. Будапешт, Венгрия; irina.burukina@btk.elte.hu

Irina Burukina

Hungarian Research Centre for Linguistics; Eötvös Loránd University (ELTE). Budapest, Hungary; irina.burukina@btk.elte.hu

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.4.160-165

Книга Яна Робертса представляет собой подробное обобщение и дополнение основных идей, сформулированных в работах автора и его многочисленных коллег-соавторов начиная с 1990-х гг., опубликованных в сборниках и таких престижных журналах, как «Linguistic Inquiry» и «Natural Language & Linguistic Theory». Этот труд по праву можно назвать кульминацией многолетних исследований Я. Робертса в попытке применить аналитические наработки теории универсальной грамматики к изучению языкового многообразия, объединив минималистский синтаксис и типологические наблюдения и обобщения, зафиксированные в работах таких ученых, как Т. Таральдсен, Д. Перлмуттер, Л. Рицци, Дж. Хокинс, М. Бейкер, Э. Кинан, Б. Комри и др.

Главная цель книги — показать, что морфосинтаксические различия между языками мира могут быть успешно описаны в терминах теории современного синтаксиса с введением минимального набора параметров. Такое желание провести формальное исследование вариативности повторяет общую траекторию развития исследований Робертса на протяжении всей его академической карьеры. Поставленная цель успешно достигается в рассматриваемой работе.

Пересматривая основные идеи классической теории принципов и параметров и примиряя их с минималистским подходом к синтаксису, обозначенным Н. Хомским в 1995 г., Я. Робертс утверждает базовые компоненты современной синтаксической теории в качестве новых принципов, включая следующие: операция соединения двух элементов (Merge), согласование (Agree), алгоритм приписывания грамматических категорий (labelling algorithm) и набор формальных признаков (Formal Features). Робертс принимает за отправную точку гипотезу Борер — Хомского: причиной параметрической вариативности являются различия в наборах формальных признаков, которые тот или иной язык выбирает как релевантные из универсального множества всех возможных характеристик (падеж, лицо, число, время, аспект, категориальные признаки имени (N) и глагола (V) и т. д.). При этом конкретно-языковой список признаков должен удовлетворять принципам экономии и обобщения: максимальное использование минимального числа признаков.

Я. Робертс представляет и подробно обсуждает 69 параметров, в основу большинства из которых заложены четыре характеристики: способ приписывания категорий узлам в структуре и формальные признаки лица, падежа и времени. Параметры объединяются в 11 иерархий с целью объяснить межязыковое варьирование таких синтаксических явлений, как порядок слов, нулевые аргументы, передвижение именных и глагольных вершин, приписывание падежа и т. д. При этом автор опирается на данные большого числа языков, не связанных между собой генетически или географически.

Книга состоит из введения, семи содержательных глав и заключения (Глава 8). Несмотря на то что каждая глава представляет собой подробное обсуждение конкретного языкового явления и может читаться как самостоятельная статья, все части объединены основной идеей, которая последовательно развивается и подтверждается от главы к главе.

Таким образом, каждый раздел заканчивается кратким обобщением полученных результатов и обсуждением их вклада в развитие центральной дискуссии.

Первая глава, «Параметры», начинается с обсуждения классической теории принципов и параметров [Chomsky 1977]. Упомянув несколько работ, критикующих данную теорию (в первую очередь, статьи Ф. Ньюмайера и С. Букса), Я. Робертс не вступает с ними в прямую полемику, но переходит к преимуществу, которым обладает рассматриваемый подход, — это способность описать сходства и различия между языками в рамках строгой формальной теории синтаксиса, благодаря чему становится возможным объяснить существование различных типов языков с общей грамматической базой.

Робертс подчеркивает, что полный отказ от подхода принципов и параметров нецелесообразен; необходимо лишь пересмотреть устоявшиеся каноны, принимая во внимание последние наработки минималистского синтаксиса. Автор формулирует основные вопросы, которыми должна заниматься современная версия теории принципов и параметров: в первую очередь, это выявление макро-, мезо-, микро- и нанопараметров, касающихся тех или иных формальных признаков. Все параметры должны быть максимально просты по форме и естественным образом упорядочены в иерархические системы. Основным принципом построения иерархий становится правило $NO > ALL > SOME$: макропараметр верхнего уровня проверяет наличие формального признака в языке, мезопараметр спрашивает, проявляется ли этот признак на всех релевантных функциональных элементах, тогда как микро- и нанопараметры касаются отдельных подгрупп функциональных вершин. Все иерархии, представленные автором в последующих главах, следуют данной модели.

Вторая глава рассматривает вопрос порядка слов в языках мира и универсальный заперт на доминирование составляющей β , в которой вершина следует за зависимым, над составляющей α , в которой вершина предшествует зависимому, если и α , и β образуют одну расширенную проекцию (Final-over-Final Condition). Я. Робертс следует основным идеям, изложенным в [Biberauer et al. 2014; Roberts 2017], переосмысливая некоторые из них. Предположив, что порядок вершина-зависимое является базовым универсальным для всех языков мира, Робертс утверждает, что различные порядки являются следствием того, что языки могут использовать несколько механизмов приписывания категорий узлам функциональных проекций. Языки первого типа, предположительно, обладают функциональными вершинами со «слабыми» признаками, которые не позволяют автономно определить категорию узла, и задействуют так называемое свертывание (roll-up) — последовательное передвижение компонентов в позицию спецификатора, что приводит к строгому порядку зависимое-вершина. Языки второго типа используют перемещение вершин, допустимое, если признаки одной вершины полностью повторяют признаки другой вершины (как результат согласования). В языках третьего типа функциональные вершины в расширенной проекции лексикализованы. При этом данная классификация является скорее идеальной; в реальности отдельные языки могут использовать несколько механизмов, в зависимости от того, какие именно вершины в каких именно расширенных проекциях несут слабые категориальные признаки. Так, в английском передвижение вершин соседствует с системой вспомогательных глаголов, тогда как в китайском функциональные единицы используются наряду со свертыванием.

Главы три и четыре обсуждают проблемы внутренней структуры местоимений и референтных именных групп (DP), нулевые подлежащие и инкорпорацию. Я. Робертс опирается на свои более ранние работы, написанные в соавторстве с А. Холмбергом и М. Шихан, а также на результаты исследований П. Барбоза и Дж. Лонгобарди [Longobardi 2008; Barbosa 2019].

При анализе внутренней структуры именной группы Робертс предполагает, что референция имени определяется индивидуальной переменной x , которая вводится в проекции внешнего аргумента ($n_{EA}P$) и, как правило, должна быть связана антецедентом с признаком лица (Person); см. общую схему (1), где объединение акатегориального Root с именными признаками вершины n_{Cat} образует вершину N.

$$(1) \quad [_{DP} (D)_{[up]} \dots [_{nEAP} x \ n_{EA} [_{nCatP} [Root] \ n_{Cat}]]]$$

Если вершина D обладает всеми необходимыми формальными признаками, включая Person, и является определенной, она играет роль антецедента, связывая переменную *x*. При этом признак лица рассматривается как определяющий для именных групп [Longobardi 2008; Richards 2014]. Как утверждает Робертс, данный признак может быть сильным, если референция к индивидуальному участнику в языке ассоциирует лексическое содержание имени с лицом (итальянский), или слабым (английский). В первом случае связь между D, *x* и N должна быть выражена эксплицитно, как правило за счет передвижения N — D; во втором случае связь остается имплицитной. Отличие нулевых подлежащих (*pro* в классической терминологии) от остальных DP состоит в том, что вместо полноценной вершины N они содержат лексическую единицу ONE (2).

$$(2) \quad [_{DP} (D)_{[up]} \dots [_{nEAP} x \ n_{EA} [_{nCatP} [Root \ ONE] \ n_{Cat}]]]$$

Если вершина D определена, признак лица является сильным и все признаки D повторяются на вершине T, то вершина D (с инкорпорированной в нее вершиной N) становится дефектной мишенью согласования и перемещается в вершину T; такие языки являются языками с последовательно нулевыми подлежащими (итальянский). В языках без нулевых подлежащих (английский) определенная вершина D также обладает всеми необходимыми формальными признаками и связывает переменную *x*, однако признак лица является слабым и N не перемещается в D, а D не может инкорпорироваться в T из-за отсутствия полного согласования. Наконец, в языках с частично нулевыми подлежащими (финский) вершина D с признаком определенности отсутствует в нулевых местоимениях; вершина T, тем не менее, имеет все необходимые признаки. Таким образом, нулевые подлежащие в данных языках допустимы, и либо они интерпретируются как неопределенные, либо переменная *x* связывается дискурсными переменными участниками ситуации на вершине C. В отдельную группу выделяются языки с радикально нулевыми аргументами (японский); в таких языках как T, так и нулевые местоимения не обладают релевантными формальными признаками, что допускает эллипсис именных групп [Saito 2007]. Что касается референтных DP, по предположению Я. Робертса, инкорпорация D в T (или в *v* в случае прямого объекта) в большинстве языков блокируется наличием падежа и несовпадением набора формальных признаков между двумя вершинами. Однако если в языке отсутствует падеж, а признак лица при этом сильный (то есть все вершины в DP собираются в D), то все признаки D копированы на T/*v*, что приводит к передвижению именных вершин к глагольным и полисинтетизму.

Как и прежде, Я. Робертс строит иерархию параметров в терминах признака лица по модели NO > ALL > SOME, начиная с макропараметра — признак лица активен в языке, и заканчивая микропараметрами — признак лица активен на определенных функциональных вершинах.

Пятая глава посвящена проблеме категоризации и перемещения вершин в глагольных проекциях; при этом Я. Робертс подчеркивает многочисленные сходства и параллели между глагольными и именными группами. Так, следуя работам [Davidson 1967; Higginbotham 1985; Pollock 1989], автор предполагает, что в позиции спецификатора *vP* в составе расширенной глагольной проекции находится событийная переменная *e*, которая должна быть связана антецедентом с выраженным признаком времени для указания на конкретное событие (3); таким образом, признак времени становится так же значим, как признак лица, упомянутый выше.

$$(3) \quad \begin{aligned} & \text{a. } [_{vAgP} (Agent) [_{vAg[up]} [_{vEvP} e [_{vEv} [_{vCatP} (Theme) [_{vCat} [Root] \ v_{Cat}}]]]]]] \\ & \text{б. } Root + v_{Cat} \rightarrow V \end{aligned}$$

Признак времени может быть сильным или слабым. В первом случае признак выражен на большинстве вершин клаузы, что приводит к последовательному передвижению

вершин и инкорпорации V — T (ср. романские языки). Во втором случае слабый признак времени расположен достаточно низко, на *v*, в проекции которой вводится переменная *e*; связывание *e* происходит за счет (часто не выраженного морфологически) согласования, а определение категорий функциональных проекций — за счет свертывания (roll-up) (ср. английский). В ряде языков признак времени либо не выражен, либо не важен для категоризации вершин; в таком случае связывание событийной переменной осуществляется путем лексикализации функциональных вершин *v* (ср. китайский [Huang 2015]). Полученная в итоге иерархия параметров передвижения вершин в глагольной проекции соответствует иерархии параметров для признака Person, что является безусловным преимуществом предложенного анализа.

В **шестой главе** Я. Робертс уделяет более пристальное внимание вопросу параметризации падежа. В предыдущих главах автор определяет значения данного признака на макроуровне: так, отсутствие падежа в языке при активности признака лица приводит к полисинтетизму. Теперь же он обращается к варьированию значений падежа на мезо- и микроуровнях, в основном опираясь на работы М. Шихан. Робертс строит иерархии параметров для отдельных синтаксических конструкций, последовательно рассматривая проявление признака падежа на релевантных функциональных вершинах. Так, для пассивного залога главным параметром становится «Наследует ли вершина *v* признаки вершины Voice, включая падеж», для эргативности — «Приписывает ли агентивная вершина *v* неструктурный падеж, связанный с тематической ролью», для каузативных конструкций — «Приписывает ли переходная вершина Appl неструктурный падеж», а для дитранзитивных предикатов — «Приписывает ли вершина *v* дитранзитивного глагола неструктурный падеж».

Таким образом, в главах 2–6 Я. Робертс успешно сводит межъязыковое варьирование к четырем характеристикам: способу категоризации вершин и признакам лица, времени и падежа, что дает начало подробной макротипологии, в рамках которой можно описать любой конкретный язык. К примеру, китайский оказывается языком без признака лица и признака времени, что отличает его от английского и испанского и лишает возможности использовать передвижение вершин, но с признаком падежа, что отличает его от могаукского (мохавк; полисинтетический язык, принадлежащий к ирокезской семье). Английский и испанский, в то же время, объединяются по способу определения грамматических категорий вершин (вершинное передвижение и лексикализация), но различаются по степени проявления признаков лица и времени (сильные признаки в испанском и слабые признаки в английском).

Седьмая глава завершает содержательную часть книги. Здесь Я. Робертс кратко обращается к так называемым A-bar явлениям: передвижению вопросительных элементов и лицензированию отрицания. Следуя работам [Zeijlstra 2004; Chernova 2014] среди прочих, автор разрабатывает типологию вопросительных конструкций, ключевым для которой становится интерпретируемый признак [*wh*] на вершине C, и типологию отрицания в терминах формально интерпретируемого признака [*iNEG*]. Как и прежде, параметрические иерархии повторяют модель NO > ALL > SOME.

Данная книга обладает рядом неоспоримых достоинств; перечислим лишь некоторые из них. Исследования Я. Робертса охватывают чрезвычайно широкий круг синтаксических явлений, начиная с порядка слов и заканчивая такими A-bar явлениями, как передвижение вопросительных местоимений и лицензирование отрицания. Автор подробно обсуждает каждую рассматриваемую тему, уделяя внимание как общезыковым вопросам, так и частным проблемам. К примеру, при обсуждении нулевых подлежащих (Глава 3), Робертс подробно останавливается на проблеме *arbitrary pro*, предлагая анализ, согласующийся с принятыми им допущениями. Значительная часть главы о передвижении глагольной вершины (Глава 5) отведена под обсуждение порядка слов и расположения глагола в немецком и исторического изменения порядка слов в условных предложениях в английском; обе эти проблемы хорошо известны в лингвистическом сообществе, и не коснуться их было бы досадным упущением со стороны автора.

Книга Я. Робертса важна для исследований в области типологии. Предложенные автором иерархии параметров позволяют классифицировать языки на макро-, мезо- и микроуровнях, что может значительно упростить дальнейшее описание языков, не упомянутых в книге. Кроме того, Я. Робертс обозначает несколько потенциальных направлений для дальнейших междисциплинарных исследований на стыке типологии и исторической лингвистики и типологии и психолингвистики. Предложенные параметрические иерархии, с одной стороны, предсказывают возможные пути диахронического развития языка, с другой стороны, обозначают наиболее вероятные модели усвоения языка носителями.

Необходимо, однако, упомянуть и некоторые упущения. Во-первых, как пишет сам автор, большое число морфосинтаксических явлений вынужденно оставлено без обсуждения, включая внутреннее устройство отглагольных существительных, группы прилагательного и предложных групп, проблему сентенциальных актантов и сирконстантов, вопросы, касающиеся информационной структуры предложения, и т. д.

Во-вторых, автор во многом объединяет результаты своих предыдущих работ, а также трудов своих коллег, приводя в качестве примеров уже известный языковой материал. Таким образом, в центре внимания вновь оказываются хорошо изученные языки; в ходе повествования автор многократно возвращается к сравнительно небольшой языковой выборке. Последующие переиздания книги могли бы рассмотреть новый языковой материал, релевантный для той или иной проблемы: к примеру, данные славянских языков при обсуждении порядка слов и дитранзитивных конструкций, данные кавказских языков при обсуждении проблемы инкорпорации и полисинтетизма, примеры из уральских языков при обсуждении порядка слов и т. д.

В-третьих, анализируя многие конструкции, Я. Робертс зачастую прибегает к не самым широко известным подходам, при этом не рассматривая альтернативные варианты представления структуры. В качестве примеров приведем анализы пассивных конструкций и дитранзитивных предикатов из Главы 6. В обоих случаях Робертс предлагает размещать все аргументы глагола в отдельных проекциях vP , над которыми надстраивается (фазовая) проекция Voice с пустым спецификатором. В пассивных конструкциях, по мнению исследователя, вершина Voice уникальным образом согласуется с ближайшим к ней внешним аргументом, что в английском выражается в виде предлога *by*; в свою очередь, внутренний аргумент становится мишенью согласования вершины T . Оставив в стороне проблему видимости внутреннего аргумента для согласования при том, что VoiceP для Робертса является фазой, отметим лишь, что более простые и элегантные структуры для пассивных конструкций, подходящие для всех примеров, приводимых автором, были предложены в работах [Bruening 2013; Collins 2018]; ср. (4a) и (4б). Кроме того, оригинальный анализ пассивных конструкций в терминах «перевернутой» предикации (reverse predication), успешно объясняющий поведение пассива в различных контекстах с эллипсисом, представлен в работе [den Dikken 2006] (4в).

- (4) а. $[_{VoiceP} \text{Voice } [_{vAgP} [by \text{Agent}] v_{Ag} \dots [_{vP} [\text{Theme } [VP]]]]]$ (с. 430)
 б. $[_{vP} [by \text{Agent}] [_v v [_{vP} \text{Theme } [_v V]]]]$ [Collins 2018: 4]
 в. $[_{RP} [_{vP} \text{Theme } [_v V]] [_R \text{RELATOR}(by) \text{Agent}]]$ [den Dikken 2006: 44]

В дитранзитивных (дативных) конструкциях Я. Робертс, с одной стороны, опирается на классический аппликативный анализ [Pylkkänen 2008]. С другой стороны, в отличие от Л. Пюльккянен, автор помещает проекцию ApplP над проекциями внутренних аргументов, включая отдельную проекцию $vGoalP$, в которой вводится косвенный объект (5).

- (5) а. $[_{ApplP} \text{Appl } [_{vGoalP} \text{Goal } [_{v_{Goal}} [_{vP} [_v [_{vP} \text{Theme } V]]]]]]]$ (с. 501)

Мотивация такого разделения проекций не до конца очевидна, как и новая функция ApplP и семантическое наполнение вершины Appl. Изначальное расположение участника Goal так высоко противоречит большинству широко известных анализов дитранзитивных

конструкций, не только в терминах ApplP [Pykkänen 2008], но и в терминах малой клаузы в комплементе VP [Hale, Keyser 2002; Harley 2003; den Dikken 2006]. Таким образом, было бы интересно увидеть, насколько параметры, предложенные Я. Робертсом, зависят от конкретного анализа той или иной конструкции и насколько легко они могут быть адаптированы.

Кроме того, стремление автора сформулировать все параметры в терминах формальных признаков, с соблюдением принятых допущений относительно дефектных мишеней согласования как основной мотивации передвижения вершин, на некоторых этапах анализа приводит к усложнению модели и бездоказательному приписыванию большого числа свойств многим функциональным вершинам, включая Person на вершинах *n* и *D*, Tense на вершине *v* и/или на нескольких T-подобных вершинах (Mood, T_{past/fut}, T_{ant}) и т. п., что невольно вызывает вопрос о возможных последствиях таких решений для других морфосинтаксических операций.

Несмотря на обозначенные выше небольшие замечания, данная книга бесспорно является magnum opus Я. Робертса. Рассматриваемая работа безусловно может быть рекомендована всем специалистам, интересующимся вопросами сравнительной лингвистики и формального морфосинтаксиса.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

- Barbosa 2019 — Barbosa P. *pro* as a minimal nP: Toward a unified approach to pro-drop. *Linguistic Inquiry*, 2019, 50(3): 487–526.
- Biberauer et al. 2014 — Biberauer T., Holmberg A., Roberts I. A syntactic universal and its consequences. *Linguistic Inquiry*, 2014, 45: 169–225.
- Bruening 2013 — Bruening B. *By* phrases in passives and nominals. *Syntax*, 2013, 16: 1–41.
- Chernova 2014 — Chernova E. *The syntax of wh-movement in multiple (true and echo) questions: A Q-particle approach*. Ph.D. diss. Univ. of Girona, 2014.
- Chomsky 1977 — Chomsky N. *Essays on form and interpretation*. Amsterdam: North-Holland, 1977.
- Collins 2018 — Collins C. Is the passive *by*-phrase an adjunct. Ms. New York Univ., 2018.
- Davidson 1967 — Davidson D. The Logical Form of action sentences. *The logic of decision and action*. Rescher N. (ed.). Pittsburgh: Univ. of Pittsburgh Press, 1967, 105–148.
- den Dikken 2006 — den Dikken M. *Relators and linkers*. Cambridge (MA): MIT Press, 2006.
- Hale, Keyser 2002 — Hale K. L., Keyser S. J. *Prolegomenon to a theory of argument structure*. Cambridge (MA): MIT Press, 2002.
- Harley 2003 — Harley H. Possession and the double object construction. *Linguistic Variation Yearbook*, 2003, 2: 31–70.
- Higginbotham 1985 — Higginbotham J. On semantics. *Linguistic Inquiry*, 1985, 16: 547–593.
- Huang 2015 — Huang C.-T. J. On syntactic analyticity and parametric theory. *Chinese syntax in a cross-linguistic perspective*. Li Y.-H. A., Simpson A., Tsai W.-T. D. (eds.). Oxford: Oxford Univ. Press, 2015, 1–47.
- Longobardi 2008 — Longobardi G. Reference to individuals, person, and the variety of mapping parameters. *Essays on nominal determination: From morphology to discourse management*. Klinge A., Müller H. H. (eds.). Amsterdam: John Benjamins, 2008, 189–211.
- Pollock 1989 — Pollock J.-Y. Verb movement, Universal Grammar, and the structure of IP. *Linguistic Inquiry*, 1989, 20: 365–424.
- Pykkänen 2008 — Pykkänen L. *Introducing arguments*. Cambridge (MA): MIT Press, 2008.
- Richards 2014 — Richards M. D. Defective Agree, Case alternations and the prominence of Person. *Scales and hierarchies: A cross-disciplinary perspective*. Bornkessel-Schlesewsky I., Malchukov A. L., Richards M. D. (eds.). Berlin: De Gruyter, 2014, 173–196.
- Roberts 2017 — Roberts I. The Final-Over-Final Condition in morphology. *The Final-Over-Final Condition: A syntactic universal*. Sheehan M., Biberauer T., Roberts I., Holmberg A. (eds.). Cambridge (MA): MIT Press, 2017, 323–346.
- Saito 2007 — Saito M. Notes on East Asian argument ellipsis. *Language Research*, 2007, 43: 203–227.
- Zeijlstra 2004 — Zeijlstra H. *Sentential negation and negative concord*. Utrecht: LOT, 2004.

[Рец. на: / Review of:] **J. Kamphuis. *Verbal aspect in Old Church Slavonic: A corpus-based approach***. Leiden; Boston: Brill, 2020. (Studies in Slavic and General Linguistics, 45.) ISBN 978-90-04-42159-2 (hardback), 978-90-04-42203-2 (e-book).

Hanne Martine Eckhoff

University of Oxford, Oxford, UK; hanne.eckhoff@mod-langs.ox.ac.uk

Ханне Мартине Экхофф

Оксфордский университет, Оксфорд, Великобритания; hanne.eckhoff@mod-langs.ox.ac.uk

DOI: 10.31857/0373-658X.2021.4.166-174

The research front in historical linguistics often moves at sedate pace, but occasionally we see sudden bursts of activity. One such burst is currently ongoing on the topic of aspect in Old Church Slavonic and early Slavonic in general, where a number of new and mostly corpus-based or -inspired publications have appeared in the last few years (e.g. [Dickey 2017; 2018; Eckhoff, Janda 2014; Eckhoff, Haug 2015; Eckhoff 2017; 2018; Mishina 2015; 2018; Wiemer, Seržant 2017]). Jaap Kamphuis's monograph *Verbal aspect in Old Church Slavonic: A corpus-based approach* is the most recent addition to this wave of scholarly work, and in many ways an important contribution to the debate, especially in the strong evidence it provides for a tripartite aspect system: verbs can be perfective, imperfective or aspectual. The monograph is not without weaknesses, however, and one of its main shortcomings is that it does not incorporate all of the findings of recent years, but leaves out references to literature that in fact often either supports or complements the author's own work, and would have strengthened the monograph considerably. Another shortcoming is the fact that Kamphuis's theoretical framework for analysing aspect is problematic, sometimes to the point that it skews his analyses. Finally, the book suffers from editorial problems which may make the early chapters of the book unnecessarily offputting for many readers.

The monograph consists of eleven chapters. Chapter 1 discusses the notion of Old Church Slavonic and explains the data used in the analyses. Chapter 2 sets out Kamphuis's theoretical approach to verbal aspect. Chapter 3 states his main research questions and hypotheses. Chapter 4 reviews a selection of previous literature on Old Church Slavonic with a view to pick the best methodological approach to the study. Chapter 5 gives a morphologically based classification of Old Church Slavonic verbs, on the assumption that aspect is marked by derivational morphology ("Slavic-style aspect"). Chapter 6 presents and discusses Old Church Slavonic inflectional verb morphology and its many subparadigms. Chapter 7 gives statistical analyses of the morphological groups from Chapter 5 on the basis of their distribution across verbal subparadigms (a grammatical profile analysis), and finds that aspect is strongly correlated with derivational morphology. Chapter 8 tries to establish the semantics of Slavonic-style aspect in OCS on the basis of three core groups of verbs which Kamphuis assumes to be perfective, imperfective and aspectual on morphological grounds. Chapter 9 provides a similar analysis of a range of "non-core" groups with less obviously predictable aspectual status. Chapter 10 makes a diachronic detour looking into the possibility of a connection between the rise of the Slavonic imperfect and derived imperfect verbs. Chapter 11 is the conclusion, summarising the analyses provided in the monograph.

A very valuable side of the study is its source data, and in particular Kamphuis's verb database built on [Aitzetmüller 1977] is a major asset. The database contains 2,883 verb lexemes with a total of ca. 80,000 attestations, and a range of important information: Aitzetmüller's subparadigm distributional statistics with many corrections,¹ the verb's Leskien class, type of derivation (e.g.

¹ Unfortunately, Kamphuis does not report the extent of these corrections or whether any systematic searches for errors were performed. [Aitzetmüller 1977] is well known to contain a series of errors, and a substantially corrected version would be a great step forward.

“prefixed verb”, “suffixed prefixed verb” etc.) and whether or not it is a verb of motion, the corresponding simplex verb and the form of any other derivation from the lookup verb (for example, *свърати* is listed with *върати* as its simplex and *съвърати* as its prefixed suffix-derived partner) (pp. 95–97). The database allows Kamphuis to cross-categorise verbs in very effective ways and thus put an old resource to much better, digital use. While there are now morphologically (and syntactically) annotated corpus resources available for OCS, most notably the PROIEL and TOROT treebanks [Haug, Jøhndal 2008; Eckhoff, Berdičevskis 2015], which also have partial annotation for verbal derivational morphology, none of them come close to covering the range of sources featured in Aitzetmüller, and Kamphuis’s database is thus a digital resource of great value. One hopes that he will consider publishing it for the use of future scholars.

Kamphuis’s other data source, a parallel corpus of the four Gospel codices Marianus, Zographensis, Assemanianus and Savvina Kniga, is also put to excellent use in the monograph, leading to many perceptive discussions of meaningful variation between the codices. The corpus is described in rather vague terms, compared to the crystal clear description of the database, and it is not clear exactly what information it contains. It certainly does not seem to consistently include a Greek parallel, since Kamphuis describes several impromptu investigations into correspondences between Greek and OCS forms, e.g. between the Greek future and the OCS perfective present (Section 8.1.1, p. 51).²

In Chapter 5 Kamphuis provides an exhaustive and lucid classification of OCS verb types, which makes an excellent point of departure for his statistical analyses. His core groups of study are four classes of verbs that he hypothesises to be morphologically marked for aspect, namely verbs that are demonstrably derivationally related to another verb: prefixed verbs and their prefixed and suffix-derived partners (*призъвати*, *призывати*), unprefixed simplex verbs and their suffix-derived partners (*дати*, *давати*). The terms he uses for these classes may seem a bit premature: “perfective prefixed”, “imperfective prefixed”, “perfective unprefixed” and “imperfective unprefixed”, but Kamphuis remedies this by vetting their distributional properties very carefully in his statistical work in the following chapters. He finds that certain subgroups of verbs (such as prefixed verbs with the base verb *-ѣщавати*) do not display the behaviour that the majority of the verbs in their class do — echoing observations made in several pieces of previous work (e.g. [Amse-de Jong 1974]).

Kamphuis also proposes an important fifth core group, namely verbs that have no aspectual marking, neither prefixation nor a derivational relationship to another verb, “aspectual verbs”: *играти*, *зъвати*, *видѣти* and many others. I think it is crucial for any study to make this distinction. We must assume that Slavonic-style aspect is a result of grammaticalisation of the type of telicising and procedural prefixation we can observe in e.g. Greek and Germanic as an exponent of perfective aspect, and of the accompanying suffixal derivation of partner verbs for such prefixed verbs as an exponent of imperfective aspect (see also [Eckhoff, Haug 2015: 221–223]). In short, we must likewise assume that in the earliest version of the Slavonic-style aspect system, verbs could only be aspectual if they were overtly marked. Verbs with no overt aspect marker must have been neutral or aspectual, “just verbs”. Any attempt to make sense of the system must take this basic fact into account — as Kamphuis points out, much of the confusion and bickering in the literature, especially concerning the possibility of perfective imperfects and imperfective aorists in OCS, follows directly from a failure to make this necessary distinction (e.g. in [Dostál 1954]). Thus, Kamphuis’s combination of strict morphological classification and statistical analysis of the distributional properties of each class is very welcome.

On the basis of this, Kamphuis’s decision to count verbs without any marking as perfective if they have an attested partner is perhaps somewhat unprincipled. I agree that pairs like *дати*/*давати* certainly must have had a paradigmatic relationship of sorts, but this (in many cases

² Notably, the PROIEL and TOROT treebanks contain respectively Marianus and Zographensis token aligned with Tischendorf’s version of the Gospels, see e.g. the published dataset of [Eckhoff, Haug 2015] at <https://doi.org/10.18710/3YNHO7> — but Kamphuis apparently makes no use of these resources.

uncertain and ambiguous) relationship does not equal overt marking. The choice rather prevents Kamphuis from comparing the “unprefixed perfectives” with his group of anaspectual verbs. For instance, it is striking that practically the only convincing examples in the Codex Marianus and Zographensis of “perfective imperfects” after Kamphuis’s criteria (pp. 194–198) are the three occurrences of the form *дадѣаше* (Zogr., Mar. Mk. 11.16, Zogr. Lk. 4.41), notably a form that is **not** overtly marked for Slavonic-style aspect. Cf.: *и не дадѣаше никому же мимо-нести. съждѣ съвозѣ црѣковь*. “and he (repeatedly) did not let anyone carry any vessel through the temple” (Zogr. Mk. 11.16).

Allowing the *дати* group to be a separate aspectual class merely on the basis of a non-overt derivational relationship to another verb also begs the question of why Kamphuis does not make the same decision in the matter of simplex verbs that clearly have an unmarked derivational relationship with a prefixed verb, such as *творити* with *сътворити* and *пѣсати* with *напѣсати*, i.e. the “natural” or “true” aspectual pairs which are clearly also around to some extent. These simplex verbs get no special treatment from Kamphuis (in fact he says remarkably little about them), but are summarily placed in the anaspectual category. I happen to agree that those verbs are anaspectual (cf. [Eckhoff, Haug 2015]), but I think that judgement can only be based on their distributional properties, not on their morphology. As it is, Kamphuis’s “unprefixed perfectives” group nicely with the “prefixed perfectives” distributionally, and since the two groups are treated separately, this is a relatively minor flaw.

Verbs that do not fit in these five core groups are cautiously and wisely placed in a range of strictly morphologically defined peripheral groups, such as prefixed verbs with no attested partner (*оубоити* с), determinate verbs of motion with partner (*възнѣти*), prefixed Leskien class II verb (*поманѣти*) etc. Kamphuis does not pre-assume any aspectual properties for these classes, but proceeds to compare their distributional properties with those of his five core groups in Chapter 7.

Kamphuis’s next step is to provide a grammatical profile analysis of his morphological groups along the lines of [Janda, Lyashevskaya 2011] and [Eckhoff, Janda 2014]: statistical analysis of each verb group’s aggregate distribution across verb subparadigms (present, present participle, imperfect, infinitive and supine, imperative, past participle and aorist). Like [Eckhoff, Janda 2014], he visualises the outcome by way of a correspondence analysis, backed up with chi-square tests of the associations between each group, with Bonferroni correction, and also measuring the effect size of each relationship with Cramer’s V. This is good and skilful work.

Kamphuis’s correspondence analysis shows that the overwhelming proportion of the variance is accounted for by the first dimension of the analysis, which must clearly be interpreted as the aspect dimension. In the analysis of the five core groups, the two assumed perfective groups cluster very closely together at the extreme left of the first dimension, while the two assumed imperfective groups cluster equally closely together at the extreme right of the first dimension. The assumed anaspectuals are convincingly separate from the two groups, but closer to the assumed imperfectives. This is very neat, and can even be plotted one-dimensionally, which Kamphuis does on p. 143. The correspondence analysis thus strongly supports Kamphuis’s initial hypothesis. It also shows that perfectivity is strongly associated with past participles and the aorist, and that imperfectivity is strongly associated with present participles and the imperfect. This directly confirms the results of [Eckhoff, Janda 2014], and of course also the findings and intuitions of generations of previous scholars, since the past-tense and participle distribution of OCS verbs has been used (explicitly or implicitly) as a heuristic to determine their aspectual properties since the 19th century.

After he has established that his five core groups can be sorted into perfective, imperfective and anaspectual, Kamphuis gives a second correspondence analysis where his peripheral groups are included. The result again strongly suggests that OCS Slavonic-style aspect is primarily morphologically marked: All prefixed underived verb types as well as the *нѣ*-suffixed Leskien class II verbs, prefixed and unprefixed, cluster closely together on the perfective side of the first dimension. All classes of suffix-derived verbs except the Leskien class II verbs and

one further group (the *порѣдати* type) cluster together on the imperfective side of the first dimension. Simplex verb classes (except the *дати* type) are found in between — unprefixed determinative motion verbs closer to the perfectives, regular simplices and the deviant verb *бзрѣти* closer to the imperfectives.

Kamphuis's analysis thus provides very strong support for the view that the OCS version of the Slavonic-style aspect system is tripartite: verbs may be perfective, imperfective, or they may be aspectual in the sense that they are not overtly marked for aspect and do not participate in the aspectual system (see [Forsyth 1972; Amse-de Jong 1974; Eckhoff, Haug 2015] for similar views). It also provides support for the view that the OCS past-tense and participle system express viewpoint aspect (with no element of telicity, i.e. not Slavonic-style): aorists and past participles are perfective, while imperfects and present participles are imperfective. This is strongly akin to the view presented in [Eckhoff, Haug 2015] on the basis of a parallel study of Greek and OCS (which Kamphuis fails to cite). Interestingly and controversially, Kamphuis also includes the *l*-participles among the past participles he thinks are perfective in this sense (pp. 123–130), but he does not substantiate this view properly, and he largely ignores the literature on early Slavonic perfects (e.g. [Trost 1972; MacRobert 2013; Plungian, Urmanchieva 2017]).

The explicit aim of Chapters 8 and 9 is to provide semantic analyses of the functions of the five core groups of verbs and the peripheral groups respectively. The chapters contain many interesting discussions and perceptive analyses of examples. However, the discussions are invariably at their best when they are firmly data-driven, i.e. when they are based on either OCS parallel data from the Gospel manuscripts (for example on variation between prefixed and simplex verbs, see e.g. the examples discussed p. 209), comparisons with the Greek source texts (especially the study of translations of Greek verbs in the future tense, pp. 151–159), or on distributional data, i.e. the grammatical profiles of deviant subgroups of verbs (e.g. prefixed and underived verbs with imperfective-looking grammatical profiles such as *възлежати*, *прѣстојати*, pp. 229–232). However, in many of his purely semantic discussions, Kamphuis runs into problems with his aspectual terminology, which sometimes prevents him from giving good semantic analyses of complex examples.

Aspectual terminology is, of course, a particularly tricky field, and it is notoriously difficult to handle the tangled relationship between viewpoint aspect and telicity that we find in Slavonic-style aspect systems (see e.g. [Plungian 2011] for the view that a binary opposition is not enough to account for these systems). In dealing with a dead language with limited and skewed attestations, there are also limits to the level of detail we can hope to achieve. I do, however, think that Kamphuis's definitions are not sufficiently precise, and that we need to do better, especially since inconsistent and imprecise aspectual terminology has plagued this debate since its beginnings.

Kamphuis states and restates his definitions repeatedly in the book, but the formulations that are used most frequently in practice are the following:

Romance-style aspect (aorist and past participles vs. imperfect and present participles)

- perfective: presents an event as temporally bounded (p. 116)
- imperfective: presents an event as temporally unbounded (p. 116), defocuses the temporal boundaries of an event (p. 172)

Slavonic-style aspect (derivational aspect)

- perfective: always entails the attainment of the inherent boundary of the verb (p. 33)
- imperfective: defocuses the inherent boundary of the verb

It is hard to understand why Kamphuis does not opt for a stringent and explicit Kleinian time-relational definition [Klein 1994; 1995] of at least Romance-style aspect, but in Chapter 2, where he supposedly lays out the theoretical framework of the monograph, he does not even cite Klein once. This becomes more problematic in Chapter 6 where he attempts

to apply his definitions to the semantics of the aorist and imperfect. Here Klein is invoked repeatedly to define tense, but Kamphuis dismisses a time-relational definition of aspect because he does not believe that it can account for iterative readings of derivationally imperfective verbs (p. 116). However, when dealing with the semantics of the aorist and the imperfect in practice, the Kleinian definitions tacitly crop up: two verbs in the aorist are described as “two events that occur within the limits of the TA [assertion time], hence the complete event is in focus” (p. 112), and he says that the imperfect verbs in example (52) are presented “as ongoing actions that occur simultaneously and include the TA, which lies before the TU [utterance time]” (p. 114).

For his definition of Slavonic-style aspect Kamphuis opts not only to dismiss a time-relational definition, but also to conflate aspect and terminativity, assuming that all OCS aspectual verbs (i.e. ones that are morphologically marked according to his typology in Chapter 5) are terminative. He chooses to use the terms *terminative* / *aterminative* instead of *telic* / *atelic* in order to be able to include semelfactives, delimitatives and perduratives (p. 25–26). This causes some very real problems since it effectively renders him unable to distinguish between procedurals (which are often not telic) and ordinary perfective verbs (which are). If modern Russian *посидеть* is as terminative as *нанусть*, then what is the difference between a terminus and the “temporal boundary” that is used to define Romance-style grammatical aspect?³

This set of theoretical tools predictably leads to a number of fuzzy and unconvincing semantic analyses, which are all the more disappointing since Kamphuis’s material is so strong and his intuitions generally convincing. For instance he is not able to use the definitions to express any discernible semantic difference between an imperfect of a prefixed imperfective verb and an imperfect of a prefixed perfective verb, as in *ПРОКЛИНААШЕ СМОКЪВНИЦЪ И ѿСЪХНУВІАШЕ* ‘he would curse a fig tree and it would wither’ (Supr. 41).

Kamphuis argues (not unlike [Amse-de Jong 1974: 44]) that the meaning of the very rare perfective imperfect is habitual-correlative, i.e. that there is a condition which, when fulfilled, automatically leads to a consequence. However, it is not possible to compute such a difference in meaning between imperfective and perfective imperfects using Kamphuis’s definitions of aspect — this difference does not follow from the difference between perfectives, which “entail the attainment of an inherent boundary” and imperfectives, which “defocus the inherent boundary”. In fact, in the prefixed and suffix-derived imperfective *ПРОКЛИНААШЕ* the boundary seems to be no more defocused than it is in the prefixed Leskien II class verb *ѿСЪХНУВІАШЕ*, as in both cases there is an inherent boundary (made explicit by a prefix) which is repeatedly attained. Kamphuis ends up saying rather feebly that “the perfective imperfect is used to explicitly indicate that the event occurs on more than one occasion, whereas the imperfective imperfect simply expresses that an event occurs regularly, without referring to the emergence of the appropriate circumstances” (pp. 196–197).

In other cases both the terminology and the analysis itself are problematic. Kamphuis notes that the imperfect can occur in sequences of events without being a backdrop to those events, and points out that ingressive interpretations of imperfects are possible in some contexts of this type: *ѦНГЛА БО ГНѦ СЪШЕДЪ СЪ НБСЕ. І ПРИСТЖПЪ ОТЪВАЛИ КАМЕНЬ ОТЪ ДВѦРЕН ГРОБА. І СѢДѦША НА НЕМЪ.* ‘For an angel of the Lord came down from heaven, rolled aside the stone, and sat on it’ (Mar. Mt. 28:2).

The simple analysis in Kamphuis’s terms would be that in *СѢДѦША*, the verb *СѢДѦТИ* is *aterminative* and *anaspectual*, while the imperfect denotes a temporally unbounded event — or with a more explicit terminology you could say that *СѢДѦТИ* is *atelic* and the imperfect expresses an event where the situation time is not included in the assertion time. This would work well enough since the sitting event can easily be interpreted as lasting longer than the assertion time, but it would not explain the possible ingressive reading. Kamphuis struggles to account for this: “the imperfect leaves any boundaries of the event out of the focus, which necessarily

³ He also wrongly claims that the *посидеть* type does not exist in OCS (but see [Eckhoff 2018]).

results in a contact between the ‘events themselves’ [...] which makes it a different kind of ingressivity than expressed by verbs like *ubojati se* ‘become afraid’ or *vъzalkati* ‘become hungry’” (p. 180). In the end he dismisses the ingressive reading for this example, claiming that the sitting event is “presented *in medias res*” (ibid.). We may note that in all of Kamphuis’s examples of this kind (examples 156–158 p. 179), the imperfect is preceded by an aorist. A possible analysis (along the lines of [Bary, Haug 2011: 43–44] would be to say that the aorist *отъвѣда* pushes the reference time (and thus the narrative progression) forward so that the verb to its right would (typically or obligatorily)⁴ have to take a time immediately following the aorist’s assertion time as its own assertion time, in which case the ingressive reading comes from the semantics or default interpretation of the aorist and not the imperfect. In fact, this may be the intuition behind Kamphuis’s formulation “contact between the ‘events themselves’”, and it fits with his apparent endorsement of Galton’s description of the OCS perfective aorist: “each occurrence is quite schematically characterized by ‘was not — was — was over’; its ‘was not’ is the ‘was over’ of its predecessor, its ‘was over’ is the ‘was not’ of its successor” [Galton 1976: 140–141, cited on p. 172]. However, this is not sufficiently worked out.

In Chapter 1 Kamphuis sets out to analyse the canonical OCS texts as representatives of a single synchronic system, summarily stating that “there is no indication that there is a systematic difference between the OCS manuscripts with regard to verbal aspect” (p. 8). However, as he moves into the analysis, it becomes clear that he does believe that there are diachronic layers in the texts, and in particular he repeatedly suggests that variation between Gospel manuscripts may be due to an “original translation” and a later change to that translation. For instance, he points out that there is often variation between the Gospel manuscripts when an imperfective present is found translating a Greek future, and believes that this can indicate that “the imperfective forms are not the original translation, but replace perfective forms in an environment that seems to be more fitting with the functions of imperfective aspect” (p. 154). Instead of this kind of unsystematic and often speculative diachronic hypothesis, it would have been nice to see Kamphuis use the distributional data on the morphologically aspectual verbs to look at the extent to which simplex verbs had joined the imperfectives at this stage. After all, he does allow that the so-called “unprefixed perfectives” must already have joined the “prefixed perfectives”. He pays strikingly little attention to pairs of the type *пѣсати/напѣсати* — most of his examples of prefixed partners of aspectual verbs are ingressives such as *възлюбити*. Eckhoff & Haug [2015: 212] identify verb pairs in Codices Marianus and Zographensis on the basis of the Greek source verbs (i.e. verbs are considered partners if they both systematically translate the same Greek verbs), and in their data supplement E⁵ 17 pairs of the *пѣсати/напѣсати* type can be found.⁶ In Eckhoff & Haug’s statistical aspectual classification of verbs (data supplement D⁷) the simplex partners in these pairs often come out as aspectually neutral (i.e. they can occur in the aorist, imperfect and as past and present participles), but some of them come out as imperfective (i.e. no aorist and past participle attestations). So for example *пѣсати* comes out as neutral and thus has the sort of grammatical profile that Kamphuis would associate with aspectual verbs, while *творити* has no aorist or past participle attestations and comes out as imperfective.

⁴ Haug & Bary’s [2011: 28, 52] analysis is intended for Ancient Greek independent rheme perfective participles, which in their opinion obligatorily push the reference time forward (narrative progression is grammaticalised for such participles), while finite perfective verbs only do so by default.

⁵ <https://doi.org/10.18710/3YNHO7>

⁶ *сътворити, творити; сънѣсти, ѣсти; съдѣлати, дѣлати; съписати, пѣсати; създати, здати; съблазнити, блазнити; напѣсати, пѣсати; наоучити, оучити; въздрасити, расити; възсѣяти, сѣяти; запрѣтити, прѣтити; испросити, просити; ицѣлѣти, цѣлѣти; оумолити, молити; ожениити, жениити; проклѣти, клѣти; подавити, давити.*

⁷ <https://doi.org/10.18710/3YNHO7>

As will already have been gathered from the previous, one serious and general flaw of the monograph is that it is not up-to-date with the most recent research in the field. It is, for example, surprising that Kamphuis does not cite any of Mišina's work on Old East Slavonic and OCS aspect, which is very much akin to his own work in method and conclusions (e.g. [Mišina 2018] on potentially aspectual verbs). In many cases such references would have strengthened Kamphuis's arguments — for example, he could have used Eckhoff & Haug's [2015] parallel study of Greek and OCS aspect and prefixation to support his own relatively thin justification of seeing the aorist and imperfect as aspectual (footnote 12, p. 28), and his view of the semantic effect of combining aspectual verbs with the aorist is very similar to the view already proposed by Eckhoff & Haug [2015] (see also [Plungian 2011: 305]). His discussions of delimitative and ingressive aorists and their prefixed competition could have drawn on [Eckhoff 2017; 2018]. Chapter 6, which is generally marred with over-ambition and narrow reference — a full exploration of all the OCS tenses and moods is surely a topic for at least one full monograph, not a single chapter! — is particularly notable for citing hardly any of the literature on the early Slavonic perfect (e.g. [Trost 1972; MacRobert 2013; Plungian, Urmanchieva 2017]), and for "discovering" the well-known fact that the OCS perfect tense is strikingly more frequent in the second person singular than in any other person/number combinations, without any reference to previous literature such as [MacRobert 2013] and the references therein. Chapter 10, which is a fairly speculative discussion of the possible link between the innovated Slavonic imperfect and derived *aj*-suffixed verbs, has much in common with [Wiemer, Seržant 2017] and would have benefited from taking their views into account. In footnote 16 (p. 65) and the conclusion chapter he says it would be interesting to see how inclusion of unpaired verbs and participle/gerund data would affect Janda & Lyashevskaya's [2011] results, but in fact he needs to look no further than [Eckhoff, Janda, Lyashevskaya 2017], where exactly this was done and where verbs were also classified morphologically in a way very reminiscent of Kamphuis's own approach. As a matter of fact a statistically significant difference was found between the grammatical profiles of simplex imperfectives (the descendants of Kamphuis's aspectuals) and those of secondary imperfectives (the descendants of Kamphuis's "prefixed imperfectives") [Ibid.: 867]. The monograph thus operates in something of a vacuum and does not really reflect the state of the art.

Finally, the monograph has problems of an editorial nature. Especially chapters 1, 2 and 4 suffer from insufficient editing and to some extent reveal the monograph's origins as a PhD dissertation (defended 2016 in Leiden). For instance, Chapter 1 gives a rather perfunctory presentation of Old Church Slavonic and its canon, where Kamphuis avoids problematisation of many contentious issues (such as the relationship between Cyrillic and Glagolitic), and where his own views are not sufficiently explicit — we are left to wonder what, in his opinion, should be included in the Old Church Slavonic canon and why. However, the data for the monograph is Aitzetmüller's [1977] *Belegstellenverzeichnis der altkirchenslavischen Verbalformen* and a parallel corpus of the four indisputably canonical Gospel codices Marianus, Zographensis, Assemanianus, and Savvina Kniga, and this renders most of the discussion in the chapter superfluous for a monograph — though arguably necessary for a dissertation. Chapter 2, which outlines Kamphuis's aspectual terminology, does not really arrive at the framework and terminology he will eventually use, and completely fails to mention the time-relational approach to aspect [Klein 1994; 1995], although it becomes abundantly clear in Chapter 6 that he is not only familiar with it, but tacitly uses the Kleinian aspect definitions especially in his dealings with the imperfect (as already mentioned). In Chapter 4 Kamphuis is fairly dismissive of Eckhoff & Janda's [2014] method of using the grammatical profiles of individual verbs, but chapters 6–9 reveal that he uses precisely that method himself to deal with verbs that do not behave as we would predict on the basis of their morphological form, and to very good effect. The early chapters thus have an air of having been written before the later chapters were finished, without being edited to reflect the new realities. This might make some readers give up on the book before they reach the chapters where Kamphuis really makes a solid and welcome contribution to the literature, and that would be a pity, despite the monograph's not inconsiderable flaws.

REFERENCES

- Aitzetmüller 1977 — Aitzetmüller R. *Belegstellenverzeichnis der altkirchenslavischen Verbalformen*. Würzburg: Ursula Weiher Verlag, 1977.
- Amse-De Jong 1974 — Amse-De Jong T. H. *The meaning of the finite verb forms in the Old Church Slavonic Codex Suprasliensis. A synchronic study*. The Hague: Mouton, 1974.
- Bary, Haug 2011 — Bary C., Haug D. T. T. Temporal anaphora across and inside sentences: The function of participles. *Semantics & Pragmatics*, 2011, 4: article 8.
- Dickey 2017 — Dickey S. Prefixation in the rise of Slavic Aspect. *The role of prefixes in the formation of aspectuality: Issues of grammaticalization*. Benacchio R., Muro A., Slavkova S. (eds.). Florence: Firenze Univ. Press, 2017.
- Dickey 2018 — Dickey S. The collapse of the common Slavic tense system as a catastrophe in the development of the Slavic aspectual category. *American Contributions to the 16th International Congress of Slavists, Belgrade 2018*. Vol. 1: *Linguistics*. Bethin C. Y. (ed.). Bloomington (IN): Slavica, 2018, 67–86.
- Dostál 1954 — Dostál A. *Studie o vidovém systému v staroslověnině*. Prague: Státní pedagogické nakladatelství, 1954.
- Eckhoff 2017 — Eckhoff H. M. New beginnings: Ingressives in Early Slavic. *Each venture a new beginning: Studies in honor of Laura A. Janda*. Makarova A., Dickey S. M., Divjak D. (eds.). Bloomington (IN): Slavica, 2017, 257–276.
- Eckhoff 2018 — Eckhoff H. M. A corpus approach to the history of Russian *po* delimitatives. *Diachronica*, 2018, 35(3): 358–366.
- Eckhoff, Berdičevskis 2015 — Eckhoff H. M., Berdičevskis A. Linguistics vs. digital editions: The Tromsø Old Russian and OCS Treebank. *Scripta & e-Scripta*, 2015, 14–15: 9–25.
- Eckhoff, Haug 2015 — Eckhoff H. M., Haug D. T. T. Aspect and prefixation in Old Church Slavonic. *Diachronica*, 2015, 32-2: 186–230.
- Eckhoff, Janda 2014 — Eckhoff H. M., Janda L. A. Grammatical profiles and aspect in Old Church Slavonic. *Transactions of the Philological Society*, 2014, 112(2): 231–258.
- Eckhoff, Janda, Lyashevskaya 2017 — Eckhoff H., Janda L., Lyashevskaya O. Predicting Russian aspect by frequency across genres. *Slavic & East European Journal*, 2017, 61(4): 844–875.
- Forsyth 1972 — Forsyth J. The nature and development of the aspectual opposition in the Russian verb. *The Slavonic and East European Review*, 1972, 50(121): 493–506.
- Galton 1976 — Galton H. *The main functions of the Slavic verbal aspect*. Skopje: Macedonian Academy of Sciences and Arts, 1976.
- Haug, Jøhndal 2008 — Haug D. T. T., Jøhndal M. L. Creating a parallel treebank of the old Indo-European Bible translations. *Proc. of the 2nd Workshop on Language Technology for Cultural Heritage Data (LaTeCH 2008)*. Sporleder C., Ribarov K. (eds.). Marrakech, 2008, 27–34.
- Janda, Lyashevskaya 2011 — Janda L. A., Lyashevskaya O. Grammatical profiles and the interaction of the lexicon with aspect, tense, and mood in Russian. *Cognitive Linguistics*, 2011, 22(4): 719–763.
- Klein 1994 — Klein W. *Time in language*. London: Routledge, 1994.
- Klein 1995 — Klein W. A time-relational analysis of Russian aspect. *Language*, 1995, 71: 669–695.
- MacRobert 2013 — MacRobert C. M. The competing use of perfect and aorist tenses in Old Church Slavonic. *Slavia*, 2013, 82(4): 387–407.
- Mishina 2015 — Мишина Е. А. Семантика глаголов и семантика времен в древнерусском и старославянском языках (в свете взаимодействия с аспектуальной семантикой). *Аспектуальная семантическая зона: типология систем и сценарии диахронического развития*. Китадзё М. (ред.). Киото: Tanaka Print, 2015, 174–180. [Mishina E. A. Verb semantics and tense semantics in Old Russian and Old Church Slavonic in interaction with aspectual semantics. *Aspektual'naya semanticheskaya zona: tipologiya sistem i ssenarii diakhronicheskogo razvitiya*. Kitajo M. (ed.). Kyoto: Tanaka Print, 2015, 174–180.]
- Mishina 2018 — Мишина Е. А. К вопросу о видовой семантике простых (бесприставочных) глаголов в древнерусском языке. *Русский язык в научном освещении*, 2018, 1: 161–182. [Mishina E. A. On the aspect of simplex (non-prefixed) verbs in Old Russian. *Russkij yazyk v nauchnom osveshchenii*, 2018, 1: 161–182.]

- Plungian 2011 — Плунгян В. А. Типологические аспекты славянской аспектологии (некоторые дополнения к теме). *Scando-Slavica*, 2011, 57(2): 290–309. [Plungian V. A. Typological aspects of Slavic aspectology: Some addenda. *Scando-Slavica*, 2011, 57(2): 290–309.]
- Plungian, Urmanchieva 2017 — Плунгян В. А., Урманчиева А. Ю. Старославянский перфект: Был ли он результативным? *Словѣне*, 2017, 2: 13–56. [Plungian V. A., Urmanchieva A. Yu. The perfect in Old Church Slavonic: Was it resultative? *Slověne*, 2017, 2: 13–56.]
- Trost 1972 — Trost K. *Perfekt und Konditional im Altkirchenslavischen*. Wiesbaden: O. Harrassowitz, 1972.
- Wiemer, Seržant 2017 — Wiemer B., Seržant I. Diachrony and typology of Slavic aspect: What does morphology tell us? *Unity and diversity in grammaticalization scenarios*. Bisang W., Malchukov A. (eds.). Berlin: Language Science Press, 2017, 239–307.

Получено / received 31.10.2020

Принято / accepted 17.11.2020

ВОПРОСЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

научный журнал Российской академии наук
(свидетельство о СМИ ПИ № ФС77-77284 от 10.12.2019 г.)

Оригинал-макет подготовлен С. С. Белоусовым

Адрес редакции: 119019, Москва, ул. Волхонка, 18/2,
Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН, редакция журнала «Вопросы языкознания»,
тел.: +7 495 637-25-16, e-mail: voprosy@mail.ru

Подписано к печати 06.07.2021 Формат 70×100^{1/16} Уч.-изд. л. 16,5

Тираж 340 экз. Зак. 4/4а Цена свободная

Учредители: Российская академия наук, Институт русского языка им. В. В. Виноградова РАН

Издатель: Российская академия наук

20 экземпляров распространяется бесплатно

Исполнитель по контракту № 4У-ЭА-069-20 ООО «Интеграция: Образование и Наука»
105082, г. Москва, Рубцовская наб., д. 3, стр. 1, пом. 13–14

Отпечатано в ООО «Институт информационных технологий»

ГАУГН-ПРЕСС

«ГАУГН-ПРЕСС» осуществляет свою деятельность на базе Государственного академического университета гуманитарных наук (ГАУГН) и научно-исследовательских институтов Российской академии наук социогуманитарного профиля в рамках их сетевого взаимодействия.

КЛЮЧЕВЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ

- формирование учебно-методических комплексов
- развитие научной периодики
- внедрение новых стандартов научной коммуникации

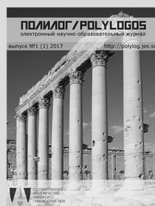
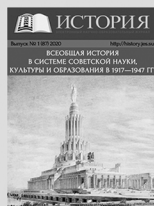
ПРИНЦИПЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

- интеграция науки и образования
- модульный характер актуализации гуманитарного знания
- сетевое взаимодействие научных и методических центров

НАУЧНАЯ И УЧЕБНАЯ ЛИТЕРАТУРА

СЕТЕВАЯ ПЕРИОДИКА

По вопросам приобретения научной и учебной литературы, печатных изданий журналов Российской академии наук, а также оформления подписки на сетевую периодику обращаться по адресу **press@gaugn.ru**

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ
АКАДЕМИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ
ГУМАНИТАРНЫХ НАУК

НА БАЗЕ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК
с 1994 года

Преподаватели – ведущие российские ученые

- более 30% – доктора наук
- более 45% – кандидаты наук

Стажировки в:

- ведущих научно-исследовательских организациях
- органах государственной власти
- крупнейших общественных организациях
- бизнес-структурах

Интеграция науки и образования

Бюджетные места

Насыщенная студенческая жизнь

Отсрочка от армии

БАКАЛАВРИАТ

МАГИСТРАТУРА

АСПИРАНТУРА

НАПРАВЛЕНИЯ ПОДГОТОВКИ:

• История •

• Философия •

• Политология •

• Социология •

• Международные отношения •

• Зарубежное регионоведение •

• Востоковедение и африканистика •

• Психология •

• Культурология •

• Археология •

• Менеджмент •

• Юриспруденция •

• Экономика •

КОНТАКТНАЯ ИНФОРМАЦИЯ

Горячая линия: +7 (499) 238-04-12

facebook.com/gaugn

instagram.com/gaugn_/_

gaugn.ru

E-mail: info@gaugn.ru

vk.com/gaugn

Лицензия 90Л01 № 0009385 регистр. № 2323 от 9 августа 2016 г.
Свидетельство о государственной аккредитации № 3207 от 24 июля 2019 г.